

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Куц Николай Викторович

Е.Ф. Розен: жизнь и творчество

Специальность 5.9.1 — Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Доктор филологических наук
Дмитрий Павлович Ивинский

Москва — 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. РАННИЕ ГОДЫ (1819–1827).....	47
1.1. Первые опыты.....	47
1.2. Зарождение интереса к истории России.....	55
ГЛАВА 2. В МОСКВЕ И РЕВЕЛЕ (1828–1829).....	60
2.1. «Московский телеграф» и «Московский вестник».....	60
2.2. Исторические поэмы и баллады.....	69
ГЛАВА 3. В ПЕТЕРБУРГЕ (1830–1839).....	80
3.1. Дельви́г, дельви́говский кружок, «Альциона».....	80
3.2. Пушкинский круг.....	90
3.2.1. «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”».....	90
3.2.2. Статья о «Борисе Годунове» и творчество Розена.....	107
3.2.3. Пушкин в розеновской критике.....	113
3.2.4. «Современник».....	119
3.3. «Жизнь за царя».....	129
ГЛАВА 4. ПОЗДНИЕ ГОДЫ (1840–1860).....	140
4.1. Полемика с кругом журнала «Москвитянин».....	140
4.2. Фольклоризм в творчестве Розена.....	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	158
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Е.Ф. РОЗЕНА.....	164
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ПИСЬМА Е.Ф. РОЗЕНА.....	232
2.1. Ф.Н. Глинке.....	234
2.2. А.И. Подолинскому.....	238
2.3. А.Ф. Воейкову.....	241
2.4. И.В. Киреевскому.....	243
2.5. В.Ф. Одоевскому.....	245
2.6. П.А. Вяземскому.....	247
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	249
Источники.....	249

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь и творчество барона Егора Федоровича Розена (1800–1860) — остзейского немца, ставшего русским литератором, поэта, критика, драматурга, переводчика, автора либретто к опере М.И. Глинки «Жизнь за царя» (1836) — неоднократно привлекали к себе внимание исследователей, но из-за относительной немногочисленности документальных свидетельств (архив Розена не сохранился¹) наши представления об источниках его замыслов, эстетических установках, творческой эволюции, литературных знакомствах и связях, отношении к тем или иным крупным явлениям русской литературы до сих пор остаются неполными. В истории его жизни и трудов, литературных отношений с Пушкиным и другими известными современниками, как и у многих «второстепенных писателей», есть ряд лакун, требующих дополнительных разысканий. Несмотря на то, что отдельные грани творчества Розена в настоящее время плодотворно изучаются, его развернутая историко-литературная биография до сих пор не написана. Этим объясняется **актуальность** предлагаемого исследования.

Цель нашей работы — подготовить первую развернутую историко-литературную биографию Розена и тем самым расширить поле известного о жизни и творчестве писателя в рамках изучения литературы «второго ряда» и «литературного быта» пушкинской и послепушкинской эпохи.

Задачи определяются предположением о возможности создания научной биографии Розена, для которой необходимо:

- 1) Систематизировать и критически проверить имеющиеся сведения о жизни и творчестве Розена;
- 2) Подготовить «летопись» жизни и творчества поэта;
- 3) Учесть прежде не попадавшие в поле зрения исследователей сочинения Розена, в числе которых есть тексты, нуждающиеся в атрибуции авторства;
- 4) Рассмотреть в первоначальном варианте биографии отдельные малоизученные сюжеты из жизни и творчества Розена — как собственно биографического

¹ См.: Вацуру В.Э. Розен Егор (Георгий) Федорович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М., 2007. С. 344.

характера, так и историко-литературного.

Объектом исследования стали жизнь и произведения Розена (лирика, проза, драматургия, критика).

Предметом исследования является литературная биография Розена, круг его литературных связей, этапы формирования литературной репутации.

Материалом для диссертации послужили воспоминания и дневники современников Розена, периодика 1820-х – 1850-х гг. (газеты и журналы, в которых сотрудничал или с которыми полемизировал барон), переписка Розена с А.С. Пушкиным, П.А. Вяземским, В.Ф. Одоевским, В.А. Жуковским, И.В. Киреевским, С.П. Шевыревым, Ф.Н. Глинкой, А.Ф. Воейковым, А.И. Подолинским, Ф.В. Булгариным и др.

Степень научной разработанности темы. Несмотря на отсутствие широкого монографического исследования жизни и творчества Розена, заметные шаги в этом направлении уже сделаны. Первым на фигуру Розена в истории русской литературы обратил внимание В.И. Саитов¹, ставший первым же биографом писателя. Значительно дополнили собранные им сведения и сделанные им выводы В.Э. Вацуро², интересовавшийся Розеном как драматургом и поэтом, близким к пушкинскому кругу, и Л.Н. Киселева³, изучавшая поэтику и идеологию трагедий

¹ Остафьевский архив князей Вяземских / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. Т. III. (Примечания). СПб.: Шереметев, 1908. С. 659–666; см. также: <Саитов В.И.> Розен, барон Егор (Георгий) Федорович // Русский биографический словарь. Т. XVI. Рейтерн–Рольцберг. СПб.: Импр. рус. ист. общество, 1913. С. 399–403.

² Вацуро В.Э. Историческая трагедия и романтическая драма 1830-х годов // Вацуро В.Э. Пушкинская пора. СПб.: Академический проект, 2000. С. 559–603; Вацуро В.Э. Из разысканий о Пушкине // Вацуро В.Э. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 513–523; Вацуро В.Э. Мицкевич и русская литературная среда 1820-х гг. (Разыскания) // Вацуро В.Э. Избранные труды: Языки славянской культуры. М., 2004. С. 672–614. Вацуро В.Э. Розен Егор (Георгий) Федорович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М.: Сов. энциклопедия, 2007. С. 341–344; Вацуро В.Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина // Вацуро В.Э. Избранные труды: Языки славянской культуры. М., 2004. С. 3–222.

³ Киселева Л.<Н.> Барон Розен о себе // Статьи на случай: Сборник к 50-летию Р.Г. Лейбова. Объединенное гуманитарное издательство Ruthenia.ru, 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Kiseljova.pdf; Киселева Л.Н. Роман об остзейце и его автор // Киселева Л.Н. Эстонско-русское культурное пространство. М.: Викмо-М, 2018. С. 242–256; Киселева Л.Н. «Русский путешественник» барон Розен — европеец и космополит. Италия как его идеальная отчизна // Киселева Л.Н. Эстонско-русское культурное пространство. М.: Викмо-М, 2018. С. 228–242; Киселева Л.Н. Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // Лотмановский сборник. Вып. 2. М., 1997. С. 279–302; Кисе-

Розена, его биографию, путевые очерки, а также специфическое национальное самоопределение остзейского барона как «русского европейца». В разное время Розен попадал в поле зрения А. Мазона¹, Л.А. Черейского², И.З. Сермана³, С.Г. Исакова⁴, А.Н. Архангельского⁵, Д.П. Ивинского⁶, М.Я. Вайскопфа⁷, С. Гардзонио⁸, Т. Ходжа⁹, Е. Ефимовской¹⁰, Е.В. Лобанковой¹¹, С.К. Лашенко¹². Подробнее об истории изучения жизни и произведений Розена см. ниже во введении к настоящей работе.

Научная новизна нашего исследования определяется тем, что оно является первой попыткой крупного монографического труда, посвященного жизни и

лева Л.Н. Эстляндец барон Е.Ф. Розен — борец за русскую народность // Киселева Л.Н. Эстонско-русское культурное пространство. М., 2018. С. 213–228; Киселева Л.Н. Язык сцены и язык драмы в имперском идеологическом строительстве 1830-х гг. // Лотмановский сборник, 4. М.: ОГИ, 2014. С. 279–297.

¹ Мазон А. Гончаров как цензор // Русская старина. 1911. Вып. 3. С. 473–484; Мазон А. Страничка из истории русской цензуры в конце 50-х годов // Сборник статей в честь проф. В.П. Бузескула. Харьков: Тип. «Печатное дело», 1914. С. 247–253.

² Черейский Л.А. Розен Егор (Георгий) Федорович // Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1988. С. 374–376.

³ Серман И.З. Пушкин и русская историческая драма 1830-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Изд-во АН СССР, 1969. Т. IV. С. 118–149.

⁴ Исаков С.Г. Журналы «Esthona» (1828–1830) и «Der Refraktor» (1836–1837) как пропагандисты русской литературы // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 266. Тарту: <б. и.>, 1971. С. 16–52; Исаков С.Г. О ливонской теме в русской литературе 1820–1830-х гг. // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 98. Тарту: <б. и.>, 1960. С. 143–193

⁵ Архангельский А.Н. В тоске по контексту (От Гаврилы Державина до Тимура Кибирова) // Архангельский А.Н. У парадного подъезда: Литературные и культурные ситуации периода гласности (1987–1990). М.: Сов. писатель, 1991. С. 158–214.

⁶ Ивинский Д.П. Сцена «Ограда монастырская»: Пушкин, Мицкевич, Дельвиг, Розен // Пушкин: Москва: 1826: Альбом по материалам выставки в Государственном музее А.С. Пушкина: Август — декабрь 2006. С. 248–253.

⁷ Вайскопф М.<Я.> Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 696 с.

⁸ Garzonio S. A 19th century poetical antecedent of Block's «Neznakomka»: (The lyrical cycle «Miloi neznakomke» by Baron Georgii Rozen) // Elementa: Journal of slavic studies and comparative cultural semiotics. 2000. Vol. 4. № 4. P. 303–309.

⁹ Hodge T.P. Susanin, Two Glinkas, and Ryleev: History-making in A Life for the Tsar // Intersections and transpositions: Russian music, literature, and society / edited and with an introduction by Andrew Varuch Wachtel. Northwestern University Press, 1998, pp. 3–19.

¹⁰ Ефимовская Е. «Варварские стихи» или «одушевленное слово»: еще раз о либретто «Жизни за царя» // Музыкальная Академия. 2004. № 2. С. 6–10.

¹¹ Лобанкова Е.<В.> Глинка. Жизнь в эпохе. Эпоха в жизни. М.: Молодая гвардия, 2019. — 590 с.

¹² Лашенко С.К. М.И. Глинка и Е.Ф. Розен // Искусство музыки: теория и история. № 22–23. 2020. С. 156–213.

творчеству Розена. Работа опирается на подготовленную нами подробную «летопись» жизни и творчества писателя, объединившую в себе как хронику биографических событий, так и первоначальный вариант библиографии увидевших свет произведений Розена. Одновременно с этим атрибутируются и вводятся в научный оборот ранее неизвестные и неизученные тексты Розена.

Методологической и теоретической основой исследования является комплексный подход к анализу литературных текстов, включающий культурно-исторический, биографический, герменевтический методы.

В изучении жизни и творчества Розена мы, прежде всего, опирались на работы В.Э. Вацура, рассматривавшего творчество «забытых» литераторов на широком историко-культурном фоне, во взаимодействии в разнообразных литературных кругах, и заполнявшего таким образом лакуны в истории русской литературы.

Поскольку создание «летописи» жизни и творчества писателя требовало обращения одновременно к эвристике и данным источниковедения, мы стремились учесть прежде всего классические методологические труды, относящиеся к соответствующим областям знания, в т. ч. Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, П.Н. Беркова и др. В связи с проблемами литературы «второго ряда» и «литературного быта», неизбежно возникающими при работе с биографическим материалом, связанным с «второстепенным» писателем, мы обращались к трудам В.М. Жирмунского, Б.М. Эйхенбаума, М.Я. Вайскопфа и др.

Теоретическая значимость работы связана с опытом создания развернутого жизнеописания «второстепенного» литератора. Во введении к диссертации подробно обсуждается «биографическая проблема»: междисциплинарность жанра, его востребованность как в науке, так и в искусстве и т. д. Исходя из имеющегося материала, литературная биография Розена рассматривается нами как история становления и развития его литературных и идеологических предпочтений, раскрывающаяся в тесной связи с установленными фактами, характеризующими его взаимодействие с поэтами – современниками и сотрудничество с редакциями различных печатных изданий 1820-х – 1840-х гг., подчас враждовавших друг с дру-

ГОМ.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования полученных результатов при подготовке лекционных курсов по русской литературе первой трети XIX века, специальных курсов и семинаров, посвященных «второстепенным» литераторам и проблематике биографических исследований, а также при создании учебных пособий.

Достоверность и обоснованность результатов исследования определяется привлечением широкого круга источников, подвергающихся критической проверке, и использованием методологических инструментов истории русской литературы, биографики, источниковедения и библиографии.

Апробация работы. Диссертация прошла апробацию при защите научно-квалификационной работы (НКР) по той же теме на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 13 сентября 2023 года. Основные положения и выводы настоящей работы были также апробированы в следующих докладах, прочитанных на международных и всероссийских научных конференциях: 1) «Е.Ф. Розен — поэт пушкинского круга» (Всероссийская конференция «И в просвещении стать с веком наравне»: к 60-летию Государственного музея А.С. Пушкина, Россия, Москва, 8 октября 2017); 2) «История России в поэзии барона Е.Ф. Розена 1820-х годов» (XXVIII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2021», МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва, 15 апреля 2021); 3) «Е.Ф. Розен против славянофильства: две статьи о “Московском сборнике” 1847 года» (XXX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2023», Россия, Москва, 18 апреля 2023); 4) «Е.Ф. Розен в пушкинском “Современнике”» (Всероссийская научная конференция с международным участием «А.С. Пушкин и русская литература», Россия, Москва, 29 ноября 2023); 5) Историософия Е.Ф. Розена (Вторые Богомоловские чтения, Россия, Москва, 11 ноября 2023).

Основные результаты диссертационного исследования отражены в 5 статьях, 4 из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, определен-

ных Положением о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова:

I. Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

1. Куц Н.В. Барон Е.Ф. Розен и «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”» (1831–1832) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80, № 3. С. 58–69. ИФ РИНЦ — 0, 252.
2. Куц Н.В. История России в поэзии Е.Ф. Розена 1820-х годов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2022. № 4. С. 122–131. ИФ РИНЦ — 0, 203.
3. Куц Н.В. Е.Ф. Розен в пушкинском «Современнике» // Litera. 2023. № 8. С. 189–197. ИФ РИНЦ — 0, 203.
4. Куц Н.В. Е.Ф. Розен против славянофильства: две статьи о «Московском сборнике» 1847 г. // Litera. 2023. № 12. С. 96–102. ИФ РИНЦ — 0, 203.

II. Научные статьи, опубликованные в других изданиях:

5. Куц Н.В. К вопросу о литературных отношениях А.С. Пушкина и барона Е.Ф. Розена: контекст «Бориса Годунова» // И в просвещении статья с веком наравне. Сборник статей / под общ. ред. Н.И. Михайловой. Москва: Издательство ИКАР, 2018. С. 125–138.
6. Куц Н.В. Е.Ф. Розен как сотрудник журнала «Московский вестник» и пропагандист русской литературы в Остзейском крае // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 8. С. 2401–2406. ИФ РИНЦ — 0, 234.

Структура работы. Диссертация общим объемом 270 страниц состоит из введения, четырех глав, содержащих несколько разделов и подразделов, заключения, двух приложений, а также списка источников и списка исследований, в общей сложности включающих 291 наименование.

Положения, выносимые на защиту:

1. В ранний период творчества Розен обращался сразу к нескольким литературным традициям — предромантической, романтической и в определенной степени «классицистической» — и экспериментировал в разных жанрах. Особое влияние на него в это время имели произведения Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского, Ф.Н. Глинки, К.Н. Батюшкова.

2. Первый этап творческого пути Розена отмечен преимущественным вниманием к жанрам исторической элегии и «байронической» поэмы («Развалины Десятинной церкви», «Святополк», «Ксения Годунова»), поисками оптимальных форм национально-исторического колорита. В пределах этого этапа имела место определенная динамика: Розен стремился к постоянному усложнению поэтики и изменению характера художественного освоения исторического материала. Наиболее показательным в этом отношении произведением Розена является его последняя романтическая поэма «Рождение Иоанна Грозного», отмеченная интересом и к «древности», и к «народности». Определяющее значение в исторических сочинениях Розена имели мотивы «очистительной жертвы» и — особенно в поэме «Рождение Иоанна Грозного» — «династического греха».

3. Поэма «Рождение Иоанна Грозного», в которой был усилен драматический элемент, готовила почву для нового этапа в творческой биографии Розена — обращения поэта в начале 1830-х гг. к исторической драматургии.

4. На протяжении 1830-х гг. Розен тяготел к «пушкинскому кругу писателей», находясь на его ближней периферии.

5. Выраженную зависимость от Пушкина-литератора Розен испытывал на всем протяжении своего творческого пути. В число пушкинских произведений, оказавших на него наибольшее влияние, входят «Кавказский пленник», «Пророк», «Полтава», «Борис Годунов», «Капитанская дочка».

6. Непродолжительное сотрудничество Розена с «Литературными прибавлениями к “Русскому инвалиду”» А.Ф. Воейкова было связано с пушкинской темой: именно для «Прибавлений» предназначалась рецензия Розена на трагедию «Борис Годунов» (февраль 1831), не появившаяся там вовремя из-за охлаждения

отношений с издателем и вскоре напечатанная Розеном на немецком языке (июнь 1833). Публикация этой статьи в «Прибавлениях» через три года в переводе вместе с неопубликованным фрагментом пушкинской трагедии «Ограда монастырская» (январь 1834) в какой-то степени была санкционирована Пушкиным, обдумывавшим второе издание своей трагедии.

7. В число публикаций Розена в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» необходимо включить четыре, подписанных «Р.». Это рецензия на роман Н.И. Греча «Поездка в Германию», заметки «Литературная новость» и «Поправка ошибки», а также эпиграмма на Н.А. Полевого «Историческою дрянью...».

8. В созданном Розеном либретто оперы «Жизнь за царя» отразилось влияние «Бориса Годунова». Как и в трагедии Пушкина, в опере не соблюдается единство места, а в композиции особое значение имеют народные сцены. Последняя из них, «Площадь перед Кремлем», в которой ликующий народ поет знаменитый хор «Славься», дана в параллель заключительной сцене «Годунова», когда народ отвечает безмолвием на призыв славить нового «царя Димитрия Ивановича».

9. Во второй половине 1840-х гг. Розен утратил многие связи с пушкинским окружением, но не отошел от литературной жизни. В это время особое значение имеют его взаимоотношения с кругом журнала «Москвитянин».

10. Восприятие Розеном идеологии славянофильства было двойственным: выступая против нее с позиций просветительского «западничества», опиравшегося на Карамзина и Пушкина, и имперского официального патриотизма, решительно отвергая идеи панславизма, Розен сближался со славянофилами в представлениях о «неразмышляющей нравственности» русского народа, противостоящей «моральности размышляющей» Западной Европы.

Под термином «биография» (от греч. *bios* — «жизнь»; *grapho* — «пишу») принято подразумевать «жанр жизнеописания», предполагающий «художественное или научное осмысление истории жизни личности, нацеленное на поиск и выявление истоков общественно значимой деятельности человека в его индивиду-

альном биографическом опыте»¹. Традиционно выделяются такие типы биографии, как художественная, научная, популярная и академическая. При этом характеристики каждой из четырех разновидностей жанра определяются недостаточно строго (неизвестно, например, чем различаются академическая и научная биографии), а большинство жизнеописаний зачастую сочетает в себе документальные и художественные элементы.

Потребность в сохранении знания о жизненном пути человека возникла еще в глубокой древности. По замечаниям историков жанра, «биографический характер» можно усмотреть в древнеегипетских надгробных надписях, перечисляющих заслуги покойного, его труды, добрые дела и черты нрава²; другие усматривают истоки традиции биографических сочинений в древнегреческой культуре. Героями античных биографий, как отмечал С.С. Аверинцев, становились либо «политические деятели, не укладывавшиеся в рамки полисного уклада, т.е. прежде всего монархи и тираны», либо «профессиональные деятели истории культуры — поэты, философы, риторы»³. Реформатором этого канона выступил Плутарх, в «Параллельных жизнеописаниях» которого биографии были важны не сами по себе, а как форма для «философско-психологических этюдов» и доверительной моралистической беседы с читателем⁴. Уже в античности, как указывают исследователи, складывались две взаимодействующие тенденции биографии — «ученая» и художественная.

Обычно считается, что в Древней Руси и России до первых десятилетий XVIII в. биографический жанр был представлен житиями святых (и отчасти жанром похвального слова князю), но следует помнить, что житие и биография по целям и форме соотносятся так же, как икона и портрет⁵. Не случайно уже в XVII в., когда в русской культуре происходит «открытие характера» и нарастание свет-

¹ Соболевская О.В. Биография // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М., 2001. Стлб. 90.

² Рыбников Н.А. Биографии и их изучение. М., 1920. С. 3.

³ Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография. М., 1973. С. 259.

⁴ Там же. С. 257.

⁵ Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д.С. Избранные работы в трех томах. Т. III. М., 1987. С. 11.

ских влияний, можно отметить появление «промежуточных» жанров между житием и светской биографией («Повесть об Ульянии Осорьиной»), напоминающих распространенную в это время «парсуну» — жанр портрета, сильно зависящий от иконописной традиции.

Несмотря на многовековую историю развития биографии как отдельного жанра, берущую свое начало в античности, потребность в критическом осмыслении специфики жизнеописания и принципов его построения возникла относительно недавно: в XVIII–XIX вв. в Европе, а затем, во второй половине XIX — начале XX в., и в России. К этому же времени относится рефлексия по поводу жанра научной биографии.

Соотношение художественного и научно-исторического начал, как правило, и определяет содержание споров вокруг биографических повествований (востребованных как в науке, так и в искусстве¹). Другая особенность биографии, усложняющая определение точных принципов и границ применения жанра, — ее востребованность в различных дисциплинах. К биографическому исследованию обращаются историки, филологи, философы, психологи, социологи и др., поэтому биографию нельзя считать принадлежностью какой-либо конкретной науки². Оставаясь на стыке разных гуманитарных дисциплин, биография включает в себя их методологию. Поэтому междисциплинарность является одной из важнейших характеристик этого исследовательского жанра.

В самом узком смысле под «научной биографией» часто понимают «биографию ученого», но в данном контексте нас интересует научная биография как документальное исследование жизни изучаемого исторического лица. Применительно к научной биографии как жанру историко-литературного исследования сохраняется своя ценность определение, данное В.Я. Лакшиным: «Основанное на фактах, подвергнутое критическому изучению и документальной проверке, хронологическое исследование жизни автора в свете основного пафоса его творче-

¹ Петровская И.Ф. Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. СПб., 2010. С. 16.

² Валевский А.Л. Основания биографики. Киев, 1993. С. 32.

ства и идейно-художественной эволюции»¹. К этому можно добавить замечание А.А. Демченко о том, что в научной биографии своеобразие личности литературного деятеля изучается в его «конкретно-исторических связях с эпохой, литературно-общественной средой, семейной обстановкой»².

В разных науках долгое время сохранялось критическое отношение к биографии. Известно, как настороженно к жанру биографии подходили историки, считавшие историческую биографию особым жанром литературы³. Подобное отношение к биографии по сей день представлено в англоязычной традиции, где биография рассматривается как искусство (an art) и даже как ремесло (a craft)⁴. Поскольку предметом исторической науки считались закономерности исторического развития, научный интерес к личности и частной жизни человека проявлял себя редко. В первой половине XX века на научность в истории претендовал просопографический метод — создание коллективных биографий, исследующих жизнь своих героев как представителей определенного общественного слоя. Просопография с тех пор стала именоваться специальной исторической дисциплиной, обеспечивающей создание баз данных биографий по отдельным исследовательским темам⁵.

К XX в. относят появление такого направления, как психобиография, которое соединило в себе жанр исторической биографии и интерес новой науки — психологии — к личности. Часто в психобиографии применялись методы классического психоанализа, как в книге психолога Эрика Эриксона «Молодой Лютер» (1958). В России идеи психобиографии («описания души») и изучения жизни челове-

¹ Лакшин В.<Я.> А.Н. Островский. Проблемы научной биографии: автореферат диссертации ... доктора филологических наук. М., 1981. С. 3.

² Демченко А.А. Научная биография писателя как тип литературоведческого исследования // Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 53.

³ Синельникова Г.А. Преодоление «биографической иллюзии»: о методологических основаниях «новой биографической истории» // Гуманитарные исследования. 2020. № 2 (27). С. 49.

⁴ См.: Clifford J.L., ed., *Biography as an Art. Selected criticism 1560–1960*. NY: Oxford Univ., 1962; Cockshut A., *Truth to Life: The Art of Biography in the Nineteenth Century*. L., 1974; Pachter M., ed., *Telling Lives. The biographer's Art*. Washington D. C.: New Republic Books, 1979; Nadel I.B. *Biography: Fiction, Facts and Form*. NY: St. Martin's Press, 1984; Batchelor J., ed., *The art of literary biography*. Oxford: Clarendon press, 1995.

⁵ Синельникова Г.А. Преодоление «биографической иллюзии». С. 49.

ка методами психологии в послереволюционные годы развивал Н.А. Рыбников, еще в 1919 г обратившийся в Наркомпрос с проектом создания Биографического института¹.

Во второй половине XX в., вслед за утверждениями о «конце романа» и «смерти автора», по-разному высказывалась мысль о «конце биографии» и невозможности ее сохранения в научном поле (социологи Пьер Бурдьё, Жан-Клод Пассерон, говорившие о «биографической иллюзии»² и «биографической утопии»³). Так или иначе, критики биографии озвучивали проблему, учитываемую большинством исследователей: между реальной жизнью описываемой личности и биографией существует непреодолимый зазор, а жизненное правдоподобие даже добросовестных биографических трудов не должно вводить читателя в заблуждение, будто предлагаемые реконструкции исчерпывающе и всесторонне отражают предмет.

В 1995 г. французский историк Жак Ле Гофф, представитель школы «Анналов», выступил в нехарактерном для проблематики и исследовательских стратегий «тотальной истории» жанре исторической биографии, опубликовав монографию «Людовик IX Святой». В программном введении ученый отмечал, что «в середине XX века историческая биография перестала существовать», во многом став достоянием романистов, издавна соперничавших с историками⁴, и предлагал принципиально новый подход к жанру, снимающий противоречия между «структурой и индивидом, макроисторией и микроисторией»⁵. Это подтолкнуло научное историческое сообщество к пересмотру своего отношения к биографическим исследованиям и дало повод рецензентам заявить о появлении «новой биографической истории». Общепризнанным объявлялся «факт, что социальная система в це-

¹ Петровская И.Ф. Биографика. С. 9.

² Мещеркина Е.Ю. Памяти П. Бурдьё. Биографическая иллюзия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. Том. 1. № 1. С. 77.

³ Жуйков Д.А. Основные методологические проблемы биографического исследования в современной историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 25 (279). История. Вып. 52. С. 134.

⁴ Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой / Пер. с фр. В.И. Матузовой; коммент. Д.Э. Харитоновича. М., 2001. С. 16.

⁵ Синельникова Г.А. Преодоление «биографической иллюзии»: о методологических основаниях «новой биографической истории». С. 51

лом и социальные институты как ее элементы напрямую связаны с деятельностью человека и что изменение социальных и институциональных структур общества в конечном итоге есть результат действий и определенного поведения людей»¹.

Во второй части монографии, озаглавленной «Производство памяти о короле. А был ли Людовик Святой?», Ле Гофф по сути предпринял развернутую критику источников. Это подчеркивало принципиальное отличие его исторической биографии от окололитературных биографий, обычно лишенных «научной рефлексии по поводу своей источниковой базы»². Для любого исторического исследования, претендующего на научность, такая рефлексия обязательна.

Таким образом, наряду с междисциплинарностью, биографию как жанр научного исследования определяет источниковедческая проблематика.

Среди важнейших трудов по источниковедению и методологии истории стоит выделить книгу Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» (1897). Ланглуа и Сеньобос отмечали, что опора на документальные свидетельства предполагает критику этих свидетельств: внешнюю (установление источников документа, его подлинности) и внутреннюю (герменевтика и определение достоверности и точности)³. Особое внимание они уделяли эвристике — технике отыскания необходимых документов, без которой не может обойтись ни один исторический труд, в том числе биографический.

Применительно к изучению русской литературы принципы эвристики рассматривал П.Н. Берков⁴. О биографическом источниковедении писала И.Ф. Петровская в капитальной работе «Биографика: Введение в науку и обзор источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов»⁵. Вслед за И.Ф. Петровской мы будем понимать биографику (науку о биографиях) как специальную историческую дисциплину.

¹ Жуйков Д.А. Основные методологические проблемы биографического исследования в современной историографии. С. 135.

² Синельникова Г.А. Преодоление «биографической иллюзии»: о методологических основаниях «новой биографической истории». С. 49.

³ Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 2004. С. 88–198.

⁴ Берков П.Н. Введение в технику литературоведческого исследования. Л., 1955; Берков П.Н. Библиографическая эвристика. М., 1960.

⁵ Петровская И.Ф. Биографика. С. 40–74.

Можно согласиться с утверждением, что в случае с таким жанром научного исследования, как биография — нас сейчас интересуют, прежде всего, историческая и историко-литературная, — сложилась парадоксальная ситуация: историки¹ и филологи² подчеркивают недостаточную разработанность методологии, слабую теоретическую рефлексию, но при этом число биографических работ только возрастает. Авторы жизнеописаний выбирают наиболее приемлемый подход к материалу в соответствии с конкретным случаем и исследовательскими задачами.

Перед учеными-биографами — а зачастую и перед авторами художественных биографий — встают проблемы, которые каждый решает по-своему: поиск, отбор, осмысление материала; реконструкция «белых пятен»; выработка адекватного материалу языка повествования; построение композиции; определение, насколько оправданно введение в повествование фрагментов из произведений, личных бумаг, официальных документов.

В зависимости от установок исследователя, наличия достаточного материала, обилия или нехватки достоверно устанавливаемых фактов биография может создаваться как: 1) «энциклопедия гипотез» и обоснованных реконструкций, соотношенных с историко-культурным контекстом; 2) повествование, построенное по принципу монтажа документальных свидетельств, писем, цитат и т. д. Зачастую в отдельных фрагментах одной биографии ученый может прибегать как к реконструкциям (при восстановлении лакун), так и к введению в повествование документов.

Характерный пример двух разных подходов к построению жизнеописания, сознательно избранных исследователями в связи с разной степенью наличия материала: опыты исторических биографий «Борис и Глеб» А.М. Ранчина и «Павел I» А.М. Пескова. Обе книги были изданы в популярной серии «Жизнь замечательных людей» и так или иначе ориентировались на восприятие массового читателя, но при этом сохранили научный подход к отбору и интерпретации материала.

¹ Там же. С. 134.

² Демченко А.А. Научная биография писателя как тип литературоведческого исследования. С. 52–53.

А.М. Ранчин, создавая уникальный опыт светской биографии двух святых князей, достоверность известий о которых мала в той же степени, как далеки от современности конец X — начало XI в., выбрал первый путь (выдвижение гипотез и воссоздание исторического контекста), объяснив это решение следующим образом: «Из-за скудости и спорности исторических сведений биографическое повествование о Борисе и Глебе может быть выстроено как обзор разнообразных версий, научных гипотез и описание фона — времени, в котором жили и умерли братья»¹. А.М. Песков, при написании биографии Павла I столкнувшийся с другой исследовательской трудностью (наличием фундаментальных монографий Д.Ф. Кобеко (1882) и Н.К. Шильдера (1901), многочисленностью и противоречивостью свидетельств, а также общей мифологизированностью царствования «романтического императора»), обратился ко второму пути (монтаж в хронологическом порядке извлечений из источников и историографии с критическим комментарием к ним). Исследователь — возможно, отчасти сообразуясь с постмодернистским принципом «отказа от рассказов» — отмечал в предисловии: «Смысл этого жанра — не предъявить новые материалы, не уточнить хронологию дней жизни императора Павла Первого, не опровергнуть существующие воззрения на его личность и царствование, не составить биографию, не нарисовать портрет. Биографии уже написаны <...>. Портреты тоже есть <...>»². Декларируя для массового читателя «игру цитатами», А.М. Песков вместе с тем предъявлял профессиональному сообществу оригинальный комментарий к «историческим анекдотам» и «мифам летописцев разной степени достоверности и тавтологии». Так, используя противоположные подходы к организации материала и выбору языка повествования, оба автора решили поставленные перед ними задачи наиболее рациональным способом, справившись с «биографической проблемой».

Примечательно, что обе исторические биографии написаны филологами. В пределах «междисциплинарного» жанра границы между двумя близкими науками размываются, проявляет себя фундаментальное объединяющее начало — опора

¹ Ранчин А.М. Борис и Глеб. М., 2013. С. 8.

² Песков А.М. Павел I. М., 2005. С. 12.

исследователей на данные источниковедения, критики текста, хронологии и библиографии.

В заслуживающем внимания опыте исторической биографии «незнаменитого лица» — книге филолога Е.Э. Ляминой и историка Н.В. Самовер об И.М. Виельгорском, умершем от туберкулеза в возрасте 22-х лет (1817–1839), — жанр был воспринят как пространство для изучения и конкретной личности, и общественной жизни в целом, поскольку любой человек вписан во «множество контекстов одновременно». Опираясь на методологию популярных в наше время «микроисторий» и «истории повседневности», авторы подчеркивали принципиальную междисциплинарность биографического исследования: «Соотнесение достоверных фрагментов индивидуальной биографии с широкой социокультурной панорамой, реконструкция самоощущения человека конкретной исторической эпохи возможны только при условии одновременного применения методов многих научных дисциплин антропологического круга, включая исторические, филологические, медицинские науки, искусствоведение, психологию»¹. Подобный подход определялся и личностью героя — воспитанника В.А. Жуковского, друга Н.В. Гоголя, знакомого художника А.А. Иванова (позировавшего для картины «Явление Христа народу»), адъютанта цесаревича, выходца из дворянской семьи, известной своими музыкальными увлечениями, и т. д. Материал и предмет диктовали структуру книги: сочетание хронологического повествования с историческими реконструкциями и монтажом документов — личного дневника, переписки, выписок из медицинского журнала.

Таким образом, в любом опыте научного биографического исследования необходимо учитывать как его междисциплинарный характер, так и возможность пересечения в нем научной и художественной методологии. Как отмечает современная исследовательница проблем жанра: «Основу биографического исследования должны составлять приемы научного анализа, а приемы художественности имеют право на присутствие в том случае, когда они не препятствуют реализации

¹ Лямина Е.Э., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х гг. М., 1999. С.7.

принципов научности»¹. Даже строго научный подход историка литературы к отбору источников не исключает внимания к такого рода «промежуточным» типам биографии: при критической проверке и в них «могут подчас отыскаться неожиданно адекватные биографические реконструкции»².

Самые ранние попытки создания литературных биографий в России относятся к последней трети XVIII в. Начало им положил Н.И. Новиков в знаменитом «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) — первом историко-литературном справочнике на русском языке, содержащем максимально краткие библиографические сообщения о писателях X–XVIII вв.³ Свое предприятие издатель объяснял следующим образом: «Все европейские народы прилагали старание о сохранении памяти своих писателей <...>. Одна Россия по сие время не имела такой книги, и может быть сие самое было погибелью многих наших писателей, о коих ныне не имеем мы сведения»⁴. И хотя тезис Новикова о важности составления жизнеописаний русских литераторов был по-настоящему услышан только в начале XIX века, уже к 1783 г. относится опыт развернутой «академической биографии» М.В. Ломоносова, написанной М.И. Веревкиным⁵.

Первой обширной историко-литературной биографией, которую можно назвать и первым опытом научной биографии писателя, традиционно считается книга П.А. Вяземского о Д.И. Фонвизине (1848). В ней впервые в истории русской литературы жизнь и творчество драматурга были представлены на широком фоне жизни общественной, что являлось главным методологическим принципом Вяземского как историка. Автор подчеркивал документальность своего труда и

¹ Медведева Е.А. Жанр научной биографии в русском литературоведении кон. XIX — нач. XX в. (на материале работ, посвященных Н.С. Тихонравову). Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Казань, 2011. С. 10.

² Ивинский Д.П. История русской литературы. Введение. М., 2019. С. 44.

³ Опыт исторического словаря о российских писателях / Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков. СПб., 1772.; см. также: Лепехин М.П. «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н.И. Новикова (Некоторые проблемы изучения) // XVIII век. Вып. 16. С. 234–250.

⁴ Опыт исторического словаря о российских писателях. С. 8.

⁵ <Веревкин М.И.> Жизнь покойного Михайла Васильевича Ломоносова // Полное собрание сочинений М.В. Ломоносова: С прибавлением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений. Т. 1. СПб., 1784. С. III–XVIII.

избегал беллетризации, свойственной работам современников (в частности, книге Кс. Полевого о Ломоносове). Выявление многообразных связей Фонвизина с культурной и политической жизнью его эпохи требовало обращения к материалу, выходящему за пределы написанного им самим, и Вяземский, хорошо понимая это, отводил треть монографии приложениям с письмами современников и извлечениями из официальных бумаг. Рукопись «Фонвизина» была высоко оценена А.С. Пушкиным, как никто другой интересовавшимся XVIII в. и сближавшимся с Вяземским в стремлении «воссоздать ускользающее от традиционной истории многообразие общественной жизни вплоть до ее мельчайших проявлений»¹. И хотя в подборе и расположении приложений в книге Вяземского еще не было строго объединяющего принципа, она прокладывала путь к биографическим исследованиям П.И. Бартенева о Пушкине, первым документированным биографиям Карамзина (М.П. Погодин, 1866), Державина (Я.К. Грот, 1880), Погодина (Н.П. Барсуков, 1888–1910), которые и по сей день сохраняют научную ценность.

На фоне возрастающего общественного интереса к русской литературе в 1850-е гг. появлялось все больше биографических работ, рассматривавших личность и творчество писателей: «Материалы к биографии А.С. Пушкина» П.В. Анненкова (1855), биография М.Н. Загоскина (1853) С.Т. Аксакова, биографии английского драматурга Р.Б. Шеридана (1854), поэта Г. Крабба (1856) А.В. Дружинина, биографические опыты Н.Г. Чернышевского о Лессинге (1853) и Пушкине (1856). Различные методологические установки биографов становились предметом полемики в критике: Дружинин отстаивал тезис о том, что жанр биографии принадлежит искусству, и создавал импрессионистские литературные портреты своих героев, следуя «биографическому методу» Шарля Сент-Бёва и исходя из концепции выражающей эпоху «героической личности» Томаса Карлейля; Чернышевский подчеркивал «ученый» характер биографии и руководствовался принципами позитивизма, постулируя «историческую обусловленность» любой выдающейся личности и заявляя, что «совершение великих событий не за-

¹ Новонайденный автограф Пушкина. Заметки на полях рукописи книги П.А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине» / подгот. текста, статья и примеч. В.Э. Вацура и М.И. Гиллельсона. М.; Л., 1968. С. 73–74.

висит ни от чьей воли»¹. Постепенно складывавшаяся во второй половине XIX — начале XX в. историко-литературная наука стремилась преодолеть обе эти крайности (обсуждение которых в несколько измененном виде повторится в XX в.).

К концу XIX в. особое значение приобрело обсуждение идеи обусловленности писателя и его произведений социальной средой. Особенно это было характерно для культурно-исторической школы в русской филологии, представленной именами А.Н. Пыпина и Н.С. Тихонравова. Теоретические установки школы, выраженные ее основателем Ипполитом Тэнном, приближали «литературоведение к социологическому и историческому пониманию своего предмета»². «Биографический метод» в трудах ее сторонников утрачивал характерные для него крайности импрессионизма и психологизма. Пыпин и Тихонравов указывали на то, что в работах о русской литературе следует помнить об историзме и не увлекаться «эстетической критикой», выдвигая художника «из того времени, которое его воспитало и которое окружало и определяло его деятельность всею совокупностью своих духовных стремлений и средств»³. При всей справедливости этих требований культурно-историческая школа впадала в противоположную крайность, объясняя творчество «средой» и «эпохой», поскольку фигура автора и сам объект изучения (литература) в такой методологии утрачивали свою специфику.

На рубеже веков А.Н. Веселовский в классической монографии «В.А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения» (1904) попытался примирить две противоборствующие линии и нашел синтез исторического и индивидуально-психологического в объяснении личности и творчества художника.

Одновременно с биографическим изучением жизни и творчества русских литераторов развивалась традиция биографических словарей: выходили «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. От начала русской образованности до наших дней» (Т. 1–6, неоконч., 1886–1904) под ред.

¹ См. об этом: Демченко А.А. Научная биография писателя как тип литературоведческого исследования. С. 55–56.

² Гришунин А.<Л.> Культурно-историческая школа // Академические школы в русском литературоведении. М., 1975. С. 103.

³ Сочинения Н.С. Тихонравова: в 4 т. М., 1898. Т. 1. С. 116–117.

С.А. Венгерова, «Русский биографический словарь» А.П. Половцова (1896–1913. Т. 1–25). Вместе с научной не прекращалась и беллетристическая линия биографии: популярностью в 1900–1910-е гг. пользовался жанр литературно-критического биографического очерка, развивавший импрессионистическую традицию («Силуэты русских писателей» Ю.И. Айхенвальда, беллетризованные биографии Б. Зайцева и др.).

По-новому споры о биографизме в научных исследованиях разгорелись уже после революции, в 1920-е гг. Сторонники «формального метода» (Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум, В.Б. Шкловский) отбрасывали биографию, изучая смену литературных форм, а «социологисты» (в частности, В.Ф. Переверзев) утверждали, что литературное произведение — всегда акт общественный, а не индивидуальный, и что «тайна стиля» кроется не в личности писателя, а в его классовом происхождении. Общими были призывы покончить с устаревшим «биографическим методом», привлекая биографические материалы только при необходимости объяснения того или иного литературного факта. Более сдержанной была позиция П.Н. Сакулина: ученый настаивал на зависимости искусства и творческой личности от общественной жизни, но выступал против пренебрежения исследователей писательскими индивидуальностями, поскольку это «обезличивает историю литературы». Создание биографий писателей, по его мнению, восполнило бы этот недостаток. К продолжению биографических исследований призывал в 1923 году и А.П. Скафтымов, формулируя, с опорой на А.Н. Веселовского, один из важнейших принципов биографии художника: центр внимания должен быть не в самих внешних событиях жизни писателя, но в том, как они отражаются на его индивидуальности и психологии творчества¹. Он же подчеркивал очевидный факт: «Всякий вопрос, какого бы мы ни коснулись в области процесса создания, потребует от нас справок биографического характера. Вот уже и нужно изучение биографии»².

Широкая полемика подтолкнула филолога Г.О. Винокура к первому опыту

¹ Скафтымов А.П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения истории литературы // Скафтымов А.П. Поэтика художественного произведения. М., 2007. С. 37.

² Там же. С. 36.

серьезного методологического обследования биографического жанра — книге «Биография и культура» (1927). Винокур был против сведения частной жизни писателя исключительно к сфере быта. Критикуя, в частности, книгу В.В. Вересаева «Пушкин в жизни» (1925–1926) — самую читаемую биографию Пушкина, построенную посредством монтажа цитат — он замечал: «Несмотря на толстый свод самых доподлинных документов и “показаний современников”, Пушкин выходит не Пушкин, а Ноздрев!»¹. Одновременно с этим ученый выступал против другой крайности — превращения личной биографии в «заповедную тему», как это делали «социологи». Он подчеркивал специфическую научную роль биографии, которая стремится постигнуть личность в ее историческом развитии. Материалом, из которого «история лепит биографию», является «весь контекст социальной действительности в ее исчерпывающей полноте»², и поэтому ключевое значение приобретает критерий отбора, определяющийся понятием «переживания» как формы соотношения истории и личности. Абсолютно любой факт общественной жизни может стать фактом биографии, если он «пережит» героем. Совокупность переживаний художника понимается Винокуром как «материал данной личной жизни»³.

Д.Д. Благой, заявляя в 1934 г. о необходимости создания научной биографии А.С. Пушкина, констатировал, что «проблема биографии была вовсе изгнана» из «нашего советского литературоведения». Он критиковал как культурно-исторический подход к биографии («портрет и историческая рама»), так и формалистский («своеобразная боязнь всего, что связано с живой личностью художника»), а вместе с тем и «переверзевский» («само себя именовало марксистским»), и возлагал надежды на возможности марксистско-ленинского литературоведения в этом жанре⁴. Впоследствии проблема научной биографии приобрела большое значение именно в пушкиноведении. Одним из итогов обсуждения второй поло-

¹ Винокур Г.О. Биография и культура. М., 1927. С. 22.

² Там же. С. 33.

³ Там же. С. 63.

⁴ Благой Д.<Д.> Проблемы построения научной биографии А. С. Пушкина // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 270.

вины 1930-х гг. стала научная биография Пушкина, подготовленная Б.В. Томашевским, оставшаяся неоконченной¹. К 1940–1970-м гг. относятся опыты научных биографий М.Ю. Лермонтова (Н.Л. Бродский, 1945; не была окончена)², Н.А. Некрасова (В. Евгеньев-Максимов, 1947–1952)³ и др., крайне немногочисленные.

Во второй половине XX века новый импульс получило рассмотрение вопроса о соотношении художественного и документального начал в историко-литературной биографии. В 1973–1976 гг. на страницах «Литературной газеты» и журнала «Вопросы литературы» развернулась дискуссия между литературоведами и писателями. Одни признавали за биографией возможность быть только художественным произведением, другие заявляли о допустимости жанра «научно-художественной биографии». При этом мнения о необходимости строгого разграничения научной и художественной биографий были редки.

К 1970–1990-м гг. относится всплеск читательского интереса к популярным биографиям писателей, представленным книжной серией «ЖЗЛ». Он стал предметом рефлексии Ю.М. Лотмана, признававшего как достоинства, так и ограниченность художественного метода, и предостерегавшего от двух опасных тенденций: превращения жанра художественной биографии в «низкопробную литературу» и наполнения серьезных литературоведческих работ популярно-детективными эффектами. Ученый замечал в статье «Биография — живое лицо» (1985) о «ЖЗЛ»: «Книги этой серии должны быть именно биографиями, а не монографиями о творчестве. Смешение этих двух типов книг — биографии автора и анализа им созданных произведений — редко приводит к удаче»⁴. Там же он противопоставлял научный и художественный подходы к биографическому материалу: «Автор научной монографии может ограничиться указанием, что о жизни Крылова на протяжении ряда лет нам практически ничего не известно. Автор бел-

¹ Томашевский Б.В. Пушкин. Книга первая (1813–1824). М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1956; Томашевский Б.В. Пушкин. Книга вторая. Материалы к монографии (1824–1837). М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

² Бродский Н.Л. М.Ю. Лермонтов: Биография. Т. I. 1814–1832. М., 1945.

³ Евгеньев-Максимов В. Творческий путь Н.А. Некрасова. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1953.

⁴ См.: Лотман Ю.М. Биография — живое лицо // Новый мир. 1985. № 2. С. 228.

летризованной биографии вынужден заполнить этот пробел»¹.

Круг вопросов, затронутых Ю.М. Лотманом и дискуссией 1970-х гг., обсуждается по сей день. Поводом к этому зачастую становятся новые издания серии «ЖЗЛ», интерес к которой в XXI в. — на волне популярности non-fiction литературы — относительно возрос². Авторами биографий, посвященных литераторам XVIII–XX вв., выступают как профессиональные писатели, так и ученые-филологи. Сам жанр биографии художника слова привлекает внимание теоретиков.

Интерес к жанру научной биографии в наше время поддерживает, в свою очередь, многотомное издание «Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь»³, представляющее энциклопедию культурной жизни Российской империи на протяжении целого столетия, собранную из множества тщательно подготовленных очерков жизни и творчества как известных литераторов (писателей, поэтов, журналистов, публицистов, философов, ученых), так и «забытых».

Несмотря на возрастающую популярность биографических разысканий, число общепризнанных научных биографий остается небольшим. Причиной редкого обращения филологов к этому типу исследования обычно называют его трудоемкость. Как правило, современные биографы избегают обозначения «научная биография», обращаясь к более распространенным и менее строгим формулировкам: «жизнь и деятельность», «жизнь и творчество», «опыт биографического исследования», «материалы к биографии» и т. д. Иногда отмечается, что для создания полной биографии того или иного автора время еще не пришло: слишком много лакун и противоречивых гипотез. В этой связи большое значение приобретает работа, непосредственно предшествующая подготовке научных биографий, даже если завершение таких трудов возможно только в будущем: публикация и комментирование «материалов к биографии», создание писательских «летописей»

¹ Там же. С. 229.

² См., в частности: Рейтблат А.М. Биография и литературоведение (Размышления по поводу состоявшейся полемики) // Новое литературное обозрение. 2009. № 1(95). С. 437–441.

³ На данный момент вышло 6 томов из 7. Издание продолжается. См.: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. / Редкол.: П.А. Николаев (гл. ред.) и др. Т. 1–6. М., 1989–2020.

и «хроник».

Термин «летопись жизни и творчества» в советское время предложил Н.К. Пиксанов (в дореволюционной науке были приняты названия «хронологическая канва для биографии», «труды и дни»). «Летописи» являются своеобразным видом биобиблиографических справочников. Они представляют собой «погодную и поденную хронику» жизни и творчества писателя, «в которой каждая запись библиографически документирована»¹. Значение «летописей», в которых учитываются и фиксируются в хронологической последовательности тщательно проверенные факты жизни и творчества писателя, трудно переоценить: именно они подготавливают необходимую «канву» для дальнейших построений биографа, который подвергает материал интерпретации и обобщению².

Кратко обозначив особенности жанра научной биографии и рассмотрев интерес к нему в истории русской литературы, обратимся к конкретному материалу — жизни и творчеству малоизвестного русского писателя Егора Федоровича Розена. Рассмотрим, с какими основными проблемами сталкиваются исследователи второстепенных писателей, и проследим, какие шаги на пути к созданию историко-литературной биографии Розена уже сделаны и что еще предстоит сделать в будущем.

Следует сразу отметить, что жизнь и творчество литераторов масштаба Розена плодотворнее всего рассматривать в широком контексте общественной и культурной жизни, на фоне многообразных личных и творческих связей. Розен — поэт, драматург, критик и переводчик, наиболее известный в наше время как автор либретто оперы М.И. Глинки «Жизнь за царя». Как и другие писатели его времени, он посещает различные литературные собрания (от «пятниц» А.Ф. Воейкова и «четвергов» Н.И. Греча до «суббот» В.А. Жуковского), он мно-

¹ Берков П.Н. Введение в технику литературоведческого исследования. Л., 1955. С. 101

² См., в частности: Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: в 4 т. М.: Слово/Slovo, 1999; Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского. М.: Новое лит. обозрение, 1998. Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова, 1821–1877: в 3 т. СПб.: Наука, 2006–2009; Мануйлов В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М.–Л.: Наука, 1964. Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808). Научное издание. В 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018.

жеством нитей связан с разнообразными литературными кружками (в середине 1820-х гг. появляется в кругу авторов «Московского вестника», в конце 1820-х — в кружке А.А. Дельвига), редакциями газет и журналов (не только как сотрудник, но и как редактор: в 1831–1833 гг. издает альманах «Альциона», несколько месяцев в 1849 г. редактирует журнал «Сын отечества»), цензурой (в 1830-е гг. он сталкивается с цензурными трудностями при публикации своих сочинений, а в конце жизни настойчиво добивается цензорского места), властными институтами (его первую историческую драму желает видеть на сцене лично Николай I; в свите цесаревича Александра Николаевича он путешествует по Европе в 1838–1839 гг., что подталкивает его к написанию путевых очерков) и т. д. Изучение всех периодов его жизни и аспектов литературной деятельности «на фоне эпохи» неизбежно приводило историков литературы к выходам в область социальной истории, истории идей и идеологий.

Особое значение в исследовании жизни и творчества Розена, как и других второстепенных писателей, имеют проблемы литературы «второго ряда» и «литературного быта».

Утверждение об опасности превращения истории литературы в «историю генералов»¹ давно стало общим местом в работах, посвященных «второстепенным» литераторам. Как известно, основной целью работ в этом направлении является восстановление культурного контекста, окружающего признанные эстетические достижения великих писателей, и уяснение посредством этого общих закономерностей литературного процесса². Современными исследователями подчеркивается, что зачастую в литературе «второго ряда» происходит незаметное количественное накопление частных художественных открытий (в области поэтики и идеологии), рано или поздно переходящих в качественно-новую поэтическую систему отдельного литературного произведения крупного писателя или

¹ См.: Тынянов Ю.Н. О литературной эволюции // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 270.

² См., например: Ермоленко С.И. Литература «второго ряда» и становление русского психологического романа // Уральский филологический вестник. 2014. № 1. С. 7.

даже целого жанра и направления¹. При этом отмечается, что в наследии «второстепенных», «забытых» литераторов стоит проявлять внимание не только к «общему», но и «индивидуальному», присущему любому художнику².

Интерес к литературе «второго ряда» и малоизвестным писателям проявляется, как можно заметить, в историко-литературных исследованиях разного уровня:

1) На уровне «микроистории» (условно назовем его «микроуровнем»): изучение жизни и творчества отдельного второстепенного автора, подробное рассмотрение «литературного быта» определенного кружка или собрания, частных сюжетов литературных отношений.

2) На «макроуровне»: изучение истории бытования отдельного жанра (оды, элегии, романтической поэмы, путевого очерка и т. д.) — как в его вершинных проявлениях (в творчестве крупных поэтов и писателей), так и в низовых (в литературной продукции малоталантливых авторов и эпигонов), — а также исследование поэтики и исторического развития целого литературного направления.

Классической работой, посвященной «макроуровню» (истории отдельного жанра в русской литературе), является монография В.М. Жирмунского «Байрон и Пушкин» (1924). Ученый убедительно обосновал в ней необходимость исследовательского внимания к литераторам «второго ряда». Изучая жанр романтической поэмы 1820–1830-х гг., он впервые привлек для анализа не только известнейшие произведения в этом жанре, но и обширный материал т. н. «низового романтизма», которым историки литературы и по сей день нередко пренебрегают. Различные по эстетической ценности поэмы многочисленных второстепенных и малоизвестных авторов (не только петербургских и московских, но и провинциальных) Жирмунский исследовал в сопоставлении с «южными поэмами» Пушкина и наряду с известными произведениями Баратынского, Козлова и других, при-

¹ Прозорова И.В. «Великие» и «второстепенные» писатели в литературном процессе // Русская словесность. 2006. № 6. С. 18–19.

² Кормилов С.<И.>Зачем изучать забытых и второстепенных критиков и филологов? // Забытые и «второстепенные» критики и филологи XIX–XX веков: Материалы научной конференции «Пятые Майминские чтения», 14–17 ноября 2004 г. Псков, 2005. С. 8.

влекая примеры из более чем 120 романтических поэм¹. Это позволило с большей отчетливостью выделить типические черты жанра и описать своеобразный характер его бытования в традиции русского романтизма.

Жирмунский отметил, что именно второстепенные поэты способствуют формированию литературной традиции, повторяя и упрощая приемы поэтики крупных авторов и превращая «*индивидуальные* признаки великого литературного произведения в признаки *жанровые*», фиксируя «*индивидуальную комбинацию признаков*» как «*каноническую* для данной эпохи»². Однако традиция эта «с оскудением новых творческих импульсов неизбежно замыкается в определенном круге литературных шаблонов»³ и исчерпывает себя.

Иными словами, литературное явление, оформленное в творчестве эпигонов, профанируется и уходит из элитарного канона, а его место занимают «явления иных исторических традиций и пластов»⁴. Об этом в год выхода работы Жирмунского писал Ю.Н. Тынянов (статья «Литературный факт»; впервые: 1924, под заглавием «О литературном факте»), обосновывая свою модель литературной эволюции как перемещения традиционных литературных явлений из центра на периферию, и наоборот.

Для нас проблема эпигонства в поэзии Розена не является основной (Розен как «эпигон» пушкинской лирики — тема отдельного проблемного исследования), но она так или иначе будет затронута в разных частях работы. При этом мы будем оперировать традиционными историко-литературными понятиями «влияние» (или «литературная традиция») и «заимствование», опираясь на их толкование, предложенное Жирмунским в одной из теоретических глав указанной выше работы. «Влияние» мы будем понимать как «более общее воздействие художественной манеры писателя» (например, использование характерных композиционных приемов), а «заимствование» — как «перенесение определенного конкрет-

¹ См.: Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин; Пушкин и западные литературы: Избранные труды. Л., 1978. С. 227–239.

² Там же (курсив В.М. Жирмунского). С. 227.

³ Там же. С. 226.

⁴ Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 258.

ного мотива»¹ (которое, как правило, дополнительно подтверждается ритмико-синтаксическим сходством с оригиналом и употреблением мотива в сходной композиционной функции). Наличие прямых заимствований, а также — шире — реминисценций, позволит нам говорить о специальном источнике «влияния».

Понятно, что в творчестве поэтов, пусть и не великих, но стремящихся подчеркнуть свою оригинальность, в число которых входит и Е.Ф. Розен, мы редко встретим прямые эпигонские подражания (чаще — вариации). В случае Розена уместнее говорить не столько о «подражаниях» как литературных произведениях с легко различимой ориентацией на чужой стиль, сколько о «подражательности» как одной из характеристик ряда произведений и творческом методе.

В относительно недавнее время к исследованиям «макроуровня» русской литературы настойчиво призывал М.Л. Гаспаров в статье «Как писать историю литературы» (2003). Приводя в пример монографию В.М. Жирмунского «Байрон и Пушкин» и рассказывая о плодотворном опыте работы над своей книгой «История русского стиха» (1984), ученый писал о необходимости систематизации и обобщения разнородного литературного материала, кропотливых подсчетов стиховых форм, вариантов сюжета, мотивов, пропорций описаний, повествований и др., безотносительно к эстетической ценности вводимых в оборот литературных произведений. «Без этой каторжной описи — считал Гаспаров, — не существует никакая другая история литературы, потому что в ней, в этой описи, — вся специфика литературного материала»².

Из недавних работ, представляющих обзор истории русской литературы на «макроуровне», следует отметить книгу израильского филолога, профессора Иерусалимского университета М.Я. Вайскопфа «Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма» (2012). Вместе с изучением религиозно-идеологической проблематики русского романтизма в ней с привлечением большого корпуса текстов исследуется сам культурный язык этого направления, используемый как в произведениях высокой литературы, так и в массовой, эпигон-

¹ Там же. С. 223.

² См.: Гаспаров М.Л. Как писать историю литературы // Русский филологический портал Philology.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philology.ru/literature1/gasparov-03.htm>

ской, дилетантской литературной продукции.

Ученый включает в материал своего исследования огромный пласт «низового романтизма», справедливо указывая на тот факт, что именно на этом уровне типические черты русского романтизма проявились наиболее ярко. Вайскопф замечает, что мелкие литераторы и эпигоны «зачастую были раскованнее или просто развязнее своих великих современников и потому шли значительно дальше, тем самым обнажая скрытые идеологические ресурсы романтического движения»¹. Говоря об этом, автор в очередной раз подчеркивает важность изучения всей культурной среды определенной эпохи, а не только ее «культурных вершин»: «Литературные исполины постоянно действовали в этой среде, были тесно связаны с ней и, бесконечно много дав ей, сами немало у нее взяли. Отсекая их от нее, мы неосознанно подчиняемся именно романтическому канону, который учредил культ одинокого гения, случайно затесавшегося в царство жалких пигмеев»².

Не менее востребованными, чем исследования «макроуровня», остаются работы, посвященные «микроуровню».

Устойчивый интерес к «микроуровню» (биографии малоизученных литераторов) развивает в русской филологии, в частности, продолжающееся многотомное издание «Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь», о котором мы писали выше.

К исследованиям «микроуровня» можно также отнести основную часть трудов В.Э. Вацура, придававшего большое значение выявлению и заполнению лакун в истории русской литературы путем сплошного просмотра первоисточников. Вацура уделял внимание как «литературному быту» кружка, группы, так и творчеству малозаметных, второстепенных литературных фигур (например, малоизвестным участникам кружка С.Е. Раича В.М. Строеву, С.И. Стромилову и др.; поэтам «младшего дельвиговского кружка», в собраниях которого участвовал и Е.Ф. Розен). Он посвящал работы истории отдельного литературного салона

¹ Вайскопф М.<Я.> Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. М., 2012. С. 16.

² Там же.

(«С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры» [1989]), литературного альманаха («“Северные цветы”. История альманаха Дельвига — Пушкина» [1978]), частным эпизодам литературных отношений (например: «Из неизданных откликов на смерть Пушкина» [1979], «Мицкевич и русская литературная среда 1820-х гг. (Разыскания)» [1988]). При этом кропотливые исследования Вацура на «микроуровне» неизбежно приводили к уточнению данных на «макроуровне»: к корректировке наших представлений о литературных позициях крупных писателей пушкинской эпохи, установлению неизвестных ранее их знакомств, уяснению тенденций историко-литературного процесса и усложнению наших представлений о литературной эволюции в целом¹.

В нашей работе, посвященной «микроуровню» истории русской литературы — историко-литературной биографии Розена, — мы будем придерживаться метода В.Э. Вацура. Особое внимание мы будем проявлять к отдельным эпизодам розеновской биографии — незаметным или малоизученным.

Вторая крупная проблема, затрагиваемая в работах о второстепенном литераторе, определяется спецификой рассмотрения литературы «второго ряда» на «микроуровне»; она связана с изучением целого комплекса окололитературных явлений, который в русском формализме получил название «литературного быта». Вслед за Б.М. Эйхенбаумом, мы будем понимать его как совокупность литературных и общественных институтов и выстраивающихся вокруг них отношений между участниками литературного процесса (взгляд на предмет, оформившийся в статьях: «Литературный быт», «Литература и писатель», «Литературная домашность»²). В статье «Литературная домашность» Эйхенбаум подчеркивал необходимость изучения литературной жизни в ее исторической изменчивости: «Жизнь литературы не исчерпывается выходом в свет книг и журналов с новыми стихами, романами и рассказами. <...> Писатель работает не в одиночку, а бок о бок со

¹ См., например, пояснение ученым принципа своей работы: Вацура В.Э. Мицкевич и русская литературная среда 1820-х гг. (Разыскания) // Вацура В.Э. Избранные труды. М., 2004. С. 672–673.

² См.: Эйхенбаум Б.М. Мой современник // Эйхенбаум Б.М. Мой современник. Маршрут в бессмертие. М., 2001. С. 49–87.

своими единомышленниками, товарищами по ремеслу и т. д. Образуются «кружки», «группы», устраиваются собрания, заседания или просто «вечеринки». Эти формы общения меняются, то приближаясь к наиболее «домашним», то развертываясь в сторону большей общественности или публичности — как меняется самый тип литератора от поэта-дилетанта до журналиста-профессионала, как меняется и сама литература, от альбомной лирики до газетного фельетона»¹.

Следует отметить, что интерес к изучению литературной жизни, «литературного быта» сформировался задолго до обращения к нему формалистов — в русской исторической журналистике («Русский архив», «Русская старина» и др.). Формалисты лишь оживили его, заново открыв для науки разнородный исторический материал.

Одним из методов исследования литературной жизни определенной эпохи и является создание историко-литературной биографии писателя, в которой с возможной достоверностью и полнотой восстанавливается эволюция его литературной позиции, его творческое самосознание, отношение к различным общественным и культурным событиям, воссоздается история восприятия его творчества современниками и прослеживаются этапы формирования его литературной репутации². Важная подготовительная часть этой работы — составление «летописи»/хроники жизни и творчества писателя, где учитываются и фиксируются в хронологической последовательности факты его биографии и литературной деятельности. Хроника — это «канва» для дальнейших биографических исследований, в которых учтенные и проверенные данные могут уже подвергаться интерпретации и обобщению.

Теперь, когда все теоретические аспекты нашей работы обозначены, перейдем к краткому обзору научной литературы, посвященной непосредственно Розену, его произведениям и литературным связям.

Первым научный интерес к фигуре Розена на фоне его эпохи проявил библиограф и историк русской литературы В.И. Саитов (1849–1938). Комментатор-

¹ Там же. С. 83–84.

² Там же. С. 53–54.

ская заметка к одному из писем П.А. Вяземского к А.И. Тургеневу, помещенная в обширных примечаниях Саитова к третьему тому «Остафьевского архива князей Вяземских»¹ (1908), составила первый биографический очерк о Розене, обозревающий все существенные этапы жизни и творчества литератора. Труд В.И. Саитова и в наше время сохраняет научную значимость благодаря фактографической полноте и ценным библиографическим указаниям.

Значительно дополнил эти первоначальные сведения В.Э. Вацуру (1935–2000). Ученый в ряде работ по истории литературной жизни пушкинской эпохи неоднократно обращался к биографии и творчеству Розена и расширял круг представлений о писателе и его литературных связях. Особое внимание Вацуру уделил трем аспектам:

1) Розен как участник «младшего дельвиговского кружка» («Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина [1978]).

В этой работе, по охвату материала выходящей далеко за пределы истории отдельно взятого альманаха (она представляет собой конспективное изложение истории едва ли не всей петербургской литературной жизни конца 1820-х — начала 1830-х гг.), Вацуру пишет о Розене как участнике альманаха «Северные цветы» и сотруднике «Литературной газеты», друге Дельвига и довольно близком знакомом Пушкина, соиздателе «спутника» «Северных цветов» — альманаха «Царское Село» (1830).

В частности, Вацуру освещает в биографии Розена эпизод, который можно назвать временным расхождением писателя с пушкинским кругом. Он относится к концу 1830 — началу 1831 г.: в конце октября или начале ноября 1830 г. Розен по ряду причин (недовольство критическим отзывом Дельвига о своей поэме «Рождение Иоанна Грозного», разногласия по поводу издания альманаха «Царское Село»/«Альциона» на 1831 г.) прекратил литературные и дружеские связи с Дельвигом и перестал печататься в «Северных цветах» и «Литературной газете».

¹ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. III (Примечания). СПб., 1908. С. 659–666. Отрывок о Розене затем перепечатан в «Русском биографическом словаре»: <Саитов В.И.> Розен, барон Егор (Георгий) Федорович // Русский биографический словарь. Т. XVI. Рейтерн–Рольцберг. Издание Императорского Русского исторического общества. СПб., 1913. С. 399–403.

Разлад этот, как отмечает исследователь, был недолгим: в мае 1831 г., через несколько месяцев после смерти Дельвига, Розен вернулся в «Литературную газету» со стихотворением «Тени друга», исполненным запоздалого раскаяния.

Развивая замечания исследователя, можно прийти к выводу, что во время «разлада с литературными аристократами» Розен не враждовал с ними, а только расширял свои связи в журнальных кругах Петербурга. Отказавшись от продолжения «Царского Села», он начал издавать собственный альманах «Альциона» (1831; 1832; 1833), который, как заметил Вацуру, по составу авторов все же был близок к «Северным цветам»¹.

2) Пушкин и Розен (в частности: Из разысканий о Пушкине [1974]²).

В каждой из четырех частей этой небольшой статьи Вацуру рассматривает отдельный сюжет, так или иначе связанный с Пушкиным, добавляющий штрих к историко-литературному портрету великого поэта. Критическое прочтение воспоминаний «добросовестного мемуариста» Розена (части II и IV: «Побежденная трудность» и «К истории пушкинского экспромта») помогает ученому выявить не замеченные прежде факты и дополнить наше представление о Пушкине. Эта работа хорошо иллюстрирует методологический принцип Вацуру — заполнение лакун путем сплошного критического просмотра источников.

3) Розен как исторический драматург (Историческая трагедия и романтическая драма 1830-х гг. [1982]).

Здесь Вацуру обращается к изучению исторических трагедий Розена в контексте драматургии 1830-х гг. Вместе с трагедиями «Россия и Баторий», «Осада Пскова», «Петр Басманов», «Дочь Иоанна III» подвергаются анализу драмы Н.В. Кукольника, А.С. Хомякова, М.П. Погодина. Исследуется влияние пушкинского «Бориса Годунова» на развитие жанра исторической драмы. Закljučая очерк драматического творчества Розена 1830-х гг., Вацуру делает существенный вывод: «При всей консервативности общей позиции Розена проблематика его драм была далека от официоза. <...> Эталон официальной исторической драмы создал

¹ Вацуру В.Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина // Вацуру В.Э. Избранные труды. М., 2004. С. 156–157.

² Вацуру В.Э. Из разысканий о Пушкине // Вацуру В.Э. Избранные труды. М., 2004. С. 513–523.

не Розен, а его соперник на драматическом поприще — молодой Нестор Васильевич Кукольник»¹.

В.Э. Вацуро также является автором развернутой биографической статьи о Е.Ф. Розене для словаря «Русские писатели. 1800–1917»², объединившей и упорядочившей практически все имеющиеся сведения о жизни и творчестве писателя и включившей многочисленные наблюдения, выполненные в ряде предшествующих работ самим автором. В настоящее время это наиболее полная научная биография Розена, пусть и максимально сокращенная в силу требований издания. В ней Вацуро удалось освободиться от давления поздней литературной репутации Розена, утвердившейся в конце 1840-х — 1850-х гг. (от чего не были свободны авторы, писавшие о Розене прежде), и беспристрастно оценить его литературное наследие, проницательно увидев в этом наследии как слабые, так и заслуживающие внимания стороны. Краткая биография снабжена обширной библиографией, служащей хорошим подспорьем для дальнейших исследований.

Помимо В.И. Сайтова и В.Э. Вацуро, к литературному пути Розена обращались пушкинисты (изучение литературных и личных контактов с Пушкиным), исследователи творчества Гоголя (анализ известных критических замечаний Розена о Гоголе и некоторых сведений о личных контактах³) и Лермонтова (рассмотрение статей Розена в ряду других критических отзывов на творчество поэта⁴). Биографические сведения о писателе привлекались в качестве «вспомогательных»: внимание к Розену в большинстве случаев ограничивалось несколькими упоминаниями в комментариях, примечаниях к материалам для биографий и собраниям сочинений Пушкина, Гоголя, Лермонтова.

Наиболее разработанным полем для биографических исследований, посвя-

¹ Вацуро В.Э. Историческая трагедия и романтическая драма 1830-х годов // Вацуро В.Э. Пушкинская пора: Сб. статей. СПб., 2000. С. 579.

² Вацуро В.Э. Розен Егор Федорович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М., 2007. С. 341–344. Эту же работу см.: Вацуро В.Э. Розен Егор Федорович // Вацуро В.Э. Избранные труды. М., 2004. С. 770–779.

³ См., например: Шенрок В.<И.> Материалы для биографии Гоголя. М., 1895. Т. III. С. 92–95; Т. IV. М., 1897. С. 449, 463–465, 514, 699.

⁴ См.: М.Ю. Лермонтов: pro et contra / Сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова, вступ. статья В.М. Марковича, коммент. Г.Е. Потаповой и Н.Ю. Заварзиной. СПб., 2002. С. 145–158, 988–990.

ценных Розену, ожидаемо стала область, в которой жизненный и творческий путь писателя пересекался с пушкинским. Однако и в ней остаются «белые пятна», нуждающиеся в прояснении.

Начальный свод данных о достоверно устанавливаемых личных и творческих контактах Розена с Пушкиным представлен Л.А. Черейским (1910–1989) в посвященной Е.Ф. Розену статье словаря «Пушкин и его окружение» (1975; второе, дополненное, издание: 1988)¹. Важные сведения ученый извлек в том числе из воспоминаний героя статьи. Как уже отмечалось выше, в пушкиноведении Розен известен как «добросовестный мемуарист»: его очерк «Ссылка на мертвых» (1847)² признан одним из заслуживающих доверия мемуарных источников о Пушкине. Написанный в полемических целях (желая доказать, что зрелое творчество Гоголя противоречит нормам пушкинской эстетики, Розен ссылаясь на свои беседы с Пушкиным), субъективный в оценках, он тем не менее сообщает ценные сведения о взаимоотношениях внутри пушкинского круга и о Пушкине в середине 1830-х гг.³

Примером рассмотрения литературных опытов Розена в контексте творчества Пушкина является сопоставление его стихотворения «Пастуший рог в Петербурге» с пушкинским «Пиром Петра Первого», которое предпринимает А.Н. Архангельский в статье «В тоске по контексту (От Гаврилы Державина до Тимура Кибирова)» (1990)⁴. В этой работе автор исследует механизм постепенной канонизации и трансформации темы и формальных признаков «Пира Петра Первого» в творчестве самых разных поэтов (от Л.Ф. Якубовича до А.А. Блока и дальше) путем «многократного отражения друг в друге целого ряда стихотворений». При ближайшем рассмотрении «Пастушьего рога в Петербурге» (1831), — стихотворения, которое, по свидетельству самого Розена, заслужило похвалу

¹ Черейский Л.А. Розен Егор (Георгий) Федорович // Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 374–376.

² Сын отечества. 1847. № 6. Отд. 3. С. 3–40.

³ См.: Розен Е.Ф. Из статьи «Ссылка на мертвых» // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1974. С. 271–278, 474–476 (комментарий В.Э. Вацууро).

⁴ См.: Архангельский А.Н. В тоске по контексту (От Гаврилы Державина до Тимура Кибирова) // Архангельский А.Н. У парадного подъезда: Литературные и культурные ситуации периода гласности (1987–1990). М., 1991. С. 158–214. О стихотворении Розена: С. 163–166.

Пушкина и Гнедича, а после было опубликовано в «Северных цветах» на 1832 г. (рядом с «Моцартом и Сальери» Пушкина) — оказывается, что оно сразу на нескольких уровнях может быть соотнесено с «Пиром Петра Первого» (1835). Оно, подобно «Пиру...», выдержано в четырехстопном хорее, содержит схожие элементы синтаксиса (вопросительно-отрицательная схема в одной из строк), а также приближается к теме противопоставления «столичного, государственного» — «простому, частному, сердечному» (в «Пире...» «государственное» и «сердечное» объединяются в фигуре Петра, прощающего подданного). Получается, что Пушкин, сочиняя «Пир Петра Первого» четырьмя годами позже, мог припоминать стихотворение своего «эпигона» Розена. Этот пример, несмотря на то, что «Пастуший рог...», конечно, был не единственным подтекстом пушкинского «Пира...» (автор статьи выделяет также предшествующее «Пиру...» «Многолетие» Жуковского 1834 г.), позволяет поставить вопрос об участии Розена в «литературных играх» внутри «пушкинского круга».

Несомненный интерес представляет установление иных случаев межтекстовых взаимодействий в лирике (а возможно, не только в лирике) Пушкина и Розена и уяснение того, насколько осознанно Розен участвовал в подобной «литературной игре». По поводу стихотворения «Пастуший рог в Петербурге» в его соотнесенности с позднейшим пушкинским стихотворением А.Н. Архангельский замечает: «В “Рог пастушьем...” как бы происходит эманация пушкинского стиля: а это значит, что, подражая Пушкину, Розен невольно давал ему повод относиться к этому тексту как к не вполне чужому, как к отдаленному черновику собственных будущих творений»¹.

В ряде специальных работ с разной степенью охвата материала затрагивались отдельные грани литературной деятельности Розена (лирика, историческая драматургия, переводческая деятельность) — зачастую в их зависимости от творчества Пушкина. Так, Илья Захарович Серман (1913–2010) в статье «Пушкин и русская историческая драма 1830-х гг.»² сделал ряд замечаний о характере влия-

¹ Там же. С. 164.

² Серман И.З. Пушкин и русская историческая драма 1830-х годов // Пушкин. Исследования и

ния пушкинского «Бориса Годунова» на драмы Розена «Россия и Баторий» и «Осада Пскова». Профессор Тартуского университета Сергей Геннадиевич Исаков (1931–2013) изучил специфически «остзейскую» тематику баллад Розена (и произведений других авторов), а также сотрудничество поэта в немецких журналах Остзейского края (переводы произведений Пушкина, Дельвига и др.)¹. Французский славист Андре Мазон (1881–1967) осветил позднюю цензорскую деятельность Розена, опубликовав его цензурные рапорты и переписку с И.А. Гончаровым по поводу цензорского места².

М.Я. Вайскопф в крупной работе «Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма» (2012), исследующей на широком материале культурный язык русского романтизма, не обходит вниманием и Розена. Он выделяет как типические черты идеологического и образного планов произведений писателя, так и индивидуальный, присущий только его творчеству, специфический извод романтической топики (которому, при наличии соответствующего интереса, можно искать психологические и биографические объяснения). В качестве примеров привлекаются как стихотворения Розена (и даже текст его либретто к опере «Жизнь за царя»), так и его романтические повести («Зеркало старушки», «Розалия», «Очистительная жертва»). Последние, ввиду своей мотивно-образной неординарности, нередко подвергаются подробному анализу³.

Отдельная группа междисциплинарных исследований, обращавших внимание на Розена, посвящена истории оперы М.И. Глинки «Жизнь за царя» (1836) и ее либретто. Над либретто в разное время успели поработать три автора (Е.Ф. Розен, В.А. Соллогуб, Н.В. Кукольник⁴), но именно Розен (рекомендован-

материалы. Л., 1969. Т. IV. С. 118–149.

¹ Исаков С.Г. О ливонской теме в русской литературе 1820–1830-х гг. // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 98. 1960. С. 179–180; Исаков С.Г. Журналы «Esthona» (1828–1830) и «Der Refraktor» (1836–1837) как пропагандисты русской литературы // Там же. Вып. 266. 1971. С. 26–34.

² Мазон А. Гончаров как цензор // Русская старина. 1911. Вып. 3. С. 473–484; Мазон А. Страницка из истории русской цензуры в конце 50-х годов // Сборник статей в честь проф. В.П. Бузескула. Харьков: Тип. «Печатное дело», 1914. С. 247–253.

³ См.: Вайскопф М.<Я.> Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. М., 2012. С. 378–379, 419–425, 553–554.

⁴ Глинка М.И. Записки. М., 1988. С. 64–73.

ный Глинке В.А. Жуковским) написал его основной текст и считается вторым автором оперы. В дореволюционном и советском музыковедении утвердились представления о слабом участии Розена в разработке идеологии оперы, его зависимом положении от композитора и отсутствии в либретто каких-либо литературных достоинств; во многом они основаны на воспоминаниях самого Глинки и критических отзывах современников. В последние годы эти оценки подвергаются пересмотру — прежде всего, среди музыковедов. Так, С.К. Лащенко в недавней работе «М.И. Глинка и Е.Ф. Розен» (2020) предпринимает попытку опровергнуть «миф о недовольстве Глинки результатами труда своего либреттиста» и предлагает признать, что вклад поэта в создание и последующий успех первой русской национальной оперы был немалым, хотя и небесспорным¹.

Идеология розеновского либретто и круг возможных исторических и литературных источников текста (среди которых оказалась дума К.Ф. Рылеева «Иван Сусанин») отдельно обсуждались в историко-литературных статьях Л.Н. Киселевой², Т. Ходжа³ и др.

Как ни странно, произведения Розена могут рассматриваться не только в литературном контексте его эпохи, но и в «большом времени». Заслуживающим внимания опытом подобного рода является статья итальянского слависта, профессора Пизанского университета Стефано Гардзонио (Stefano Garzonio), в которой ученый сопоставляет розеновский цикл из двух стихотворений «Милой незнакомке» (1831) со знаменитой «Незнакомкой» А.А. Блока⁴. Опираясь на бесспорный факт внимательного отношения Блока к поэтической традиции XIX века (включая творчество поэтов далеко не первой величины) и указывая на интерес его «к ред-

¹ Лащенко С.К. М.И. Глинка и Е.Ф. Розен // Искусство музыки: теория и история. № 22–23. 2020. С. 156–213. См. также: Ефимовская Е. «Варварские стихи» или «одушевленное слово»: еще раз о либретто «Жизни за царя» // Музыкальная Академия. 2004. № 2. С. 6–10.

² Киселева Л.Н. Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // Лотмановский сборник. Вып. 2. М., 1997. С. 279–302.

³ Hodge T.P. Susanin, Two Glinkas, and Ryleev: History-making in A Life for the Tsar // Intersections and transpositions: Russian music, literature, and society. Northwestern University Press, 1998. P. 3–19.

⁴ См.: Garzonio S. A 19th century poetical antecedent of Block's «Neznakomka»: (The lyrical cycle «Miloi neznakomke» by Baron Georgii Rozen) // Elementa: Journal of slavic studies and comparative cultural semiotics. 2000. Vol. 4. № 4. P. 303–309.

ким поэтическим сборникам», С. Гардзонио предполагает, что поэт мог быть знаком со стихотворениями Розена, опубликованными в альманахе «Альциона» на 1832 г. Отмечая очевидные мотивно-образные переключки «Незнакомки» с малоизвестным лирическим циклом Розена, исследователь делает вывод о необходимости тщательного изучения глубоких внутренних связей Блока с русским романтизмом, во многом определяющих специфику его поэзии.

В настоящее время возрастает количество специальных работ, посвященных Е.Ф. Розену. Значительный вклад в изучение его жизни и творчества вносит профессор Тартуского университета Любовь Николаевна Киселева. В ее статьях «Эстляндец барон Е.Ф. Розен — борец за русскую народность» (2013)¹ и «Язык сцены и язык драмы в имперском идеологическом строительстве 1830-х гг.» (2014)² рассматривается, в частности, трагедия Розена «Осада Пскова» и история ее постановки на сцене в 1834 г. На примере розеновской исторической драмы Л.Н. Киселева исследует взаимовлияние литературного, театрального и государственно-идеологического дискурсов в 1830-е гг., раскрывая механизм участия — осознанного и неосознанного — драматургов уровня Н.В. Кукольника и Е.Ф. Розена в утверждении идеологии «официальной народности».

Л.Н. Киселевой также принадлежит заслуга в публикации комментированного полного перевода немецкой автобиографии Розена, сообщающей важные сведения о начале творческой деятельности поэта и дающей представление о его внутренних эстетических установках³. В литературном наследии Розена, помимо драматургии, ученого привлекают путевые очерки 1838–1839 гг.⁴ и по-своему но-

¹ См.: Киселева Л.Н. Эстляндец барон Е.Ф. Розен — борец за русскую народность // Киселева Л.Н. Эстонско-русское культурное пространство. М., 2018. С. 213–228.

² Киселева Л.Н. Язык сцены и язык драмы в имперском идеологическом строительстве 1830-х гг. // Лотмановский сборник, 4. М., 2014. С. 279–297; см. также замечания по поводу драмы Розена «Россия и Баторий»: Киселева Л.<Н.> На подступах к николаевской идеологии. «Национальное представление» в русском театре начала 1820-х гг. // Сб. статей; под ред. Г. Обатнина, Б. Хеллмана и Т. Хуттунена. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 7–17.

³ Киселева Л.<Н.> Барон Розен о себе [Электронный ресурс] // Статьи на случай: Сборник к 50-летию Р.Г. Лейбова. Объединенное гуманитарное издательство Ruthenia.ru, 2013. URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Kiseljova.pdf

⁴ Киселева Л.Н. «Русский путешественник» барон Розен — европеец и космополит. Италия как его идеальная отчизна // Киселева Л.Н. Эстонско-русское культурное пространство. М., 2018. С. 228–242.

ваторская повесть (в европейской традиции ее можно назвать романом) о современном остзейце «Константин Левен» (1831)¹; эти произведения рассматриваются в широком историко-культурном контексте.

Как и в упомянутых выше статьях С.Г. Исакова, в работах Л.Н. Киселевой оговаривается особое положение Розена на границе двух культур: немецкой, в ее остзейском географическом и культурном своеобразии, — и русской. Это нестандартное амплуа Розена как «русского европейца», «странного остзейца», и его индивидуальный путь национальной самоидентификации (как в жизни, так и в литературе) является предметом специального интереса ученого.

Сколько-нибудь полное издание сочинений Розена не предпринималось ни при его жизни, ни после его смерти. Наиболее представительная подборка его лирики (четырнадцать стихотворений) дана в первом томе сборника «Поэты 1820–1830-х годов»². Отдельные критические статьи в относительно недавнее время напечатаны в антологиях «Пушкин в прижизненной критике»³ и «М.Ю. Лермонтов: pro et contra»⁴.

Таким образом, изучение отдельных аспектов жизни и творчества Е.Ф. Розена актуально по сей день, и наличие достаточно разработанного материала позволяет поставить вопрос о возможности создания его историко-литературной биографии.

Обсудив проблематику биографических исследований и сделав беглый экскурс в историю жанра научной биографии в отечественной истории литературы, мы пришли к следующим основным выводам:

- 1) При обращении к жанру биографии необходимо учитывать его междис-

¹ Киселева Л.Н. Роман об остзейце и его автор // Киселева Л.Н. Эстонско-русское культурное пространство. М., 2018. С. 242–256.

² Поэты 1820–1830-х годов / Биограф. справки, сост., подг. текста и примеч. В.С. Киселева-Сергенина. Общ. ред. Л.Я. Гинзбург. Т. 1. Л.: Сов. писатель, 1972. (Библиотека поэта. Большая серия). С. 551–579.

³ Пушкин в прижизненной критике: 1831–1833. СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2003. С. 259–269, 174–176; Пушкин в прижизненной критике. 1834–1837. СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2008. С. 79–81.

⁴ М.Ю. Лермонтов: pro et contra / Сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова, вступ. статья В.М. Марковича, коммент. Г.Е. Потаповой и Н.Ю. Заварзиной. СПб.: Изд-во РХГА, 2002. С. 145–158.

циплинарный характер. Создание жизнеописания требует обращения исследователя к социальной истории, истории идей и идеологий, генеалогии, источниковедению, библиографии и т. д.

2) В соответствии с исследовательскими задачами и целевой аудиторией биограф вправе самостоятельно определять степень соотношения художественного и научного элемента в своем труде. При этом следует помнить, что в жизнеописаниях, претендующих на научную значимость, художественные приемы допустимы только в том случае, если они не препятствуют реализации научной методологии.

3) Биограф может строить исследование как в форме документального монтажа (хронологической последовательности писем, свидетельств современников, официальных бумаг), так и в форме повествования, включающего в себя обоснованные исследовательские реконструкции и обсуждающего различные гипотезы.

4) Научная биография писателя предполагает изучение многообразных связей творческой личности в литературных и общественных кругах. Для нее — в отличие от определенного типа беллетризованных биографий — характерно по возможности точное соблюдение принципа историзма. Поступкам героя необходимо искать такие объяснения, а произведениям литератора такие интерпретации, которые принципиально не противоречили бы его сознанию и сознанию его эпохи.

5) Документальный характер научной биографии предполагает ввод в исследовательский оборот новых сведений, публикацию архивных материалов и перекрестную проверку источников. Если для беллетризованных биографий публикация новых материалов факультативна, то для жизнеописаний, претендующих на научность, она является скорее правилом, чем исключением.

6) Три продолжающиеся линии в истории изучения русской литературы: составление биографических словарей о русских писателях, монографические исследования жизни и творчества, написание художественных и научно-популярных биографий, — на протяжении двух веков взаимодействовали и до-

полняли друг друга. В дискуссиях о соотношении художественного и научного в этих трудах вырабатывались основы «теории жанра». При этом большинством ученых подчеркивалась невозможность какой-либо «алгоритмизации» подобных исследований, ведь в биографиях методы и границы их применения во многом определяются самим материалом. В этой связи представляется актуальным замечание Ю.М. Лотмана: «Любая попытка ответить на вопрос “как?” каким-либо готовым рецептом или указанием на некоторый идеальный образец заведомо обречена на провал: сколько талантливых и компетентных авторов будет браться за решение задачи, столько и вариантов положительного ответа мы получим»¹.

7) При создании биографии «второстепенного литератора» необходимо находить выходы к разным контекстам, учитывая проблемы литературы «второго ряда» и «литературного быта».

8) Наиболее значимая для истории литературы форма обобщения фактических биографических данных: «летописи» и «хроники» жизни и творчества писателей. Они подготавливают необходимую «почву» для создания научной биографии. Подготовка такой подробной «летописи» (так же, как собирание и издание «материалов к биографии») является существенным и необходимым этапом даже в том случае, если создание научной биографии представляется делом будущего.

Обратившись к истории изучения жизни и творчества барона Е.Ф. Розена, малоизвестного литератора 1820-х — 1850-х гг., мы отметили, что опыт его развернутой документальной биографии возможен. Возросший в последние десятилетия интерес к биографическим исследованиям, посвященным малоизвестным, «второстепенным» фигурам в истории России и русской литературе, определяет актуальность подобной работы. Труды В.И. Саитова, В.Э. Вацура, Л.Н. Киселевой, исследования по истории оперы «Жизнь за царя» показывают, что Розен, несмотря на ограниченность его таланта, активно участвовал в литературном движении пушкинской эпохи и в лучшие годы творчества (конец 1820-х — 1830-е гг.) был окружен великими современниками: Пушкиным, Жуковским, Гоголем, М.И. Глинкой и др. В таком случае тщательное изучение многочислен-

¹ Лотман Ю.М. Биография — живое лицо. С. 228.

ных литературных связей писателя, реконструкция его идеологической позиции, уяснение закономерностей его творческого пути неизбежно дополняют наше представление и об именитых друзьях, покровителях и соперниках Розена, и о самом его времени. Именно это является одной из главных задач историко-литературной биографии.

Предварительной подготовкой к такому труду должно явиться составление наиболее полной библиографии и «летописи» жизни и творчества писателя. Для этого необходимо учесть все публикации Розена в периодике 1820–1850-х гг., уточнить ряд фактов и датировок, систематизировать сведения о личных контактах Розена с Пушкиным, Дельвигом, Жуковским, Гоголем, А.Ф. Воейковым, В.Ф. Одоевским, М.И. Глинкой, Ф.В. Булгариным и др. В ходе этой предварительной работы, как и при дальнейшей работе над биографией, нам потребуется обращение к имеющимся «летописям» жизни и творчества Пушкина, Баратынского, М.И. Глинки, переписке и мемуарам современников, официальным документам. Неизбежными представляются и некоторые архивные разыскания, подразумевающие публикацию прежде цитировавшихся фрагментарно или вовсе не вводившихся в научный оборот документов (письма Розена А.И. Подолинскому, А.Ф. Воейкову и др.). Наименее изученные эпизоды жизни и творчества писателя потребуются восстанавливать по косвенным сведениям, оговорив заранее гипотетический характер любых реконструкций такого рода.

«Летопись жизни и творчества Е.Ф. Розена» будет иметь значение, во-первых, хронологического свода немногочисленных документальных источников для биографии Розена, позволяющего наглядно представить изменение литературной репутации писателя в 1830–1840-е гг., эволюцию его творческих симпатий и интересов, тяготение в разное время к идеологически непримиримым изданиям, — а во-вторых, библиографического указателя его сочинений, часть из которых нужно атрибутировать Розену впервые.

На основании подобной «летописи» и с учетом особенностей жанра мы, не претендуя на полноту, предполагаем строить первый опыт развернутой биографии Е.Ф. Розена.

ГЛАВА 1. РАННИЕ ГОДЫ (1819–1827)

1.1. Первые опыты

Зимой 1819 г. Егор Федорович Розен поступил корнетом в Елизаветградский гусарский полк¹, находившийся в составе 2-й гусарской дивизии. Командиром полка в это время был барон Отто Федорович Розен 6-й (1782–1831), дядя Е.Ф. Розена по отцу². Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии, полковник О.Ф. Розен возглавлял Елизаветградский полк с 3 сентября 1814 г. до 19 марта 1820 г., когда он был произведен в генерал-майоры и получил должность в 1-й конно-егерской дивизии³. Е.Ф. Розен, таким образом, прослужил под началом дяди недолго, но этот факт, как нам представляется, нашел отражение в его повести «Очистительная жертва» (1831), главному герою которой, Владимиру Штерне, Розен придал автобиографические черты (Штерне — остзейский немец на русской службе). Начало повести имеет явно автобиографический характер: «Владимир Штерне поступил в военную службу, едва достигнув юношеского возраста. Сын небогатых родителей, он имел только доброе сердце и здравый ум, образованный под влиянием отца, истинно добродетельного. “Благословение родительское да устроит твое счастье! иди путем чести и правды — и Бог тебя не оставит!” — говорил он сыну, и отправил его в далекий полк, к одному родственнику, обещавшему иметь о нем попечение. Производство в генералы удалило этого родственника»⁴. 28 марта 1820 г., вскоре после ухода О.Ф. Розена, командование полком принял полковник Роман Григорьевич Глазенап. Именно при нем Елизаветградский гусарский полк был передислоцирован в Саратовскую губернию, впоследствии воспетую Розеном в стихах и воспоминаниях (прежде полк был расквартирован в Воронежской губернии). Это

¹ Вацуру В.Э. Розен Егор Федорович. С. 341.

² См.: Розен А.Е. Очерк фамильной истории баронов фон Розен из родовых домов Рооп, Гохрозен, Шенангерн или Розенгоф, Райсум, Моян и пр. 992–1876. СПб., 1876. С. 76–77.

³ Русский биографический словарь: Рейтерн–Рольцберг. Т. 16. СПб., 1913. С. 407.

⁴ Альциона. СПб., 1832 (ц. р. — 20 ноября 1831). С. 31. Примечательно с точки зрения психологии творчества, что в 1831 г., генерал-лейтенант О.Ф. Розен, находясь с дивизией в Чугуеве, «во время занятий за письменным столом был коварным образом убит из пистолета бывшим адъютантом своим Таранухиным» (Розен А.Е. Там же. С.77). Известие об этом могло дойти до Е.Ф. Розена.

произошло осенью 1821 г.¹ — спустя два года после того, как Розен был зачислен на службу.

Полковая квартира с ноября 1821 г. по декабрь 1826 г. располагалась в городе Волжск на берегу Волги. Розен в подписях к нескольким стихотворениям, сочиненным в годы пребывания в полку (за исключением дебютного стихотворения «Черкешенка Пушкина», которое мы отдельно рассмотрим ниже), представляет этот город как «Волжск» — очевидно, по ошибке (орфография этого топонима в 20-е гг. еще не устоялась) или вследствие поэтической ассоциации с названием великой русской реки. Эта ассоциация будет настолько устойчивой, что многими годами позже в автобиографической «идиллии в октавах» «Загородье на Полюстрове» (1848) Розен напишет: «Местечко б я еще нашел родное // В губернии Саратовской... оно // В моей душе поспорит с Балаклавой // — То город Волжск на Волге величавой!»² В декабре 1826 г. 2-я гусарская дивизия была переведена в Орловскую губернию со штабом в городе Севск³.

С момента поступления в полк Розен, получивший «весьма солидное» домашнее образование на немецком языке и знавший латынь и древнегреческий, самостоятельно осваивал русский язык⁴. Друг Розена в 1840-х гг. Ю.К. Арнольд, музыкальный критик и композитор, описывал на основе его рассказов процесс обучения: «Вот он выписывает себе сочинения Жуковского и Пушкина да грамматики Востокова и Греча и обрекает себя на затворническую жизнь: долбит безустанно правила русского языка и изучает поэтов, анализируя их творения и перекладывая их письменно на прозу своими уже словами»⁵. Ранний круг чтения Розена на русском языке в общих чертах восстанавливается по его собственным свидетельствам и упоминаниям Арнольда: это трагедии В.А. Озерова, «Душень-

¹ Плешаков И.Н. Гусарская быль // Рать саратовская. Очерки военной истории Саратовского края. Саратов: Приволжское издательство, 2009. С. 64.

² Розен Е.Ф. Загородье на Полюстрове // Сын отечества. 1849. № 1. Отд. 3. С. 9.

³ Плешаков И.Н. Гусарская быль. С. 99.

⁴ <Арнольд Ю.К.> Воспоминания Юрия Арнольда. Вып. II. М., 1892. С. 182; см. также: Киселева Л.Н. Барон Розен о себе // Статьи на случай: Сборник к 50-летию Р.Г. Лейбова. Объединенное гуманитарное издательство Ruthenia.ru, 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Kiseljova.pdf

⁵ <Арнольд Ю.К.> Воспоминания Юрия Арнольда. С. 183.

ка» И.Ф. Богдановича, поэзия Державина, «История государства Российского» Карамзина; во время службы Розен познакомился, по-видимому, с творчеством почти всех известных ему современных поэтов — помимо Пушкина и Жуковского, он читал Е.А. Баратынского, Ф.Н. Глинку, С.П. Шевырева и др.

Параллельно с чтением Розен пробовал себя в стихосложении на русском языке. Его первые опыты подражательны. Часть из них — это непосредственные личные отклики на прочитанные им романтические поэмы. Так, стихотворение «Черкешенка Пушкина», которым Розен дебютировал в печати в сентябре 1825 г. (в подписи указано место создания: «Волск», то есть Вольск), является своего рода лирической маргиналией к заключительным сценам «Кавказского пленника». Все стихотворение представляет собой патетический монолог черкешенки после того, как она простилась с пленником у реки: «Тебя ль, о друг моей печали! // Несут шумящие струи?»¹ Провожая взглядом уплывающего возлюбленного, девушка решает утопиться: «...В волнах отчизны // Ищу желанного конца!»² У Пушкина самоубийство черкешенки дано с точки зрения пленника и без каких-либо предсмертных упреков. Розен, обнаруживая, по своим представлениям, в этой сцене недостаток мелодраматизма, заполняет лауну. Пленник у Пушкина, услышав отдаленный стон и обернувшись, видит, как: «...При луне в водах плеснувших // Струистый исчезает круг»³ (Пушкин, 1937, с. 112). Этот образ заимствует Розен, вкладывая цитату из пушкинских строк в уста черкешенки: «...Милый друг! // Вообрази в своих мечтаньях // Тяжелый вздох — струистый круг!»⁴

В другом опыте поэтического комментария — отклике на «Эду» Баратынского («К певцу Эды»), написанном в 1826 г., — Розен прямо отождествляет себя с героем поэмы, соблазнившим молодую финляндку: «И я гусар! Мечты мои // Стремилась к миру наслажденья...»⁵. Желая показать раскаяние гусара в смерти

¹ Розен Е.Ф. Черкешенка Пушкина // Дамский журнал. 1825. № 17. С. 175.

² Там же. С. 176.

³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1837–1937. Т. 4. Поэмы, 1817–1824. <Б. м.>, 1937. С. 112.

⁴ Розен Е.Ф. Черкешенка Пушкина. С. 176.

⁵ Розен Е.Ф. К певцу Эды // Московский телеграф. 1826. № 16. С. 134.

зачахшей от тоски Эды, начинающий поэт изображает его посетившим «безмолвное кладбище», где «крест могильный» представляется ему символом «страдальческой печали»¹. Этот эпизод отсылает читателя к финальным строкам «Эды».

Через подражание Розен усваивает поэтическую технику и романтическую топику. В его творчестве середины 1820-х гг. появляется тема безумия поэта («Умиравший Тасс»), продолжается начатая «Черкешенкой Пушкина» кавказская тема («Дева гор»); в его элегиях «Тоска по юности», «Мой идеал» заметно влияние К.Н. Батюшкова.

В большом стихотворении «Греческая героиня» отразился интерес Розена к греческой войне за независимость, начавшейся в марте 1821 г. По-видимому, во 2-й гусарской дивизии, в 1826 г. выдвинутой чуть ближе к театру военных действий, ход восстания и возможность поддержки его русской армией активно обсуждались. О греческих событиях, к которым было приковано сочувственное внимание всей Европы, гусары, вероятно, узнавали из «Северной пчелы» и иностранных журналов и газет.

В центре стихотворения Розена — описание подвига греков во время третьей осады города Миссолонги (Месолонгеона) в 1825–1826 гг.: попытка защитников в ночь на 22 апреля 1826 г. выйти из осажденного города вместе с женщинами и детьми² и подрыв порохового склада, в результате которого город оказался разрушен и не достался туркам.

Стихотворение было написано и опубликовано «по горячим следам» — в июле 1826 г. В течение весны известия из Миссолонги были противоречивы: новости поступали с большой задержкой (на полмесяца — месяц), и разные источники сообщали, что город сдан или что осада продолжается. Вот что передавала «Северная пчела» 29 апреля в известиях из Османской империи: «По донесению одного английского полковника Миссолонги действительно покорен турками. Боццари, как говорят, взлетел на воздух с 2000 человек турок»³. 4 мая 1826 г.:

¹ Там же. С. 135.

² Арш Г.Л. Тайное общество «Филики Этерия». Из истории борьбы Греции за свержение османского ига. М., 1965. С. 116.

³ Северная пчела. 1826, № 51 (29 мая апреля). С. 2.

«Все еще нет решительного известия об участии Миссолонги. В нидерландских, французских и итальянских газетах опровергают слухи о падении крепости сей и уведомляют, что греческий флот в 73 корабля прибыл к оной...»¹. 15 мая: «Из Парижа от 9 мая н. ст. В письме г. Эйнара к герцогу Шуазелю содержится следующее: “5 апреля н. ст. греки, успешно отразившие все нападения Ибрагима-паши, держались в Миссолонги; мое известие достоверно; все же прочие, о смерти Ибрагима-паши, прибытии Фавье, о возвращении флота и проч. суть не что иное, как слухи”»². Наконец, 18 мая: «Константинополь, 24 апреля ст. с. Вот плачевные подробности о взятии Миссолонги и делах Греции. Несколько уже времени гарнизон Миссолонгский был доведен до крайности и имел жизненных припасов не более как на два или на три дня, или, справедливее, вовсе не имел оных. <...> Гарнизон Миссолонгский, чувствуя невозможность долее защищать крепость, решился с оружием в руках пробиться сквозь армию оттоманскую. <...> В ночь с 9 на 10 апреля ст. с., греки пошли на ту часть лагеря, где квартировали албанцы Решидовы.<...> Бой был кровопролитен: турки и греки потеряли лучших своих воинов»³. 27 мая: «Все жители, бывшие в состоянии нести оружие, решились выйти из крепости, чтобы пробиться сквозь армию Ибрагима-паши. <...> Последовала страшная сеча, в которой, по крайней мере, половина греков погибла. Надеются, однако же, что человек 700 или 800 могли пробраться в горы. На следующий день не стало ни геройского города сего, ни обитателей оногo. Турки, вступив туда, не нашли ничего, кроме развалин и трупов»⁴.

Момент ночного прорыва и утро следующего дня описывает Розен:

Страшно дух полночи веет —

Миссолонги! что с тобой?

<...>

Вот — разрушенного града

Мчатся храбрые сыны;

¹ Там же. № 53 (4 мая). С. 3.

² Там же. № 58 (15 мая). С. 2.

³ Там же. № 59 (18 мая). С. 2.

⁴ Там же. № 63 (27 мая). С. 3.

В них еще живет Эллада,
И свободы дышат сны...
Перси жен скрывают латы,
Шлемы видны на главах,
И кровавые булаты
Блещут в девственных руках.¹

Наутро спасшиеся уходят дальше. В горах остается одна раненая девушка:

Из ущелия выходит
Дева в латах боевых.
<...>
Тихо, тихо достигает
Наконец вершины гор,
С тяжким вздохом направляет
К Миссолонги слезный взор,
Где взвивается столпами
Дым отчизны — нет ее!²

Девушка молит Бога: «Дай стране осиротелой, <...> // Дай ей пальму торжества!»³ — и произносит патетический монолог о ранней потере безмятежной жизни: «Сердца сладкие мечтанья // Создавали чудный мир; // Но отечества страданья // Звали на кровавый пир»⁴. После этого девушка постепенно «засыпает» — умирает.

Погибшая дева в латах становится для поэта символом Греции:

На коленях путник юный
Пред уснувшею, в слезах,
Ударяет томно в струны —
Лиру бросил — и во прах
Падши с горестью священной,

¹ Розен Е.Ф. Греческая героиня // Московский телеграф. 1826. № 13. С. 56.

² Там же. С. 57.

³ Там же.

⁴ Там же.

Боже! как рыдает он...
Так над Грецией сраженной,
Так раздастся мира стон!¹

Любопытно, что розеновский образ греческой героини перекликается с изобразительным искусством: стихотворение можно сопоставить с вдохновенной теми же событиями аллегорической картиной Э. Делакруа «Греция на руинах Месолонгиона», написанной в том же 1826 г.

Впоследствии увлечение Розена историей «греческих дел» выразится в его повести «Константин Левен», рассказчик и главный герой которой имеют автобиографические черты: гусар-рассказчик, отождествляемый с автором, и Константин Лёвен, как и Владимир Штерне из «Очистительной жертвы» (показательны их фамилии), — остзейцы на русской службе. Повесть опубликована в 1831 г. в альманахе «Альциона».

Действие повести происходит на фоне исторических событий: в Одессе Левен вместе с другом, греком Леонидом, вступает в тайное греческое общество «Филики Этерия», присоединяется к отряду Ипсиланти и, подобно Байрону, участвует в греческой войне за независимость. Леонид гибнет в 1821 г. в сражении под Драгошанами, а Левен возвращается на родину — в Ревель. Для первого прозаического опыта Розена, каким был «Константин Левен», необычен выбор времени действия — «Левена» можно назвать исторической повестью (и даже романом) о современности².

Конечно, молодой гусар Розен был не одинок в сочувствии греческому восстанию. Оно распространялось в широких кругах русского офицерства, в 1821 г. со дня на день ожидавшего объявления войны Османской империи и выступления армии на помощь этеристам. Среди сочувствовавших вооруженной борьбе греков были как генералы и сановники (М.Ф. Орлов, А.П. Ермолов, А.А. Закревский,

¹ Там же. С. 59.

² См. сообщение о докладе Л.Н. Киселевой «Роман как модель воображаемой/идеальной автобиографии («Константин Левен» барона Розена)» в отчете: Мильчина В.<А.> XXII Лотмановские чтения «Семиотика поведения и литературные стратегии» (ИВГИ РГГУ, 23–24 декабря 2014 г.) // Новое литературное обозрение. 2015. № 2 (132). С. 416–431.

П.Д. Киселев, И.Н. Инзов), так и нижние чины¹. В обществе были объявлены подписки в пользу греческих беженцев и пострадавших от турецких репрессий². На протяжении нескольких лет за ходом восстания следил Пушкин, откликавшийся на него в творчестве: «Война», «Кинжал», «Гречанка верная...», «Эллеферия, пред тобой...», неосуществленный замысел поэмы об этеристах³ (а также повесть «Кирджали», окончание повести «Выстрел»). В ряд произведений, проникнутых энтузиазмом в связи с «греческими делами», вписываются «Греческая героиня» и «Константин Левен» Розена.

Не меньший интерес, чем к греческим событиям, Розен проявил в начале творчества к истории России.

¹ См.: Арш Г.Л. Тайное общество «Филики Этерия». Из истории борьбы Греции за свержение османского ига. С. 105–109; см. также: Фадеев А.В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958. С. 76–83.

² Арш Г.Л. Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М., 2013. С. 163.

³ Томашевский Б.В. Пушкин. Книга первая (1813–1824). М.–Л.: 1956. С. 459–464. См. также: Никола М.И. Греческая революция 1821 года в поэзии А.С. Пушкина и его современников // Наука и школа. 2021. № 6. С. 11–19.

1.2. Зарождение интереса к истории России

Уже среди первых поэтических опытов Розена можно найти одно стихотворение, написанное по мотивам древнерусской истории, — «Святополк», посвященное князю-братоубийце Святополку Окаянному. С подзаголовком «отрывок из повести» оно было напечатано в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» в 1831 г.¹, но у нас есть основания считать, что оно было создано значительно раньше. Розен, прекративший к этому времени активное сотрудничество в «Прибавлениях» А.Ф. Воейкова, но поддерживавший контакт с редактором, отдавал ему старые стихи из своего архива — в подписи к опубликованному стихотворению читаем: «Волжск. 1814»². «Волжск», как мы уже выяснили, — это город Вольск, в окрестностях которого проходила гусарская служба Розена в 1821–1826 гг. Год указан в публикации ошибочно вследствие опечатки или неправильного чтения рукописи — вероятно, стихотворение было написано Розеном в 1824 г.

«Святополк» несет на себе отчетливую печать байронизма и, как нам представляется, оссианизма (меланхолические медитации героя и мрачный дикий пейзаж, данный в параллель его внутреннему состоянию). Выбор героя, несомненно, обусловлен кругом чтения Розена — образ злодея Святополка взят поэтом из первой главы второго тома «Истории» Карамзина, но, по сравнению с морализирующим повествованием историографа, психологически усложнен в духе романтической поэтики. Древнерусский князь, типологически соотносимый с байроновским Каином, представлен Розеном как байронический герой. В душе Святополка, горящей «в тревоге», происходит «последняя борьба» «с добродетелью святою», он колеблется в своем решении совершить страшное преступление и уходит «из града, одинокий», чтобы совещаться со «святым пещеры близкой». Характерен его поэтический портрет — вариация портрета романтического героя:

¹ См. в Летописи жизни и творчества Е.Ф. Розена, помещенной в Приложении 1, запись к дате *18 ноября 1831 года*. Далее ссылки на Приложение 1 даются по следующему образцу: *Летопись. 18 ноября 1831.*

² Розен Е.Ф. Святополк // Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”. 1831. № 92 (18 ноября). С. 727.

...Шлем высокий

Надвинут мрачно на глаза,
И в них плывет — не чувств слеза —
Но блещет влажное безумье,
И взор оцепенел в раздумье¹.

Злодейство «второго Каина» получает психологическую мотивировку: он движим не опасениями, что Борис и Глеб будут претендовать на киевский престол (об этом в стихотворении нет прямых упоминаний), а чувством обиды и требованиями кровной мести. Князь намерен отомстить сыновьям Владимира, который, согласно Повести временных лет и Сказанию об убиении Бориса и Глеба, приказал убить его родного отца, Ярополка Святославича, и взял в наложницы мать². Святополк у Розена произносит: «Владимир! Греков кроткий Бог // Тебе простить убийство мог, // Церквостроителю-герою — // Я не прощу! Кровавый долг // Внушаем детскою любовью... // С лица земли опасной кровью // Обиду смоем Святополк!»³. Ситуация, в которой оказывается герой Розена, напоминает дилеммы классической трагедии: «кровавый долг», вызванный древними установлениями и любовью к родителям, противостоит в душе Святополка долгу христианской добродетели. Ассоциации с «высоким стилем» «классицизма» вызывает также использование Розеном церковнославянизмов («днесь», «град», «чело», «власы», «длани», «изрек»).

Душевная смута князя подчеркнута тревожным оссианическим пейзажем: волнуется «мрачно-шумный бор», клубятся воды Днепра, небо затягивает темная туча, после чего начинается буря. Природа не только раскрывает переживания героя, но и становится проводником потусторонней силы. Святополк видит мистические знаки, предвещающие его дальнейшую судьбу: от порыва ветра перед ним падает высокий дуб, за облаками загорается кровавая звезда, а с неба является ог-

¹ Там же. С. 726.

² В исследовательской литературе достоверность этих сведений неоднократно дискутировалась. Подробный разбор аргументов с выводами в пользу истинности версии, принятой Карамзиным (и опиравшимся на него Розеном), см.: Ранчин А.М. Святополк Окаянный: установление отцовства // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2015, № 1. С. 19–36.

³ Розен Е.Ф. Святополк. С. 727.

недышащий змей:

Пред изумленным князем вьется
И огнедышащей своей
Поднявшись челюстью открытой,
Шипит, бросается, исчез —
И огонь кружится, с дымом слитый¹.

Чтобы истолковать эти знаки, перед Святополком возникает святой отшельник — «друг небес» (возможно, образ старца в «пещере близкой» связан не только с образами киево-печерских монахов, но и с некоторыми образами херасковского «Владимира», а вместе с тем «Руслана и Людмилы»). Старец трактует возмущение стихии как изображение страстей князя и предрекает, что если Святополк не обратится к Богу с молитвой о даровании мира его душе, его век «зардеет кровью», как символическая звезда на небе, и он «примет тяжкое возмездье»: «Тебя обступят бесы, черти — // И *окаянным* прозовут // И, растерзав тебя до смерти, // В полымя ада повлекут»².

Как видим, стихотворение Розена интересно тем, что в нем одновременно переплетаются сразу несколько традиций — предромантическая, байроническая и в некоторой степени «классицистическая», что обусловлено, вероятно, кругом его чтения. Уже в первом сочинении на историческую тему Розен прибегает к мистическому аллегоризму, характерному для его позднейших поэм и баллад, и проявляет интерес к конфликту «чувства» и «долга», к которому он впоследствии будет обращаться в драматургии. Историзм «Святополка» условен в той же степени, что и «древнерусский» колорит скудно обрисованных деталей («шлем высокий», «великокняжеский чертог») — Розена интересуется обуреваемый страстями байронический герой в отрыве от его окружения и эпохи.

Еще более условен «древнерусский колорит» в другом раннем стихотворении Розена, навеянном чтением русской истории, — «Спящая Передслава (Отрывок)», опубликованном в «Московском телеграфе» в 1826 г., когда барон

¹ Там же.

² Там же.

установил связи с Н.А. Полевым¹. Из исторического в нем только имя княжны Передславы (Предславы), дочери князя Владимира, сестры Ярослава Мудрого, образ которой и прежде будил воображение поэтов (ср. повесть «Предслава и Добрыня» К.Н. Батюшкова). В остальном стихотворение представляет собой романтическое описание погруженной в сон невинной красавицы с традиционной топикой: «В богатых кудрях распущенных // Лежат небрежные власы // И на ланитах округленных // Пылает свежий блеск красы»² и т. д.

Художественное осмысление древнерусской истории усложняется в стихотворении Розена «Развалины Десятинной церкви», которое он сочиняет в 1827 г., находясь какое-то время в Киеве³ (вероятно, с совершающим маневры полком, который недавно был переведен в Орловскую губернию). «Развалины Десятинной церкви» — написанный высоким слогом опыт Розена в жанре исторической элегии (ср. «На развалинах замка в Швеции» Батюшкова). Героя стихотворения, охваченного «грустно-сладким» восторгом, на «древних могилах» посещают видения прошлого:

Бесчисленные вдруг воспоминанья! Ум,
Заветным бременем склоненный
На прах родной и незабвенный,
Вздывается приливом жарких дум:
Ах! это прежних дней поток окровавленный!⁴

Художественное осмысление древнерусской истории усложняется в стихотворении Розена «Развалины Десятинной церкви», сочиненном в 1827 г. в Киеве, когда поэт имел возможность своими глазами увидеть «великолепные остатки» времен князя Владимира. «Развалины...» — написанный высоким слогом опыт в жанре исторической элегии. Героя стихотворения, охваченного «грустно-сладким» восторгом, на «древних могилах» посещают видения прошлого — «прежних дней поток окровавленный». Перед его мысленным взором проходят

¹ См.: *Летопись. Июнь 1826.*

² Розен Е.Ф. Спящая Передслава // Московский телеграф. 1826. Ч. 9. № 11. С. 112.

³ Розен Е.Ф. Развалины Десятинной церкви // Московский телеграф. 1828. Ч. 21. № 9. С. 74.

⁴ Там же. С. 71.

эпизоды начальной истории Руси: «варягов смерть, Владимир, чудный храм», крещение, междоусобия, нашествие Батыя и покорение Киева монголами в 1240 г. Картины осады Киева и обороны обреченного города, рисуемые исторической фантазией героя, наводят его на размышления о значении мирской славы, добываемой в бою. В заключительной части элегии перед ним является дух храброго киевского воеводы Дмитра, возносимый в небо «четою лучезарной» («То две бессмертные, родные две сестры: // То с Верой Слава...»), после чего герой заключает: «Что же долу // Внимал я древнему глаголу, // Что Слава дым? <...> // Ты, Слава, — Бога дочь! <...> У жизни отняла // Ты смерть, ее венком лавровым украшая!»¹

Можно отметить, что характер обращения к истории в раннем творчестве Розена во многом обусловлен жанровыми традициями. Если в байроническом отрывке «Святополк» поэта интересует внутренняя борьба «второго Каина», а в романтически-эпигонской «Спящей Передславе» — идеализированный облик прекрасной княжны, то в «Развалинах...» события древнерусской истории получают функциональное назначение — они призваны напомнить об ушедших в легендарное прошлое рыцарских временах. При этом воодушевление героя в финале элегии, как представляется, полемично по отношению к последним строкам жанрового образца — «Элегии, написанной на развалинах старого горного замка» Ф. Маттисона (которую Розен мог знать не только в вольном переложении Батюшкова, но и в оригинале). Ср. у немецкого поэта: «Hoheit, Ehre, Macht und Ruhm sind eitel!» («Величие, честь, власть и слава тщетны!»)².

В первых лирических опытах Розена, в которых он экспериментировал с жанровыми традициями, наметился интерес поэта к истории России, впоследствии ярко проявившийся в его поэмном творчестве и драматургии.

¹ Там же. С. 73.

² Matthisson F. Gedichte. Zürich, 1808. S. 43.

ГЛАВА 2. В МОСКВЕ И РЕВЕЛЕ (1828–1829)

2.1. «Московский телеграф» и «Московский вестник»

Как поэт Розен дебютировал в московской печати. Одно из первых его стихотворений, «Черкешенка Пушкина», как уже отмечалось, было опубликовано в 1825 г. в сентименталистском «Дамском журнале» П.И. Шаликова. Стихотворение соответствовало направлению журнала, являясь мелодраматической репликой на сюжет пушкинского «Кавказского пленника».

Другим московским журналом, оказавшимся гостеприимным к творчеству молодого поэта, был «Московский телеграф» Н.А. Полевого. С 1826 по 1828 г. в журнале было опубликовано девять стихотворений Розена («Дева гор», «Картина жизни», «Спящая Передслава», «Греческая героиня», «Тоска по юности», «К певцу Эды», «Мой идеал», «Развалины Десятинной церкви», «Видение Тасса»). Изредка бывая в редакции «Телеграфа» во время службы, Розен познакомился там с Е.А. Баратынским, И.В. Киреевским и др. По его поздним отзывам о «Московском телеграфе» и его издателе можно судить, что Полевой оказывал Розену некоторое покровительство в начале творческого пути¹.

Весной 1828 г. Розен вышел в отставку и временно поселился в Москве. Как вспоминал поэт в 1848 г., в московском обществе он нашел «столько прекрасного и привлекательного», что за десять лет не мог привыкнуть к Петербургу, а другие десять лет протосковал по Москве, «находясь с нею в тесном умственном сочетании, как тень Ахиллеса с Ифигениею»². По-видимому, к этому времени относится знакомство Розена с московскими любомудрами, группировавшимися вокруг журнала «Московский вестник»: В.Ф. Одоевским, М.П. Погодиным, С.П. Шевыревым и А.С. Хомяковым.

В «Московском вестнике» напечатано одно стихотворение Розена, «Лето жизни» — философско-аллегорическая элегия. Середина жизненного пути сравнивается в ней со знойным летним полднем:

Не луч животворящий света,

¹ Розен Е.Ф. Нечто о «Московском телеграфе» // Сын отечества. 1832. № 10. С. 166–174.

² Розен Е.Ф. Двойная жизнь. Очерк. Соч. К. Павловой // Сын отечества. 1848. № 5. Отд. 6. С. 17.

Но яд губительный огня
На всё лиет светило дня:
Так душно жизненное лето!¹

Полуденная природа сравнивается с «опаленным трупом» мифологической Семелы, погибшей в пламени Зевсовых молний. План материального проецируется на план духовного: герой стихотворения бредет по «зыбучему песку» в безбрежном «океане степи», изнемогая от зноя и одновременно с этим влача за собой «души заржавленные цепи». Страдание от жары описывается в прозаических подробностях:

И давит зной — и силы нет...
Паду на прах... и мутный свет
Плывет багряной тьмой во взоре...
Уста горят... тяжелый пот
С чела сожженного течет,
И воздух — огненное море!²

Завершается элегия обращением к Богу: герой молит уничтожить молнией оковы души и вдохнуть в него Благодать, чтобы прекратить «дремоту тяжкого бессилья».

Нельзя не выделить возможный пушкинский подтекст этой пьесы Розена — стихотворение «Пророк»: «Духовной жаждою томим, // В пустыне мрачной я влачился...»³ (Пушкин, 1948, с. 30). У Розена: «Я по зыбучему песку // В обширном океане степи, // Без чувств, без слез один влеку // Души заржавленные цепи»⁴. Но наиболее вероятным литературным источником стихотворения могли послужить хорошо знакомые Розену «Опыты священной поэзии» Ф.Н. Глинки, в частности «Вопль раскаяния» (мотивы зноя, падения в прах и образ заржавленных оков) и «Тоска». У Глинки в «Тоске»:

¹ Розен Е.Ф. Лето жизни // Московский вестник. 1827. № 24. С. 385.

² Там же.

³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1826–1836. Сказки. 1948. С. 30.

⁴ Розен Е.Ф. Лето жизни. С. 385.

От неба Твоего святого
Одной себе отрады жду!
В груди пожар; кругом тревоги;
Колючий терн изъел мне ноги!
Едва, болезненный, иду
В безвестный путь, чрез знойны степи;
И смутны дни за мной, как цепи!..¹

В кругу «Московского вестника» могли оценить стихотворение Розена, несмотря на то, что в нем поэт не избежал свойственной ему склонности к образному каламбуру: «На доли жаждающей земли // Туманы зноя возлегли», свет «плывет багряной тьмой». Тематически и на мотивном уровне элегия перекликается не только с поэзией Ф.Н. Глинки, но и с творчеством Любоумудров: это аллегорическая картина жизни («Веточка» Д.В. Веневитинова) с мотивами падения в прах и желания духовного возрождения («Сила духа» С.П. Шевырева). Наконец, редакторы «Московского вестника» могли заметить и мотивную перекличку с «Пророком», совсем недавно опубликованным в журнале.

Примечательно, что у этого стихотворения есть более поздняя редакция, которую Розен опубликовал в 1831 г. сразу в двух изданиях: «Гирлянде» М.А. Бестужева-Рюмина и «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» А.Ф. Воейкова, снабдив публикацию в «Гирлянде» комментарием о том, что пьеса печатается «в улучшенном виде» и с прибавлением последней строфы. Это редкий случай, когда мы, не обладая рукописями Розена, можем проследить на конкретном материале, как разворачивается его поэтическая мысль.

Сравним две редакции (курсивом мы выделили новые строки):

Лето жизни	Лето жизни
В полудне солнце — и горит	В полудне солнце — и горит
И мещет пламенные стрелы;	И мещет пламенные стрелы...
Природа блеклая лежит,	Природа блеклая лежит,

¹ Глинка Ф.Н. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1957. С. 160.

Как опаленный труп Семелы!
На доли жаждущей земли
Туманы зноя возлегли;
Не луч животворящий света,
Но яд губительный огня
На всё лиет светило дня:
Так душно жизненное лето!

Я по зыбучему песку
В обширном океане степи,
Без чувств, без слез один влеку
Души заржавленные цепи.
И давит зной — и силы нет...
Паду на прах... и мутный свет
Плывет багряной тьмой во взоре...
Уста горят... тяжелый пот
С чела сожженного течет,
И воздух — огненное море!

Я гибну... Жизнью мне повеи,
Повеи целительной прохладой,
Дыши средь горестных степей
Мироухающей отрадой,
Святая неба Благодать!
Ах, долго ль, долго ль мне страдать
В дремоте тяжкого бессилья...
Ты брызни пылью райских струй!
О Боже! Молнией раскуй

Как опаленный труп Семелы!
Потоки сякнут, и вдали
Туманы зноя возлегли!
В оцепенелом дремля горе
Пустыни дух поник челом,
И всё в унынии немом,
И воздух — огненное море!

Я по зыбучему песку,
Нагбенный тяжестию зноя,
Судьбы невольник, жизнь влеку.
Нет силы более... Я, ноя,
Упал во прах... Горячий вздох
Палит сей степи черствый мох;
В очах сомкнутых пурпур света
И жажда, словно пламя, — жжжет;
Потоком жарким льется пот —
Так душно жизненное лето!

Я гибну... Жизнью мне повеи,
О Благодать! Повеи прохладой!
Дыши средь горестных степей
Мироухающей отрадой!
Души несчастной не пытай!
Дыханьем бурь с нее сдувай
Дремоту тяжкого бессилья;
Ты брызни пылью райских струй,
О Боже! Молнией раскуй

Души закованные крылья!¹

Души закованные крылья!

*Раскуй, о Боже! Я взовьюсь
На высоту родного мира...
С орлиной жадностью упыюсь
Блестящим нектаром эфира –
И вспыхнет жизнь, вздымится
грудь;
Я устремлю на солнце путь
Шумящим летом воздух роя!
Я шире крылья разовью,
Крылами солнце обовью,
Затмлю его — не будет зноя!²*

Как видим, Розен убирает часть логических противоречий: заменяет «мутный свет», плывущий «багряной тьмой во взоре» на более удачное выражение «в очах сомкнутых пурпур света», а также указывает причину «туманов зноя» («потоки сякнут»). Одновременно с этими незначительными правками Розен перерабатывает все стихотворение. Вместо прежнего героя, скитающегося в середине жизни под полуденным солнцем, с которым отождествлял себя поэт, появляется отвергнутый небесами «пустыни дух», стремящийся вернуться «на высоту родного мира». В ультраромантической заключительной строфе он желает затмить своими крыльями солнце.

Несмотря на отдаленную переключку с «Желанием» Хомякова: «Хотел бы я разлиться в мире, // Хотел бы с солнцем в небе течь, // Звездой в сумрачном эфире // Ночной светильник свой зажечь»³, — вторая редакция элегии вряд ли удовлетворила бы участников «Московского вестника». Опыт аллегии о середине жизненного пути под пером Розена превратился в байроническую мечту демона,

¹ Розен Е.Ф. *Лето жизни* // *Московский вестник*. 1827. № 24. С. 385.

² Розен Е.Ф. *Лето жизни* // *Гирлянда*. 1831. Ч. 1. № 2. С. 46–47.

³ Хомяков А.С. *Стихотворения и драмы*. Л.: Сов. писатель, 1969. С. 72.

«пустынного духа». Не исключено, что первая редакция стихотворения была создана с учетом высказанных в кругу «Московского вестника» замечаний. В этом свете показательно, что более позднюю редакцию Розен считал «лучшей», сообщаясь с собственными эстетическими предпочтениями.

Много лет спустя, в 1848 г., во время полемики с Розеном С.П. Шевырев будет вспоминать «немецкий покров» его стихов и то, что «Московский вестник» «неохотно» принимал его материалы¹. Розен, забыв о «Лете жизни», утверждал, что в журнале не поместили ни одного его стихотворения: «За каждую редакцию признаю я право помещать что ей нравится, отклоняя все прочее, будь оно хорошо или дурно»², — и с опозданием опубликовали отосланную в редакцию повесть «Черная маска» (такой повести в «Московском вестнике» нет). Тем не менее, единственный факт публикации в журнале в 1827 г. не мешал Розену завести приятельские отношения с Шевыревым и познакомиться с другими авторами «Московского вестника».

В московский период жизни Розена вышел его дебютный сборник «Три стихотворения». Цезурное разрешение на него датируется 20 июня 1828 г., цензором был С.Т. Аксаков. В сборнике были напечатаны три романтические поэмы: «Марина», с подзаголовком «сельская повесть», «Ссылный» и «Ксения Годунова».

Благосклонную рецензию на сборник написал петербургский литератор О.М. Сомов. По вступлению к его статье можно судить о завязавшемся знакомстве (вероятно, через не дошедшую до нас переписку): «Барон Розен полюбил русский язык и словесность нашу уже в совершенных годах, во время служения своего в военной службе»³. Впоследствии Сомов называл себя «повивальной бабкой» Розена⁴ и, по-видимому, покровительствовал ему в Петербурге в 1829 г. По

¹ Шевырев С.П. Ответы // Москвитянин. 1848. № 4. Отд. критики. С. 109.

² <Розен Е.Ф.> Журнальные заметки. Письмо к «Москвитянину» от барона Розена // Сын отечества. 1848. № 7. Отд. 6. С. 24.

³ С. <О.М. Сомов> «Три стихотворения» барона Г. Розена // Северная пчела. 1829. № 36 (23 марта 1829). С. 1.

⁴ Вацуру В.Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина // Вацуру В.Э. Избранные труды. М., 2004. С. 136.

поводу розеновских «Трех стихотворений» автор рецензии замечал: «Отличительная черта всех его стихотворений есть обилие мыслей и поэтических вымыслов. В трех его стихотворениях, коих сочинитель из скромности не назвал повестями, находим: в 1-м, под заглавием “Марина”, — занимательные приключения одной бедной девушки и живое описание военного, гусарского быта; во 2-м, “Ссылный”, — трогательное возвращение из ссылки одного несчастного, который берет дорогою бедную сироту, привозит ее к себе в дом и воспитывает; в 3-м, “Ксения Годунова”, — страдания сей горестной жертвы бедствий, постигшей ее семейство; монастырское ее заключение и невольную, мучительную любовь ее к Дмитрию Самозванцу, вине всех ее бедствий»¹. «Поэзия чувства и занимательные, умиляющие положения некоторых действующих лиц, господствующие в сих трех стихотворениях, с избытком искупают в них простоту содержания»² — заключал Сомов.

В начале июля 1828 г. Розен собирался ехать в Ревель через Петербург, и Шевырев передал ему с оказией письма к петербургским сотрудникам «Московского вестника». 8 июля В.П. Титов из Петербурга писал о том, что «германорусский пиита» отдал ему письма Погодина и Шевырева, но не смог, как собирался, прийти на первую встречу с Пушкиным. На следующий день Розен уехал в Ревель — по-видимому, до середины февраля 1829 г.

Без сомнения, в Ревель барон отправился, прежде всего, по личным делам. Но вызывает интерес его активное участие в прибалтийской печати в эти полгода: он начинает сотрудничать в немецкоязычном журнале «Эстона» (“Esthona”), выходившем в Ревеле с 29 октября 1828 г. по 18 августа 1830 г. Редактор издания Франц Шлейхер привлек к своему начинанию большинство эстляндских литераторов. Одной из задач нового еженедельника объявлялось ознакомление публики «с образцами русской литературы посредством их переводов на немецкий язык, а также ознакомление с культурной жизнью России, отечественным театром и ис-

¹ С. <О.М. Сомов> «Три стихотворения» барона Г. Розена.

² Там же.

кусством»¹. Розен выступил в нем в качестве переводчика современной русской литературы. Серия переводов открывалась статьей «Нечто о характере поэзии Пушкина» И.В. Киреевского, которую Розен оценивал очень высоко, следом шли переводы стихотворений Пушкина «Буря» и «Пророк» (оба впервые опубликованы в «Московском вестнике» в 1827 и 1828 гг. соответственно) и перевод «Русской песни» («Пела, пела пташечка...») А.А. Дельвига². Можно предположить, что на родине Розен поддерживал связь со своими московскими приятелями и выполнял некое «задание», связанное с популяризацией русской литературы и журналов «Московский телеграф» и «Московский вестник» в частности. По крайней мере, очевидна связь Розена с Н.А. Полевым в это время. В примечании к одному из розеновских переводов Ф. Шлейхер писал: «Прославленный издатель “Московского телеграфа” г-н Николай Алексеевич Полевой дружески предложил нам вместе с достопочтенным переводчиком этой статьи помощь в достижении нашей цели, как и вообще покровительство в нашем начинании»³. В журнале Полевого также появилось свидетельство особого внимания к эстляндскому еженедельнику: «Желаем совершенного успеха почтенному издателю и предоставляем себе удовольствие поговорить подробнее об “Эстоне” с нашими читателями. Пора и должно сближаться нам с германскими нашими соотечественниками. Более 100 лет прошло, как мы благоденствуем под скипетром одного монарха, а всё как будто чужие»⁴.

Как отмечал исследователь русско-прибалтийских литературных связей С.Г. Исаков, розеновский перевод статьи Киреевского точен. Эта работа стала первой попыткой познакомить остзейского немецкого читателя с критическим осмыслением творчества Пушкина. Немаловажно, что за статьей в качестве примеров следовали недавно опубликованные пушкинские стихотворения («Пророк», «Буря»). Впрочем, поэтические переводы дались Розену труднее: в них нарушает-

¹ Исаков С. Г. Журналы «Esthona» (1828–1830) и «Der Refraktor» (1836–1837) как пропагандисты русской литературы // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 266. Тарту, 1971. С. 18.

² Там же. С. 28–30.

³ Там же. С. 21.

⁴ Московский телеграф. 1829. Ч. 25. № 1. С. 112–113.

ся схема рифмовки и ритмики оригинала, не учитываются особенности стиля¹.

Во время следующего длительного отъезда в Ревель (вторая половина апреля — вторая половина августа 1829 года) Розен, успевший сблизиться в Петербурге с пушкинским кругом и войти в кружок Дельвига, продолжает выступать в качестве пропагандиста русской литературы: в «Эстоне» вскоре печатаются сравнительно удачные переводы «Бахчисарайского фонтана» Пушкина, «Русской песни» («Соловей мой, соловей...») и «Романса» («Друзья, друзья, я Нестор между вами...») Дельвига, повести «Русалка» О.М. Сомова, опубликованных сцен из «Бориса Годунова» («Ночь. Келья в Чудовом монастыре», «Граница литовская»)². Не забывает Розен и о собственном творчестве: в журнале появляются прозаические переводы его поэм «Ссылный» (1828) и «Тайна» (1829) с подписью С. Jenny (вероятно, псевдоним Розена).

Переводы Розена были высоко оценены в русской печати. Так, О.М. Сомов в уже упомянутой рецензии «Северной пчелы» на книгу «Три стихотворения» сообщил: «Должно сказать, что произведения барона Розена на немецком языке весьма похваляются знатоками. Таковы его переводы некоторых стихотворений А.С. Пушкина и барона Дельвига, помещенные в весьма хорошем литературном еженедельнике “Эстона”»³.

¹ Исаков С.Г. Журналы «Esthona» (1828–1830) и «Der Refraktor» (1836–1837) как пропагандисты русской литературы. С. 29–30.

² Там же. С. 32.

³ С. <О.М. Сомов> «Три стихотворения» барона Г. Розена.

2.2. Исторические поэмы и баллады

Новый этап в творчестве Розена, основанном на сюжетах из истории России, ознаменовала поэма «Ксения Годунова», напечатанная в 1828 г. в составе дебютного сборника поэта «Три стихотворения»¹, составленного Розеном в период сближения с кругом «Московского вестника». Вероятно, ему уже были знакомы отрывки из «Бориса Годунова» Пушкина, напечатанные в «Московском вестнике» («Ночь. Келья в Чудовом монастыре») и «Северных цветах» на 1828 г. («Граница литовская»), которые могли послужить импульсом к сочинению поэмы из времен Лжедмитрия.

Предмет «отрывка» «Ксения Годунова» — судьба дочери царя, потерявшей родных, принужденной стать наложницей Лжедмитрия и заточенной в монастырь. По своей поэтике это романтическая поэма в байроническом духе, напоминающая о стихотворении «Святополк». В ее основании лежит свойственная жанру романтическая интрига². Отрепьев изображен искренне любящим Ксению: «Он мне сказал: “Я чудовским монахом // Отчаянно царевну полюбил, // И лишь твоих алкая лобызаний, // Отважился на страх мятежной брани”»³. Чувство дочери Годунова к самозванцу тоже далеко не однозначно: она признается, что испытывает «ужасную привязанность к тому, кто чистую невинность опозорил»⁴. Вместе с тем Розен предпринимает попытку изобразить страсти героев на широком фоне национальной истории — через личное восприятие героини он показывает начало Смуты. Центральная часть поэмы — драматический монолог Ксении, вспоминающей смерть отца, народный бунт и воцарение Отрепьева («Я помню все: в палате золотой // Родной отец исходит теплой кровью...»⁵); завершение — вещий сон царевны: она видит, как народ во главе с Шуйским убивает Петра Басманова и врывается в палаты Лжедмитрия, который пытается от них скрыться («Лжецарь в

¹ Розен Е.Ф. Ксения Годунова // Три стихотворения. М., 1828. С. 70–80.

² См.: Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин; Пушкин и западные литературы: Избранные труды. Л., 1978. С. 296–298.

³ Розен Е.Ф. Ксения Годунова. С. 76.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Там же. С. 73.

окно! Толпой стрельцов подъятый, // Уж полумертв, разбит, дышать не мог...»¹).

Итоговым опытом Розена в жанре романтической поэмы с историческим содержанием, завершающим его творческие искания 1820-х гг. и являющимся последней ступенью на его пути к исторической драматургии, стала большая драматическая поэма в трех частях «Рождение Иоанна Грозного».

Поэму Розен писал достаточно долго — в течение 1829–1830 гг., находясь в близком окружении А.А. Дельвига и участвуя в «Северных цветах» и «Литературной газете». Он черпал материал для нее, в основном, из «Истории государства Российского» (издание поэмы Розен сопроводил специальными примечаниями со ссылками на Карамзина и его источники), но пользовался, вероятно, и дополнительными сведениями. Он впервые обнаружил в этой поэме интерес к бытовым подробностям (первая часть отрывается сценой царской охоты, в третьей части изображается свадебный обряд), «экзотическим» историзмам времен Московской Руси («ловчий», «крайчий», «Столовая брусяная изба», «терлик», «атласная ферязь» и др.) и стилизованным под древность русским речениям («Судить, рядить он землю стал»², «Хоругвями ты добре правишь»³).

Как заметил еще Н.И. Надеждин в рецензии на поэму⁴, «Рождение...» представляет собой длинное предисловие к заявленной теме: появлению будущего царя на свет посвящены только заключительные строки. Основное действие трех частей составляют терзания Василия III по поводу бездетности в браке с Соломонией Сабуровой, ее постриг в Рождественском монастыре⁵, женитьба великого князя на Елене Глинской и рождение у нее, в течение трех лет после свадьбы с Василием не имевшей детей, сына, по пророчеству юродивого Домитиана, «Тита, широкого ума» (будущего Ивана Грозного)⁶. В разработке сюжета, описаниях и даже в передаче слов действующих лиц Розен показывает

¹ Там же. С. 80

² Розен Е.Ф. Рождение Иоанна Грозного. СПб., 1830. С. 68.

³ Там же. С. 54.

⁴ <Надеждин Н. И.> Рождение Иоанна Грозного. Поэма в трех частях. Сочинение барона Розена // Телескоп. 1831. Т. 1. Ч. 1. С. 120–121.

⁵ См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 7. СПб., 1819. С. 136–138.

⁶ Там же. С. 157–158.

сильную зависимость от Карамзина¹, но добавляет к исторической фабуле мистическую кульминацию и утяжеляет поэму морализмом. Во второй, центральной части поэмы ключевую роль играет вымышленный персонаж — потерявший родину псковитянин «из посадничих детей», повстречавшийся Соломонии на пути в Троице-Сергиеву лавру, где она надеялась вымолить сына. Горько сожалея об утраченной Псковом независимости («И тебя постигла злая // Новагорода судьба: // Ольги родина святая, // Ты — московская раба!»)², изгнанник объясняет опальной жене великого князя, что ее бездетность вызвана тремя политическими грехами Василия III («многокрылого орла»): смертью племянника Дмитрия Ивановича, претендовавшего на престол, заточением в темницу «последнего князя удельного» Василия Шемякина и покорением вольного города, присягнувшего в верности великим князьям. Псковитянин объявляет, что его соотечественники «клятвопреступного царя суду небесному предали». Соломония умоляет простить Василия и «снять заклятие». Она предполагает, что «темные деяния» московского правителя — «три грустных жертвы небесам для благ людей»³. В итоге псковитянин, сжалившись над княгиней, вместе с ней отправляется в лавру на молебен: «Прощаю все! С моим царем // Иду пред Богом примириться!»⁴.

Розен, уделивший «Рождению Иоанна Грозного» много времени и труда, по-видимому, оценивал свою поэму очень высоко и оттого столь болезненно воспринял строгий наставнический отзыв Дельвига о ней⁵. Дельвиг осуждал отсутствие естественной логики в развитии сюжета, а также отягощенность поэмы лишними эпизодами (в частности, идеологически нагруженным явлением псковитянина, мистически снимающего «заклятие» своих соотечественников).

Примечательно, что большой отрывок из поэмы с явлением псковитянина

¹ См. об этом, в частности: Жбанкова М.С. Иван Грозный в оценке Н.М. Карамзина и русских писателей 30-х гг. XIX века // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. №1 (78). С. 119.

² Розен Е.Ф. Рождение Иоанна Грозного. С. 36.

³ Там же. С. 47.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ См.: *Летопись. Ноябрь 1830.*

(одна из ключевых для Розена сцен в поэме) был напечатан автором в альманахе «Царское Село», вышедшем в январе 1830 г., почти за год до полного издания «Рождения Иоанна Грозного» (вместе с отрывком «Рынды»). С публикацией этого отрывка связан любопытный цензурный эпизод. К.С. Сербинович, цензурировавший в декабре 1829 г. материалы для «Царского Села», не осмелился от своего имени дать разрешение «Псковитянину», усмотрев в нем опасный политический подтекст, и отправил его на дальнейшее рассмотрение в Петербургский цензурный комитет. Комитет советовал не печатать эти стихи, объясняя свое решение тем, что в отрывке «описывается чувство глубокого негодования псковитянина против царя московского, лишившего сограждан его политической свободы»¹. Цензоры сознавали, что события, о которых рассказывает псковитянин, описаны Розеном в строгом соответствии с «Историей» Карамзина² и не являются для читающей публики секретом, но делали по этому поводу следующую оговорку: «Произведения изящной словесности требуют, может быть, большей строгости, нежели история, изображающая деяния людей, как они были»³. Не придя к твердому заключению, комитет передал дело в следующую инстанцию — Главное управление цензуры. Там с доводами комитета не согласились, и разрешение на печатание было дано без каких-либо дальнейших разбирательств.

В полном издании поэмы, чтобы смягчить катастрофичность известия о рождении будущего тирана («страшного ангела-истребителя» по пророчеству, но вместе с тем законного наследника престола) и не допустить нежелательных трактовок, Розен добавил к поэме небольшой эпилог, проясняющий его взгляды на историю России. Казни Ивана IV и темные времена Смуты поэт представил как «очистительную жертву» России, необходимую для искупления перед Богом грехов Василия III, а избрание на престол Михаила Романова и утверждение новой династии — как восход солнца, «обетованную зарю» после беспросветной ночи:

¹ <Стасов В.В.> Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1901, № 9. С. 646–647.

² См. многочисленные примечания Розена к речи псковитянина со ссылками на «Историю государства Российского» в издании поэмы: Розен Е.Ф. Рождение Иоанна Грозного. С. 104–106.

³ <Стасов В.В.> Цензура в царствование императора Николая I. С. 647.

Он отшумел свой бурный век,
Сей *Грозный*, страшный человек!
Довольно родина казнилась
За преступление царя!
По долговечной тьме явилась
Обетованная заря...
Как солнца вешние, вставали
Благословенные цари¹ –
И благ народных алтари
Небесным светом озаряли!
Счастливой юностью горя
Россия красная сияет —
Ее Господь благославляет
За добродетели *царя*².

В поэме Розен транслировал навеянную чтением «Истории государства Российского» идею о том, что личные преступления и пороки правителя, заслуживающие нравственного осуждения историка и потомков, не следует распространять на освященный Богом царский сан как таковой. Можно сказать, что для Розена, вслед за Карамзиным, «история России есть история ее династий, история самого монархического начала»³. Характерно, что трижды употребленное в 14-ти строках эпилога слово «царь» всякий раз соотносится с разными референтами: сначала это Василий III, потом представители династии Романовых, включая Петра I, и наконец, царствующий император Николай I. Одновременно с этим для Розена актуально в эпилоге и само понятие «царь» как правитель России. Это акцентируется синтаксическим параллелизмом, «закольцовывающим» фрагмент, обозревающий путь России от времен царствования Грозного к современности:

Довольно родина казнилась

¹ Ср. в «Жизни за царя»: «Все горе отошло // Как солнышко взошло <...> // Кто солнышком блестит? // Михаил Федорович!» (Розен Е.Ф. Жизнь за царя. СПб., 1836. С. 2).

² Розен Е.Ф. Рождение Иоанна Грозного. С. 99.

³ Койре А. Философия и национальная проблема в России начала XIX века. М., 2003. С. 19.

За преступление царя!

.....

Как солнца вешние, вставали

Благословенные цари.

.....

Россия красная сияет –

Ее Господь благословляет

За добродетели *царя*¹.

Старую Россию Василия III и Ивана Грозного Розен противопоставлял новой имперской России, подчеркивая вместе с тем непрерывность и незыблемость царской власти во все времена. Меняются на престоле монархи, имеющие свои пороки и добродетели (при этом царствующая династия, разумеется, наделяется в эпилоге только добродетелями), но народ с покорностью принимает поставленную свыше власть, а царь как лицо, облеченное властью от Бога, несет за свои грехи и благие дела ответственность только перед Богом. Эту ответственность разделяет с монархом вверенная ему Россия: «за преступление царя» казнится, за «добродетели царя» благословляется.

Эту же мысль Розен развивает в исторической балладе «Князя Горбатые-Шуйские» (1832) с подзаголовком «Быль времен Иоанна Грозного». В балладе с опорой на «Историю государства Российского» описывается утверждение Иваном IV опричнины:

Тая подозренья и злобное горе,
Покинул столицу взволнованный царь
Бежать замышляет за синее море;
Москва бьет челом: «Воротись, государь!
Народ без тебя, как без пастыря стадо!
Помилуй народ, воротись и спаси!
Казни, кого хочешь, кого тебе надо —
Да будет лишь воля твоя на Руси!»

¹ Розен Е.Ф. Рождение Иоанна Грозного. С. 99.

И царь воротился — но в образе новом:
Он старец безвласый, он бледен и хил!
Давно ли был молод? Он в гневе суровом
Очами безмолвных бояр обводил:
«Мне ведомы тайные ваши затеи,
Строптивное племя, Адашева дух!
Опричнине быть, да трепещут злодеи!
Мне надо бы верных и ревностных слуг!»
Опричнина вдруг занеслась сааранчою —
Шесть тысяч мучителей вкруг одного
Столпились, сгустились *кромешною тьмою*,
И Русь уж не видит царя своего.
На *Земщину* взводят они небылицы,
На честных бесстыдно клеветает навет;
Страшилища-метлы и псы-кровопийцы
Метут и грызут — и спасения нет¹.

Центральная сцена баллады — казнь в 1565 г. последних князей из рода Горбатов-Шуйских: Александра Борисовича и Петра Александровича:

Тревога в народе; ударили в бубны;
Кромешники буйные вопят: *гойда!*
Сбежался весь город на пир душегубный —
Горбатые-Шуйские, вам череда!
Уже ли святой Всеволодовой кровью
Топор неправдивый сейчас оболют?
Вот, об руку, с миром, с мольбой и любовью
Родитель и сын на закланье идут!²

Этот эпизод описывается у Карамзина следующим образом: «Начались казни мнимых изменников, которые будто бы вместе с Курбским умышляли на жизнь

¹ Розен Е.Ф. Князья Горбатые-Шуйские // Альциона. СПб., 1833. С. 57–58.

² Там же. С. 58.

Иоанна, покойной царицы Анастасии и детей его. Первою жертвою был славный воевода, князь Александр Борисович Горбатый-Шуйский, потомок св. Владимира, Всеволода Великого и древних князей суздальских, знаменитый участник в завоевании Казанского царства, муж *ума глубокого*, искусный в делах ратных, ревностный друг отечества и христианин. Ему надлежало умереть вместе с сыном Петром, семнадцатилетним юношею. Оба шли к месту казни без страха, спокойно, держа друг друга за руку. Сын не хотел видеть казни отца и первый склонил под меч свою голову; родитель отвел его от плахи, сказав с умилением: “Да не зрю тебя мертвого!” Юноша уступил ему первенство, взял отсеченную голову отца, поцеловал ее, взглянул на небо и с лицом веселым отдал себя в руки палача»¹.

На основе этого фрагмента Розен создает драматический диалог перед плахой безвинных отца и сына, умирающих, не противясь царской воле. Сцена прощания князей Горбатов-Шуйских позволяет Розену в заключении баллады сравнить Россию, терпевшую испытания времен опричнины, с библейским праведником Иовом, непоколебимым в вере:

Давно миновались кровавые страсти!
Как Иов, безропотный, край наш родной
Был верен поставленной Господом власти —
И Бог осенил его отчей рукой...
И Русь, в испытании тяжком и строгом
Недаром священную кровь проливя,
Любима царем, возвеличена Богом,
Сподобилась первенства в лике держав!²

По Розену, страдания и лишения времен собирания единого государства «четой грозных Иоаннов» при безропотной верности народа царю и Провидению, явились «очистительной жертвой» России, были оправданы, и Россия в конечном итоге была вознаграждена за это нынешним имперским величием.

Сохранилось свидетельство самого автора, что Пушкин в беседах с ним

¹ Карамзин Н.И. История государства Российского. Т. 9. СПб., 1821. С. 82.

² Розен Е.Ф. Князья Горбаты-Шуйские. С. 62.

осуждал эту балладу. В 1833 г. Розен сообщал С.П. Шевыреву, присылая экземпляр «Альционы»: «...Я с ним ссорился за “Князей Горбатых-Шуйских”»: он отдает преимущество пред ними моим “Трем символам”, говоря, что я живо напоминаю Шиллера, не будучи подражателем, и что сия пьеса есть венец в этом роде»¹. Там же Розен замечал, что Пушкин выделял у него те сочинения, «которые писаны не в его духе». На основании письма можно только гадать, что именно не понравилось великому поэту в пьесе издателя «Альционы» — затянутый мелодрамматизм (отец с сыном спорят у плахи, кому первым положить на нее голову), основная идея или упомянутая Розеном «подражательность», — но любопытно, что в финале розеновской баллады Пушкин, как представляется, мог услышать отдаленное эхо собственных строк, в новом контексте зазвучавшее едва ли не пародийно. Речь идет о знаменитой строфе из поэмы «Полтава» (курсив наш — Н. К.):

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок нежданный и кровавый
Задал ей шведский паладин.
*Но в искушеньях долгой кары
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат*².

Если у Пушкина, чуждого метафизических построений, историческое возвышение российского государства предельно конкретно связывается с преобразующим гением Петра Великого, «возмужанием» в годы Северной войны, активным началом («в бореньях силы напрягая»), стойкостью народа перед лицом

¹ Из бумаг Степана Петровича Шевырева // Русский архив. 1878. № 5. С. 48.

² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 5. Поэмы, 1825–1833. 1948. С. 23.

внешних испытаний («перетерпев судеб удары») и единством его устремлений с правителем, то в трактовке Розена акцентируются пассивность и долготерпение подданных, смирение перед волей высшей власти, неочевидным мистическим образом приводящие к возвышению России. Не исключено, что вызывающая переключка фрагментов и искусственность розеновских построений вызвали живое возражение Пушкина.

В историософских воззрениях Розена ярко проявилось моралистическое понимание истории: грех заслуживает нравственного осуждения христианина и неминуемо влечет за собой воздаяние, даже если это грех правителя, обусловленный политическими интересами и представлениями о «благе». Монарх, облеченный властью от Бога, отвечает перед Богом вместе со своим народом и вверенной ему страной как за свои благочестивые дела, так и за преступления. Исторические события соотносятся с вневременным, надысторическим: Провидение через поступки людей направляет историческое движение в соответствии с таинственным высшим замыслом, смирение и терпение народа перед лицом испытаний обязательно вознаграждается Богом. В связи с этим особое значение в осмыслении прошлого у Розена приобретают мотивы «династического греха» и «очистительной жертвы».

На материале творчества Розена 1820-х гг. можно проследить, как от условного национально-исторического колорита ранних романтических стихов («Святополк», «Спящая Передслава») и байронических поэм («Ксения Годунова», отчасти «Рождение Иоанна Грозного») поэт в 1820-е гг. переходит к собственно исторической проблематике, транслируя существующие историософские концепции и собственные взгляды на историю России. В поэме «Рождение Иоанна Грозного», в отличие от ранних сочинений Розена, заметно его внимание к историческим вещественным деталям, характерам, придворному быту московских царей (на основании доступных ему документальных свидетельств), изображению народа. Все это позволяет говорить о возможности частичного применения к его творчеству конца 1820-х — начала 1830-х гг. категорий «историзма» и «народности», актуальных для его эпохи. Эволюция в этом направлении — несомненно, под силь-

ным воздействием пушкинского «Бориса Годунова»¹ — в начале 1830-х гг. приведет Розена к созданию первого опыта исторической драмы («Россия и Баторий», над которой поэт начинает работать, по-видимому, в конце 1831 — начале 1832 г.). Впоследствии Розен в своем творчестве сконцентрируется на исторической драматургии преимущественно, считая ее своим главным призванием.

¹ См.: Киселева Л.Н. Эстляндец барон Е.Ф. Розен — борец за русскую народность // Киселева Л.Н. Эстонско-русское культурное пространство. М., 2018. С. 216–218.

ГЛАВА 3. В ПЕТЕРБУРГЕ (1830–1839)

3.1. Дельвиг, дельвиговский кружок, «Альциона»

В промежутке между двумя поездками в Ревель (предположительно, после 9 июля 1828 — до 24 февраля 1829 г. и вторая половина апреля — не позднее 21 августа 1829 г.) Розен успевает познакомиться с А.С. Пушкиным и войти в круг А.А. Дельвига. Заочно Розена-поэта в пушкинском кругу узнали годом ранее: в «Северных цветах» на 1828 г. было напечатано его стихотворение «Тайна розы».

Личное знакомство Розена с Пушкиным состоялось в гостинице Демута, по-видимому, между 24 и 27 февраля 1829 г. при посредничестве С.П. Шевырева, находившегося в это время в Петербурге перед отъездом за границу. По свидетельству Розена, Пушкин попросил его о продолжении знакомства и пригласил на воскресный вечер у Дельвига¹ (вероятно, состоявшийся 3 марта). На первом же вечере Розен читал свои стихи, часть из которых вскоре была напечатана Сомовым в альманахе «Подснежник» («Ангел смерти», «Прощальная слеза», «Венценосной страдалице»). Сохранилось воспоминание, как Пушкин декламировал строку из стихотворения «Венценосной страдалице», передразнивая голос и остзейский выговор Розена².

«С Дельвигом я сблизился очень скоро», — писал впоследствии Розен. Поэт сразу был принят в круг молодых литераторов, группировавшихся вокруг Дельвига, регулярно посещавших его воскресные собрания и печатавшихся в «Северных цветах», а затем и в «Литературной газете». В.Э. Вацура называл эту группу поэтов «младшим дельвиговским кружком». Помимо Розена, в него входили: А.И. Подолинский, Н.М. Коншин, В.Н. Щастный, А.П. Крюков, А.Я. Корсак, М.Д. Деларю.

О литературных собраниях у Дельвига оставила воспоминание А.П. Керн: «В эту зиму Пушкин часто бывал по вечерам у Дельвига, где собирались два раза в неделю лицейские товарищи его: Лангер, князь Эристов, Яковлев, Комовский и

¹ Розен Е.Ф. Из статьи «Ссылка на мертвых» // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1974. С. 273–274.

² Керн А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989. С. 46.

Илличевский. Кроме этих, приходили на вечера Подолинский, Щастный, молодые поэты, которых выслушивал и благословлял Дельвиг, как патриарх. Иногда также являлся Сергей Голицын и Михаил Иванович Глинка, гений музыки, добрый и любезный человек, как и свойственно гениальному существу»¹. Посещал эти вечера и Адам Мицкевич², по воспоминаниям Розена, вместе с Дельвигом уговоривший Пушкина исключить из «Бориса Годунова» сцену «Ограда монастырская» как «ослабляющую впечатление» от рассказа Пимена³.

В письме к Ф.Н. Глинке от 21 августа 1829 г. Розен сообщал: «В короткое время я имел честь познакомиться с Пушкиным, Дельвигом, Сомовым, и недавно с Жуковским. Одобрение сих достойнейших людей, совокупно с Вашим благосклонным отзывом о трудах моих, сторишно воздает музе моей за равнодушие к ней публики»⁴. С 1829 г. Розен — постоянный участник «Северных цветов».

В том же 1829 г. Розен совместно с Н.М. Коншиным занялся изданием нового альманаха — «Царское Село». Альманах был украшен портретом А.А. Дельвига и имел непосредственную связь с «Северными цветами». Как отмечал В.Э. Вацуру, «Сомов и Дельвиг, по-видимому, прямо участвовали в его составлении»⁵. В период сбора материалов для альманаха Розен жил вместе с Коншиным в Царском Селе, где Коншин служил в канцелярии дворцового управляющего генерала Я.В. Захаржевского⁶.

В альманахе Розен поместил повесть «Розалия», несколько стихотворений: «Весталка», «Мертвая красавица», «А.Н. Дьяконову», «Прелестной москвитянке», «Аделина», «Не унывай», «Спальня», «Борьба», «Примирение» — и два отрывка

¹ Там же. С. 44–45.

² Вацуру В.Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина // Вацуру В.Э. Избранные труды. М., 2004. С. 124.

³ Мнение барона Е.Ф. Розена о драме А.С. Пушкина «Борис Годунов» // Пушкин в прижизненной критике: 1831–1833. СПб., 2003. С. 268.; см. также: Ивинский Д.П. Сцена «Ограда монастырская»: Пушкин, Мицкевич, Дельвиг, Розен // Пушкин: Москва: 1826: Альбом по материалам выставки в Государственном музее А.С. Пушкина: Август — декабрь 2006. С. 248.

⁴ Письма барона Розена Егора Федоровича к Глинке Федору Николаевичу // РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 382. Л. 1 об.

⁵ Вацуру В.Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. С. 137.

⁶ Письма барона Розена Егора Федоровича к Глинке Федору Николаевичу // РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 382. Л. 2–3.

из готовящейся исторической поэмы «Рождение Иоанна Грозного»: «Рынды» и «Псковитянин».

Среди стихотворений, присланных для публикации в альманахе, обращает на себя внимание послание «К другу», подписанное «Д-в», с указанием места написания: «Влжск», то есть Вольск. Поэт сетует в нем на утрату вдохновения: «Иссяк поэзии елей» «Не оживу для песен я — // Напрасны дружества усилья...»¹. Под тем же криптонимом «Д-в» и с подписью «Влжск» напечатано и другое стихотворение — «Гений-утешитель». Вероятно, автор стихотворений — тот самый А.Н. Дьяконов, к которому обращается Розен в дружеском послании, опубликованном в альманахе.

Из розеновских пьес в «Царском Селе» наиболее примечательно стихотворение «Борьба» — вклад в наполеоновскую тему в русской поэзии. Встреча русских войск с императором французов в 1812 г. подается в традиционной одической топике: Наполеон — «титанов грозный сын», «в горящих латах исполин»:

Перун в деснице; бранной славы
На нем цветет венок кровавый,
И всюду рабство, смерть и страх —
И разрушенья дым и прах².

Россия — «орел двуглавый»:

Непобедим людей каратель,
Но день возмездия грядет...
Уже орел-громометатель
Кругами по небу плывет.
Ты дремлешь, мир! Отверзи вежды:
Лучом божественной надежды
Горит громовая стрела
В когтях двуглавого орла³.

Упоминается в стихотворении и знаменитая «комета 1812 года»:

¹ Д-в. К другу // Царское село. СПб., 1829. С. 306.

² Розен Е.Ф. Борьба // Царское село. СПб., 1829. С. 237.

³ Там же. С. 238.

В великом ужасе народы
С небес низводят очеса:
Там огневласою кометой –
Грядущих, новых бед приметой –
Его звезда зажглась...¹

В аллегорической форме описываются победы над Наполеоном. От ударов орла «непобедимый пал», но:

...Вспрынул вновь — он жаждет боя!
Орел низвергнулся скалой,
С высот величья сбил героя
И взвился на небо стрелой².

Часть стихотворений Розена на мотивно-образном уровне предвосхищает эпигонскую романтическую поэзию 1830-х гг. В стихотворениях «Мертвая красавица» и «Спальня» эротические мотивы причудливо сочетаются с религиозным восторгом. В «Аделине» представлен мотив безумия — девушка, потерявшая жениха, павшего в боях на Дунае, теряет рассудок. Анакреонтические мотивы звучат в стихотворении «Не унывай». Образы из пьесы «Прелестной москвитянке» заставляют вспомнить рискованную образность В.Г. Бенедиктова: «Твои глаза казались небом рая, // И мысли там, как ангелы, вились!»³

Осенью 1830 г. Розен и Коншин собирали материал для нового «Царского Села»: в сентябре Розен благодарил Ф.Н. Глинку за лестный отзыв о «Царском Селе» на 1830 г. и просил поэта «не оставить нас своею прозой и поэзией для нашего альманаха, издаваемого на будущий год»⁴. Однако приближение 1831 г. ознаменовалось для Розена прекращением его литературных и дружеских связей с Дельвигом и Коншиным. «После очень близких отношений»⁵ наступил разрыв,

¹ Там же. С. 237.

² Там же. С. 238.

³ Розен Е.Ф. Прелестной москвитянке // Царское село. СПб., 1829. С. 137.

⁴ Письма барона Розена Егора Федоровича к Глинке Федору Николаевичу. Л. 5.

⁵ Дельвиг А.И. Полвека русской жизни. М.–Л., 1930. Т. 1. С. 55.

который произошел в самом конце октября или начале ноября¹ 1830 г.

Главной причиной разрыва послужил критический отзыв Дельвига на драматическую поэму Розена «Рождение Иоанна Грозного» (цензурное разрешение — 20 октября 1830 г.), сначала высказанный, по-видимому, в частной беседе, а затем повторенный в печати. «В поэме барона Розена фантазия и машины холодного соображения взяли верх над чувствами и тем испортили все дело, — писал Дельвиг 2 декабря в рецензии «Литературной газеты». — Соломония историческая так занимательна, неплодие ее и неверность супруга так естественны, что не нужно было выдумывать никаких заклятий и разрешений какого-то псковитянина, не надо было выставлять на сцену отвратительного Шигоны и соблазнов Елены Глинской. <...> Молодые художники! — заключал Дельвиг. — Списывайте более с природы и не спешите писать на память, наугад»². Дельвиг справедливо усматривал в романтической поэме Розена неестественность фабулы и излишний мистицизм, противоречащие эстетическим установкам пушкинского круга. Суровая критика целила в любимый Розеном эпизод — явление псковитянина, — который он считал едва ли не самым важным во всей поэме.

В.Э. Вацуру отмечал: «Дельвиг был сторонником конструктивной, “научающей” критики. Когда дело касалось молодых поэтов и их первых произведений, его суд был обычно мягок, но всегда нелюбезен, как вспоминал Н.М. Коншин»³. Разумеется, самолюбивым начинающим литераторам такая критика казалась неуместной. На полгода раньше Розена дельвиговский кружок покинул двадцатитрехлетний Андрей Иванович Подолинский — после резкого отзыва Дельвига на его поэму «Нищий» в «Литературной газете» от 1 апреля 1830 года⁴.

Охлаждение Розена к пушкинскому кругу объяснялось еще и тем, что при

¹ Еще в конце октября 1830 г. А.А. Дельвиг писал М.Д. Деларю: «Барон Розен у меня бывает всякий день». См.: *Летопись. Октябрь, конец, 1830*.

² <Дельвиг А.А.> «Безумная», русская повесть в стихах, сочинение Ивана Козлова. «Рождение Иоанна Грозного», поэма в трех частях, сочинение барона Розена // *Литературная газета*. 1830, № 68 (2 декабря). С. 262.

³ Вацуру В.Э. Антон Дельвиг — литератор // *Избранные труды*. М., 2004. С. 669.

⁴ См. об этом: Вацуру В.Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина // *Избранные труды*. М., 2004. С. 155–156.

подготовке собственного альманаха барон рассчитывал поместить в него «лучшее» из припасенного для «Северных цветов», но получил отказ¹. 24 ноября 1830 г. он писал Подолинскому: «И я в разладе с нашими литературными аристократами — что делать!»²

В итоге в «Северных цветах» на 1831 год Розен участия не принял. Он также перестал сотрудничать в «Литературной газете»: в № 59 от 18 октября 1830 г. было напечатано его стихотворение «Гелиос», после чего голос барона в газете умолкнул на полгода.

Уходом из «младшего дельвиговского кружка» можно объяснить тот факт, что в декабре 1830 года Розен подал в Цензурный комитет прошение о перемене названия своего альманаха, уже подготовленного к изданию (цензурное разрешение — 17 октября 1830 г.): вместо «Царское село» — «Альциона»³. Переименовая второе «Царское Село» в «Альциону», барон Розен отказывался от складывавшейся традиции и подчеркивал свою издательскую независимость.

«Альциона» вышла из печати в самом начале января 1831 г. (первая рецензия на альманах — 5 января в «Северной пчеле»). В новом альманахе нет ни Дельвига, ни Сомова, но в нем появилась статья Греча, литературные «четверги» которого Розен начал посещать. В целом же по составу авторов альманах сохранил близость к «Северным цветам», что отметил В.Э. Вацуро: в нем помещены произведения Е.А. Баратынского, Ф.Н. Глинки, В.И. Туманского, Трилунного (Д.Ю. Струйского), М.Д. Деларю и других. О том, что Розен продолжал воспринимать свой альманах как спутник «Северных цветов» свидетельствует его замечание в письме к Ф.Н. Глинке: «Я постараюсь доставить к Вам Альциону через Смирдина и попрошу Вас дать ей местечко подле “Северных цветов” в Вашей библиотеке»⁴

11 января «Литературная газета» в лице О.М. Сомова откликнулась на из-

¹ См.: *Летопись. 24 декабря 1830.*

² Письма Розена Е.Ф. к Подолинскому А.И. // ОР РГБ. Ф. 232. К. 3. № 32. Л. 1 об.

³ Егоркин А.И., Шляпкин И.А. Литературные дела архива Цензурного комитета // Пушкин и его современники. Вып. 29–30. Пг., 1918. С. 125.

⁴ Письма барона Розена Егора Федоровича к Глинке Федору Николаевичу. Л. 7.

дание «Альционы» сдержанной рецензией, значительную часть которой составила критика повести Розена «Константин Левен». Сомов писал: «Французов часто упрекают за односторонность в изображении характеров чуженародных: писатели немецкие (которых дух отсвечивается во всех произведениях барона Розена) не только не изъяты от сего недостатка, но многие как будто бы заключили весь мир в германской сфере. <...> Заметим еще в слоге барона Розена пристрастие к некоторым словам, охоту блистать новостью выражения и даже составлять такие речения, которые не клеятся в русской прозе, особливо разговорной»¹.

Дельвиг к этому моменту уже был болен. Он страдал от жестокой «гнилой горячки», последовавшей за роковой для него простудой. 12 января он впал в беспамятство; вечером 14 января скончался.

Стихотворения Розена тем временем появлялись в различных альманахах на 1831 г. («Эвтерпа», «Венера», «Роза граций»)². Оставив «Северные цветы» и «Литературную газету», Розен закономерно искал возможности сотрудничать в новых изданиях и расширял связи в альманашных и журнальных кругах Петербурга. В 1831 г. он начал публиковаться в только что организованных изданиях: журнале «Санкт-Петербургский вестник» Е.В. Аладьина и в газете «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”» А.Ф. Воейкова.

В марте 1831 г. Розен печатался даже у идеологического противника пушкинского круга, М.А. Бестужева-Рюмина, в его журнале «Гирлянда», а в последние месяцы 1831 г. — в газете «Северный Меркурий». Годом ранее этот маневр уже проделывал А.И. Подолинский, не только помещавший в газете стихи, но и участвовавший — пусть даже невольно, как объект — в выпадах Бестужева-Рюмина в сторону «литературной аристократии»: издатель «Северного Меркурия» крайне благожелательно рецензировал поэму Подолинского «Нищий» и стремился выдвинуть молодого поэта в качестве соперника Пушкину³. Сам Подо-

¹ <Сомов О.М.> «Альциона», альманах на 1831 год, издан бароном Розеном // Литературная газета. 1831, № 3 (11 января). С. 25.

² Остафьевский архив князей Вяземских. Т. III (Примечания). СПб., 1908. С. 662.

³ Вацуро В.Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. С. 155; см. также: Вацуро В.Э. Бестужев-Рюмин Михаил Алексеевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. М., 1992. С. 261–262.

линский в 1830 г., порвав с Дельвигом, написал едкую эпиграмму на «Литературную газету»:

Не для большого ты числа,
А ради дружбы выходила;
Где колыбель твоя была,
Там и могила¹.

Розен подобных эпиграмм не писал. Примечательно, что он, отойдя от пушкинского круга, в процитированном нами ранее письме к Подолинскому употребил столь характерное выражение журнальной полемики 1830-х гг.: «литературные аристократы». Отсюда видно, что барон не отождествлял себя с «аристократами» прямо, но не вкладывал в это название негативного смысла. В 1833 г. в письме к М.П. Погодину он употребит это выражение по отношению к С.П. Шевыреву, И.В. Киреевскому и самому адресату: «Меня душевно радует доброжелательное к “Альционе” внимание московских литераторов-аристократов»².

В отличие от демарша Подолинского, сотрудничество Розена в изданиях Бестужева-Рюмина носило характер второстепенный и необязательный. В «Гирлянде» он поместил только одно стихотворение, «Лето жизни», которое, как мы уже отмечали, представляло собой переработку ранее опубликованного в «Московском вестнике» стихотворения с тем же названием³.

В «Северном Меркурии», издававшемся крайне неисправно, отчего в 1831 г., например, мартовские номера выходили из печати в октябре, было опубликовано всего два стихотворения Розена. Первое в октябре в № 30–31 («К N* при посылке “Альционы”»), метившее, по-видимому, в Н.А. Полевого, критиковавшего альманах Розена «Альциона» на 1831 год:

...Меня за «Левена» винят,

¹ Подолинский А.И. К «Литературной газете» б<арона> Д<ельвига> // Поэты 1820–1830-х годов / Биогр. справки, сост., подг. текста и примеч. В.С. Киселева-Сергенина. Общ. ред. Л.Я. Гинзбург. Т. 2 Л., 1972. С. 294.

² Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891. С. 155.

³ Розен Е.Ф. Лето жизни // Гирлянда. 1831. Ч. 1. № 2 (ц. р. 14 марта). С. 46–47.

За Баратынского бранят
Санкт-петербургские Сусанны;
И сам журнальный мой патрон,
Моим поступком оскорблен,
Мне нашептал упрек неожиданный!¹

Второе в № 51 в самом конце года («Картина: La toilette»²). Более того, последнее стихотворение вместе с отрывком «Бродячий огонь» из «Малороссийских былей и небылиц» Порфирия Байского (О.М. Сомова) было перепечатано Бестужевым-Рюминым из изданного Розеном альманаха на следующий год, в чем признавался сам издатель газеты: «Сей отрывок из “Малороссийских былей и небылиц” (издание коих готовится автором в полном собрании) и следующее за ним стихотворение барона Розена, заимствованы из “Альционы”, альманаха на 1832 г., изданного сим последним. В одном из первых номеров “Северного Меркурия” на 1832 г. мы напечатаем подробный разбор “Альционы”. Альманах сей продается в книжных лавках по 10 р<ублей> экземпляра»³. Точно таким же образом в феврале 1832 г. Бестужев-Рюмин возьмет в «Гирлянду» из новой «Альционы» «Песню» («Ягодка ль спелая // Манит прохожих красой наливною?..»)⁴ барона Розена.

В итоге, за все время сотрудничества в «Гирлянде» и «Северном Меркурии» (1831 — начало 1832), Розен опубликовал в них только четыре стихотворения, два из которых — перепечатки из «Альционы».

Как видим, Е.Ф. Розен и не думал враждовать с пушкинским кругом. За время разлада он лишь укреплял и устанавливал некоторые связи за его пределами, одновременно оставаясь на его периферии. И сам разлад с пушкинским кругом был недолгим.

В мае 1831 г., забыв прежние расхождения, Розен откликнулся на смерть

¹ Розен Е.Ф. К N* при посылке «Альционы» // Северный Меркурий. 1831. Т. 3. № 30–31 (ц. р. 5 октября). С. 123.

² Розен Е.Ф. Картина: La toilette // Северный Меркурий. № 51 (ц. р. 31 декабря). С. 206–207.

³ Северный Меркурий. 1831. Т. 3. № 51 (ц. р. 31 декабря). С. 205.

⁴ Розен Е.Ф. Песня // Гирлянда. 1831. Ч. 3. № 3–4 (ц. р. 4 февраля). С. 69–70.

Дельвига. 1 мая в «Литературной газете» появилось его стихотворение «Тени друга», исполненное печали и запоздалого раскаяния:

Ты достигнул светлой цели,
Я грущу в юдольной мгле;
Но зачем мы на земле
Примириться не успели!
Добрый гений! Между нас
Стала вечность!.. Ты угас
Быстро в дни молодого века!..
Сын небесной чистоты,
Ангел смотрит с высоты
Прямо в душу человека:
Так стою я пред тобой
С обнаженную душой...
Как молитвенному звуку,
Внемлешь ты моим словам –
Простираю к небесам
Примирительную руку!..¹

В послании «Баронессе Елизавете Антоновне Дельвиг» поэт обратился к годовалой дочери друга со словами утешения:

...Освящена ты ранним сиротством
И матери страдальческой тоскою!
Так расцветешь ты — славная *отцом*
И славная девической красою!..²

Так, спустя полгода после досадной размолвки с Дельвигом, связи барона Розена с пушкинским окружением были восстановлены. В мае 1831 г. оживилось и его общение с самим Пушкиным.

¹ Розен Е.Ф. Тени друга // Литературная газета. 1831, № 25 (1 мая). С. 201.

² Розен Е.Ф. Баронессе Елизавете Антоновне Дельвиг // Там же. № 28 (16 мая). С. 227.

3.2. Пушкинский круг

3.2.1. «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”»

В истории литературных отношений Розена с Пушкиным исследователей более всего привлекает сюжет, строящийся вокруг выполненного Розеном перевода трагедии «Борис Годунов», его критической статьи о пушкинской трагедии и выпущенной при первом издании «Годунова» сцены «Ограда монастырская»¹.

Известно, что Розен переводил «Годунова» в середине 1831 г., пользуясь предоставленной Пушкиным белой рукописью (при этом нет однозначных сведений о том, что перевод был законченным и полным²). Также он написал о трагедии критическую статью, которая впервые была опубликована на немецком языке в остзейском журнале «Dorpater Jahrbücher» («Дерптские ежегодники») в июне 1833 г.³ К статье прилагался выполненный Розеном перевод сцены «Ограда монастырская», не вошедшей в издание «Годунова», и ее русский оригинал (данный в подстрочном примечании). Розен в предуведомлении к переводу сообщал: «Автор, намереваясь поместить эту сцену при втором издании «Бориса Годунова», позволил нам предварительно с нею познакомить немецкую публику»⁴. Очевидно, о замысле второго издания Розен мог знать только от самого Пушкина. В начале января 1834 г. в газете Воейкова «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”» появился перевод статьи, выполненный знакомым Розена⁵ А. Савицким, вместе с оригиналом сцены «Ограда монастырская»⁶. Судя по замечанию Воейкова о том, что Пушкин разрешил познакомить с фрагментом «и русскую» публику, и довольно тесным на тот момент контактам между Пушкиным и

¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 7. Драматические произведения / Ред. Д.П. Якубович. Л., 1935. С. 432–433. (в комментарии Г.О. Винокура к «Борису Годунову»).

² Существует предположение, что полный перевод Розен не опубликовал по причине того, что его опередил эстляндский литератор Карл фон Кнорринг, напечатавший в 1831 году свой перевод пушкинской трагедии во второй части издания «Russische Bibliothek für Deutsche» («Русская библиотека для немцев»). См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. Т. 3. М., 1999. С. 555.

³ Rosen G. Boris Godunow. St. Petersburg, 1831... // Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands. Riga und Dorpat, 1833. Bd. I. № 1. S. 43–59.

⁴ Пушкин в прижизненной критике: 1831–1833. С. 268.

⁵ См.: Письма Розена Е.Ф. к Подолинскому А.И. // ОР РГБ. Ф. 232. К. 3. № 32. Л. 4 об.

⁶ Мнение барона Е.Ф. Розена о драме А.С. Пушкина «Борис Годунов» // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1834. № 2 (6 января). С. 12–15; № 3 (10 января). С. 19–23.

Розеном, санкция на публикацию, вероятно, была дана через Розена самим Пушкиным, имевшим намерение переиздать «Годунова» в расширенной редакции. Все эти факты позволяют поставить вопрос о реконструкции третьей — по всей видимости, окончательной — редакции текста пушкинской трагедии, в которую может быть включена сцена «Ограда монастырская», в академических изданиях традиционно помещаемая в разделе вариантов¹.

У запутанного сюжета с появлением в «Литературных прибавлениях» «Ограды монастырской» вместе со статьей Розена о «Годунове» есть предыстория: участие барона в воейковской газете в 1831–1832 гг. Сотрудничество Розена с Воейковым и его активность в «Литературных прибавлениях» не становились предметом специального интереса исследователей, поэтому мы рассмотрим их подробнее.

Сближение Розена с Воейковым произошло, вероятно, в ноябре–декабре 1830 г., после того, как барон прервал общение с издателями «Северных цветов» и «Литературной газеты» и покинул круг Дельвига. В тот момент он завершал сбор материалов для своего альманаха «Альциона» на 1831 г. (вышел из печати в самом конце декабря — начале января²) и искал новых литературных связей. Среди вкладчиков его альманаха, помимо участников «Северных цветов» В.И. Туманского, Трилунного, Подолинского, Деларю, Ротчева, Вердеревского, печатавшегося в «Литературной газете» Романовича (все они были хорошо знакомы Розену по кругу Дельвига и Пушкина), появились новые лица: В.И. Карлгоф и П. Г. Сиянов. Оба — выходцы из военной среды, сотрудничавшие в воейковских изданиях³. Вероятно, с ними Розен познакомился уже на пятничных литера-

¹ Современное состояние проблемы см.: Пушкин в прижизненной критике: 1831–1833. СПб., 2003. С. 444–446; Ивинский Д.П. Сцена «Ограда монастырская»: Пушкин, Мицкевич, Дельвиг, Розен. С. 248–253; см. и нашу статью, вновь затрагивающую эту тему: Куц Н.<В.> К вопросу о литературных отношениях А.С. Пушкина и барона Е.Ф. Розена: контекст «Бориса Годунова» // «И в просвещении стать с веком наравне». Сборник статей / под общ. ред. Н.И. Михайловой. М., 2018. С. 125–138.

² Первый отклик на альманах появился 5 января 1831 года. См.: Северная пчела. 1831, № 3 (5 января). С. 1–2.

³ Карлгоф регулярно печатался в «Славянине» и «Новостях литературы», Сиянов — в «Славянине». См.: Ильин-Томич А. А. Карлгоф Вильгельм Иванович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 485; Песков А. М. Воейков Александр Федорович //

турных собраниях у Воейкова, которые начал посещать в ноябре–декабре. Тогда же состоялось его знакомство с другим малоизвестным литератором из воейковского круга, П.Г. Волковым, с которым у Розена, по-видимому, завязались приятельские отношения: Волков в первых номерах издаваемого им в 1831 г. журнала «Эхо» поместил лестные рецензии на его поэму «Рождение Иоанна Грозного» и альманах «Альциона»¹.

О «пятницах» Воейкова оставил воспоминания их участник В.П. Бурнашев — литератор, сотрудничавший в то время в изданиях М.А. Бестужева-Рюмина, «Сыне отечества» и «Северной пчеле» Греча и Булгарина, а также в петербургской франкоязычной газете «Le Furet» («Хорек»), переименованной затем в «Le Miroir» («Зеркало»). К мемуарам Бурнашева исследователи обращаются с определенной долей осторожности. Еще современники отмечали, что он, по меткому выражению П.А. Вяземского, писал «все напропалую из головы своей»²: значительно искажал факты, нарушал их хронологическую последовательность с целью беллетризации и был склонен к прямым выдумкам. Так, по поводу статьи о «пятницах» исчерпывающе высказался один из ее героев, А.И. Подолинский, заявивший, помимо прочего, что с ее автором он никогда не был знаком, а у Воейкова «не только вовсе не бывал, но по особенной случайности *нигде и никогда* его не видел»³.

Тем не менее, воспоминания Бурнашева сообщают необходимые нам сведения о вечерах, на которых обсуждались литературные новости и собирались материалы для изданий Воейкова. Из того, что мемуарист пишет о Розене, наиболее достоверна портретная характеристика⁴. Это показательно: Розена, в отличие от Подолинского, Бурнашев хорошо знал. Они могли пересекаться не только у Воейкова, но и на «четвергах» Н.И. Греча, и даже в редакции «Северного Меркурия»

Там же. Т. 1. М., 1992. С. 457.

¹ Пушкин в прижизненной критике: 1831–1833. СПб., 2003. С. 496.

² Ивинский Д. П. «Я уверен, что Сумбурнашев никогда не вел дневника...»: Из полемических заметок князя П. А. Вяземского // Ивинский Д.П. О Пушкине. М., 2005. С. 233.

³ Подолинский А. И. По поводу статьи г. В. Б.<урнашева> «Мое знакомство с Воейковым в 1830 году» // Русский архив. 1872. № 3–4. Стлб. 861.

⁴ См.: Бурнашев В.П. Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Русский вестник. 1871. Т. 95. С. 268, 272.

М.А. Бестужева-Рюмина. Не вызывает сомнений запечатленный Бурнашевым факт общения Розена с Волковым и Карлгофом, а также факт негативного на тот момент отношения Розена к Булгарину, которому барон противопоставлял Греча¹. Верно и утверждение Бурнашева о том, что Розен в 1830-е гг. «постоянно воевал» с Н.А. Полевым, издателем «Московского телеграфа»². Полевой, в журнале которого Розен печатался на заре своей литературной деятельности, неблагоприятно высказывался о новых сочинениях барона. Самолюбивого литератора это не устраивало: издатель «Московского телеграфа», как мы увидим, в начале 1830-х гг. был главной мишенью розеновских критических выпадов и эпитграмм.

Воейков привлек Розена, как и других посетителей пятничных собраний, к сотрудничеству в новой газете «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”», которую он начал выпускать с 1831 г., и первое время это сотрудничество было весьма плодотворным. Розен в период «разлада с литературными аристократами» намеревался «прикрепиться» к какому-либо повременному изданию (с момента выхода в отставку в 1828 г. вопрос литературного заработка был для него существенным), и поэтому принял деятельное участие в газете: почти в каждом номере «Литературных прибавлений» за январь–февраль мы можем увидеть его стихотворения и рецензии на новые книги. Но уже весной интенсивность и качество этого сотрудничества заметно снижаются: в газете изредка появляются только ранние стихотворения Розена (одно из которых, «Болезнь» 1826 г., Воейков за неимением лучшего публикует дважды³).

Причину этой внезапной перемены открывают сохранившиеся письма Розена к Воейкову, написанные в феврале 1831 г. Они проливают свет на взаимоотношения сотрудника и редактора и характеризуют обоих. Из текста писем становится ясно, что отношения Розена с Воейковым были натянутыми: в ответах Розена отражено взаимное недопонимание и легкое раздражение.

¹ Там же. Т. 95. С. 273–274; Т. 96. С. 146–149. Ср.: Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. 1826–1857. Л., 1955. С. 110.

² Бурнашев В.П. Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Русский вестник. 1871. Т. 96. С. 146, 152.

³ См.: Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1831. № 20 (11 марта). С. 58; № 31 (22 апреля). С. 255.

Редактор «Литературных прибавлений» просил у автора новых статей, и прежде всего рецензию на пушкинского «Бориса Годунова», вышедшего в конце 1830 г. Розен, пытаясь сохранить гордую независимость, напоминал, что Воейков и так получил от него «десять стихотворных пьес и четыре статьи в прозе» и может быть благодарен ему как за количество, так и за качество его сочинений¹. В свою очередь, барон требовал у Воейкова прояснить материальный характер их «литературного дела», выдвинуть прямые условия сотрудничества, а редактор все время уходил от этого щепетильного вопроса. Насколько можно судить из представления этой истории Розеном, Воейков по какой-то причине считал автора чем-то ему обязанным («Если вы думаете, что я в долгу перед вами, то можно будет пояснить это недоразумение — каким-нибудь образом!»²). Барон испытывал денежные трудности и не мог выдерживать неопределенность своего положения, которую объяснял взаимной «излишней деликатностью». В письме от 24 февраля он просил Воейкова одолжить ему 400 рублей («Я у отъезжающего знакомого купил разные, мне необходимые вещи — и от этого совершенно обеднел»³) — возможно, в счет своего гонорара — и оговаривал условия дальнейшего сотрудничества в «Литературных прибавлениях»: «Редакция оной газеты должна мне дать две тысячи рублей в год. <...> Если мои требования вам покажутся слишком большими, то откажите мне напрямки (и не посылайте уже 400 рублей) и будьте уверены, что это не прервет, по крайней мере с моей стороны, приятельскую между нами связь»⁴. Розен добавлял, что в случае отказа либо «пристанет к другому изданию», либо примет предлагаемую ему служебную должность (вероятно, должность при дежурстве Главного штаба, которую Розен получит в июне⁵), и тогда его участие в газете будет носить символический и необязательный характер. Воейков выставленные ему условия отверг (по-видимому, в ответном письме), потому что 27 февраля Розен уже пишет о «литературном разрыве» и окончании

¹ Письма бар<она> Розена к А. Ф. Воейкову // РГАЛИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 1.

² Там же.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 3–Л. 3 об.

⁵ См.: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 14. Переписка, 1828–1831. 1941. С. 183

их общего «литературного дела»¹. Как видим, прекращение сотрудничества Розена в воейковской газете было вызвано материальными причинами.

Письма к Воейкову существенно дополняют историю розеновской статьи о «Борисе Годунове». Выясняется, что развернутый разбор пушкинской трагедии («Его достанет на три большие отделения»²) первоначально был написан Розеном на русском языке и предназначался для «Литературных прибавлений». Воейков хотел поскорее опубликовать его в газете, пока выход печатного издания «Годунова» оставался литературной новостью, и поторапливал автора. Когда же, наконец, разбор был окончен, и Розен пообещал передать его Воейкову (в письме от 24 февраля), между ними произошел разрыв, и желаемую статью Воейков так и не получил. Она осталась на руках у Розена, и барон, по-видимому, не мог найти близкого ему издания, готового ее напечатать. Только в июне–июле, вновь появившись в пушкинском окружении, Розен отдал статью О.М. Сомову для публикации в «Литературной газете» (не зная, что 30 мая вышел ее последний номер)³. Очевидно, это была новая редакция статьи: в ее немецком переводе, выполненном в январе 1833 г. (и опубликованном в июне того же года в «Дерптских ежегодниках»)⁴, отразилась работа Розена с рукописью «Годунова», которую он мог получить от Пушкина только в мае–июне 1831 г. Но основной ее текст, как мы полагаем, составила рецензия на «Годунова», написанная еще в феврале. Воейков, напечатавший русский перевод статьи (вероятно, не без ведома ее автора) в начале 1834 г. в «Литературных прибавлениях», как будто вспомнил о не полученном в свое время от Розена материале.

Обратимся теперь к статьям и стихотворениям, которые Розен публиковал в газете в период активного сотрудничества с Воейковым. Здесь барон впервые попробовал свои силы в качестве критика современной русской литературы (до этого он только однажды выступил в «Литературной газете» с рецензией на сочине-

¹ Письма бар^{она} Розена к А. Ф. Воейкову. Л. 5.

² Там же. Л. 3.

³ Из бумаг Степана Петровича Шевырева // Русский архив. 1878. № 5. С. 47. См. также: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 14. Переписка, 1828–1831. 1941. С. 217.

⁴ Rosen G. Boris Godunow. St. Petersburg, 1831... // Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands. Riga und Dorpat, 1833. Bd. I. № 1. S. 59.

ния шведского поэта Бернхарда фон Бескова¹). Розен написал благосклонную рецензию на поэму «Безумная» И.И. Козлова, отметив, что поэт пошел «по новой, не проложенной стезе», выбрав предметом изображения безумие героини и решив описывать побуждения и действия «затмившегося ума»: «Из этого страшного разногласия внутренних стихий извлекать поэтическую гармонию и такое несчастное лицо, по примеру Шекспира, одевать в дикое очарование — это, без сомнения, весьма трудная и гигантская попытка, которая может не удалиться и великому поэту!»² В другой статье он с суровой критикой обрушивался на перевод трагедии «Макбет», выполненный А.Г. Ротчевым по немецкому переложению Шиллера («Сию-то неудачную переделку г. Ротчев еще переделал в безделку — бедный Шекспир!»³), указывая на ошибочность принципов перевода и его несовершенства: «То, что возвышенно в подлиннике, часто делается смешным и даже отвратительным в этом переводе»⁴. В доказательство Розен приводил собственный перевод строк Шиллера, сравнивая его с тем же фрагментом у Ротчева.

Среди лирических пьес Розена, напечатанных в «Литературных прибавлениях», есть традиционное новогоднее стихотворение («На исход 1830 года») — дружеское послание, в котором слышатся отголоски каких-то литературных или жизненных бурь, испытанных им в 1830 г. (возможно, подразумевается разрыв с Дельвигом):

Ты последними часами
Истекаешь, старый год!
Шумно праздную с друзьями
Твой торжественный отход!
Старец в ризе белоснежной,
Ты, главой белей луны, —
Черный был ты для меня,

¹ См.: Литературная газета. 1830. № 48 (24 августа). С. 92–97.

² Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1831. № 4 (14 января). С. 27.

³ Там же. № 3 (10 января). С. 22.

⁴ Там же.

И тяжелый и мятежный!¹

В другом месте упоминается некий дружеский круг, заменивший автору прежние узы и утешивший в борьбе с врагами:

Но доволен я судьбою:
Ты взамен врагов и змей
Дал мне пламенных друзей;
Добрый старец! Честь с тобою².

Послание, по-видимому, адресовано кругу воейковских «пятниц»: Сиянову, Волкову, Карлгофу. С ним перекликается стихотворение В.И. Карлгофа «К друзьям. На новый 1831 год», поддерживающее ту же традицию (образы: старый год — «старец», новый год — «младенец»):

Мы, замеченные светом,
Поэтическим приветом
Встретим, добрые друзья,
К нам слетевшее дитя³.

У Розена, насколько можно судить по его письмам, установились довольно близкие отношения с П.Г. Сияновым — штаб-офицером и поэтом. В феврале в должности старшего адъютанта Главного штаба Сиянов был откомандирован в Польшу, где русская армия подавляла восстание. По этому случаю Розен опубликовал в «Литературных прибавлениях» стихотворение «На отъезд Сиянова в действующую армию»⁴, вносящее вклад в рисуемый приятельским кругом Сиянова его литературный образ — удалого вояки и поэта, по замечанию В.Э. Вацура, «давыдовского покроя»⁵.

В первых номерах «Литературных прибавлений» Розен публикует также стихи «Поэту» и «Признание», развивающие романтическую тему поэта в тради-

¹ Там же. № 7 (24 января). С. 54.

² Там же.

³ Там же. № 3 (10 января). С. 23.

⁴ Там же. № 13 (14 февраля). С. 103.

⁵ Вацура В.Э. Мицкевич и русская литературная среда 1820-х гг. (Разыскания) // Вацура В.Э. Избранные труды. М., 2004. С. 677. См. также: Нешумова Т. Ф. (с использованием картотеки В.Э. Вацура). Сиянов Петр Гаврилович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М., 2007. С. 619.

ционной топике (поэт — «искусств верховный жрец» с «божественной лирой», одаренный «волшебным даром ясновиденья»¹). Во втором стихотворении анакреонтические мотивы («Пусть, как буря, негоден // Я красавице молодой...», «Девы, девы, вас люблю я!» и т. д.) сочетаются со своеобразно варьируемым мотивом поэтического уединения, которое Розен сближает едва ли не с монашеским обетом безбрачия:

Но и лучшая супруга
Для поэта тяжела!
Он искусства жрец заветный!
Он живет — духовный царь —
В алтаре мечты... алтарь
Полу женскому запретный!²

И далее:

Одинокий, но свободный,
Я певец богоугодный!³

Образ поэта-ясновидца, уединившегося от света, использовал и Карлгоф в стихотворении «Портрет незнакомки», опубликованном в том же номере газеты⁴. Бурнашев в отделе «Эхо русской литературы» газеты «Le Furet» хвалил эти стихи и передавал слух, будто Розен собирает альманах «Ландыш», в котором «особенно богат и изобилен будет поэтический отдел»⁵ (этот замысел Розеном осуществлен не был).

Некоторые материалы в газете Розен подписывал не полным именем, а криптонимом «Р.» — такова, например, подпись к опубликованной 4 февраля 1831 г. рецензии на роман в письмах Н.И. Греча «Поездка в Германию». Бурнашев, хорошо осведомленный в делах редакции «Литературных прибавлений», в

¹ Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1831. № 1 (3 января). С. 6.

² Там же. № 2 (7 января). С. 14.

³ Там же.

⁴ См.: Там же. С. 15.

⁵ В № 5, вышедшем 18 января. См.: Сперанская Н.М. Петербургская газета "Le Furet" — "Le Miroir" и русская литература конца 1820-х — начала 1830-х годов: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. Тверь, 2005. С. 298.

номере «Le Furet» от 4 марта открыл, чье имя зашифровано в этой подписи. Заявив, что «среди отзывов, которые наши журналы сделали на “Поездку в Германию” г. Греча, глубже всех был разбор», напечатанный в воейковской газете, он сообщил, что рецензия «принадлежит перу барона Розена»¹. Сам Розен в письме к Воейкову от 24 февраля упомянул о том, что посетил Греча, который был «весьма доволен» критическим разбором своего романа². Наконец, об авторстве Розена свидетельствуют следы близкого знакомства рецензента с жизнью остзейского дворянства, заметные в предпоследнем абзаце: «Автор говорит, что в Лифляндии мода жениться на родной племяннице. Тому были только редкие примеры, всегда возбуждавшее общее негодование. На стран<ице> 59 сказано: “Чины племянника, двоюродного брата, деда внучатного, раздаются в Лифляндии и Эстляндии по достоинствам, а не по точному родству”; “это совершенно против истины!” Изредка мелькают недосмотры»³.

Таким образом, мы можем подкорректировать сведения о многочисленных воейковских псевдонимах: литерой «Р.» в газете подписывался не Воейков, как предполагал И.Ф. Масанов⁴, а барон Розен.

С подписью «Р.» в «Литературных прибавлениях» немного материалов. Помимо рецензии на роман Греча, две статьи: «Литературная новость» — отклик Розена на сообщения берлинского журнала «Der Freimütige» («Прямодушный») о современной русской литературе (поэме «Полтава» Пушкина и сочинениях О.М. Сомова)⁵ — и короткая заметка «Поправка ошибки», указывающая на неточность, допущенную редакцией «Московского вестника» при публикации «любопытного журнала посольского чиновника»⁶.

Под криптонимом также напечатана эпиграмма, грубый тон которой, веро-

¹ В № 18, вышедшем 4 марта. См.: там же. С. 306. Ср. также указание В. Э. Вацуру на то, что Розен печатался в «Литературных прибавлениях» анонимно, а не только под своим именем: Вацуру В. Э. Розен Егор Федорович. С. 342.

² Письма бар<она> Розена к А. Ф. Воейкову. Л. 3.

³ Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1831. № 10 (4 февраля). С. 78.

⁴ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 3. М., 1958. С. 7; Там же. Т. 4. М., 1960. С. 109.

⁵ Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1831. № 8 (28 января). С. 59–60.

⁶ Там же. № 32 (22 апреля). С. 255.

ятно, заставил Розена скрыть свое авторство:

Историческою дрянью
И гнилой журнальной бранью
Заражает он Парнас.
Зачумленный, жалкий, смрадный,
Шлепнется он в добрый час
С каланчи *высокоглядной!*¹

Адресат эпиграммы — Николай Полевой. Под «историческою дрянью» Розен подразумевает его исторические повести и «Историю русского народа», а «каланчой» именуется оптический телеграф, давший название его журналу. Схожий образ можно найти в позднейшей антикритике Розена, направленной против «Московского телеграфа»: «Ободряемый нашими лучшими литераторами, я всегда чувствовал себя выше той печальной атмосферы, в которой чернеется “Телеграф”, как маяк, означая место, где корабль г-на Полевого стал на мель и разбился»². По поводу сложного эпитета «высокоглядный», дополнительно свидетельствующего в пользу авторства Розена, заметим, что барону была свойственна тяга к сложным словам, в том числе неологизмам, «выкованным по германскому образцу»³, — следствие того, что его родным языком был немецкий, в котором, в отличие от русского, словосложение как словообразовательный способ широко распространено.

Примечательно, что Розен и в воспоминаниях Бурнашева предстает эпиграмматическим противником Полевого: он отдает Воейкову на пятничном собрании эпигramму на «Московский телеграф», «еще 1826 г., впрочем»⁴, высмеивающую немецкий эпиграф, с которым журнал выходил в 1825–1827 гг. («Глаголет смело “Телеграф”: // “Что захочу — могу!..”»⁵). Эта эпиграмма позднее вошла

¹ Там же. № 9 (31 января). С. 70.

² Сын отечества. 1832. № 10. С. 167.

³ Замечание В.М. Строева в критике на трагедию Розена «Осада Пскова». См.: Северная пчела. 1834, № 262 (17 ноября). С. 1048.

⁴ Бурнашев В.П. Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Русский вестник. Т. 96. С.152.

⁵ Там же.

в антологии под предположительным авторством Розена (не исключено, что она сочинена самим Бурнашевым), в то время как эпиграмма под криптонимом «Р.» «Историческою дрянью...», которую с уверенностью можно атрибутировать Розену, осталась вне поля зрения исследователей¹.

Полевой является адресатом и другой розеновской эпиграммы, напечатанной Воейковым в газете во второй половине апреля 1831 г. (спустя два месяца после прекращения активного сотрудничества с бароном) под заглавием «Ответ»:

Хоть бьют людей за то, что дерзко врут,
Но дуракам и пьяницам спускают!
Вот мой ответ: «*Лежачего не бьют!*
А битому подавно уж прощают»².

Эта эпиграмма подписана полным именем Розена. Она намекает на получивший широкую огласку эпизод с побитием Полевого палками по приказанию князя Н.Б. Юсупова. Слух об этом происшествии пришел из Москвы летом 1830 г., после чего был распространен в печати газетой «Le Furet» (под прикрытием «китайского анекдота») и Воейковым в «Славянине»³. На него в августе отреагировала даже «Литературная газета»⁴. Бурнашев утверждал, что «прямодушный барон Розен» на вечерах у Воейкова выражал сомнение в истинности неприятного случая с издателем «Московского телеграфа», считая, что слух об этом в Петербурге появился из «грязного источника», от Булгарина, «ненавидящего и Полевого, и Россию»; Карлгоф возражал барону, приводя в доказательство известие из Москвы о том, что «Николай Алексеевич болен и не выходит из комнат»⁵. Тем не менее, Розен в очередном своем выпаде в сторону Полевого — очевидно, «прощая» ему строгую критику своих сочинений, — обыграл именно этот слух, усилив недвусмысленность намека выделением ключевых слов.

¹ См. в наиболее полном издании такого рода: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975. С. 399, 811.

² Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1832. № 32 (22 апреля). С. 255.

³ См. подробнее об этом: Сперанская Н.М. Петербургская газета "Le Furet" — "Le Miroir" и русская литература конца 1820-х — начала 1830-х годов. С. 193–212.

⁴ См.: Литературная газета. 1830. № 45 (9 августа). С. 72.

⁵ Бурнашев В.П. Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Русский вестник. Т. 96. С. 146–147.

Воейков, не упускавший случая задеть Полевого в своих изданиях, опубликовал эту эпиграмму в то время, когда печатная история про «китайского сочинителя», избитого по приказанию мандарина «в древней столице Поднебесной империи», начала забываться. Можно предположить, что Розен сочинил эпиграмму несколькими месяцами ранее (в декабре 1830 или январе–феврале 1831 г.). Она могла распространяться в узком кругу, пока редактор «Литературных прибавлений» — вероятно, с разрешения Розена — не решился ее напечатать.

По-видимому, Розен имел в виду свои выступления против Полевого на страницах воейковской газеты, когда в антикритике, помещенной в «Сыне отечества» в октябре 1832 г., писал об издателе «Московского телеграфа»: «Он, как слышно, приписывает мне какие-то — конечно, не хвалебные — о нем отзывы, помещенные там и сям. Не ручаясь за достоверность сего слуха, считаю ненужным оправдываться»¹.

Несмотря на «литературный разрыв» с Воейковым в конце февраля 1831 г., Розен не перестал посещать его собрания. Бурнашев запомнил его на «пятницах» в адъютантской форме: «Явился малорослый, светловолосый барон Егор Федорович Розен, с желтоватыми усиками, в своей адъютантской форме, с расстегнутым вопреки формы воротником; он шел довольно скоро, маша по полу длинным султаном своей треугольной шляпы, а правую рукой поправлял на груди перепутавшиеся серебряные аксельбанты»². Этот факт, с необходимой поправкой на допускаемые мемуаристом хронологические несообразности, свидетельствует о том, что Розен бывал на воейковских вечерах и после получения им должности при дежурстве Главного штаба в июне 1831 г. Сохраняя знакомство с редактором «Литературных прибавлений», Розен продолжал, как и обещал, изредка давать ему «несколько стихов и проч<ее>»: в августе 1831 — феврале 1832 г. его имя время от времени мелькало в газете. Воейков, в свою очередь, в декабре хвалил его «Альциону» на 1832 г., перепечатав из нее «Воскресное утро в деревне» Жу-

¹ Сын отечества. 1832. № 10. С. 170–171.

² Бурнашев В.П. Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Русский вестник. Т. 95. С. 268.

ковского и назвав альманах «отлично-хорошим»¹.

Из сочинений Розена, напечатанных в «Литературных прибавлениях» в этот период, наибольший интерес представляет полемическая статья «Нечто о литературном предприятии г. фон Кнорринга», помещенная в номере от 27 февраля 1832 г. в сатирическом отделе «Пересмешник». Это последний материал, который Розен предназначал специально для воейковской газеты. Барон опубликовал статью под псевдонимом Ксенократ Луговой, став «названным братом» Воейкова в его войне с братьями Николаем и Ксенофонтом Полевыми (редактор газеты, как известно, в своих выступлениях против Полевого брал псевдоним Никита Луговой). Долгое время считалось, что под псевдонимом скрывался О.М. Сомов или сам Воейков², пока авторство Розена не было убедительно доказано В.Э. Вацуру на основании изучения цензурных материалов³.

Розен, увлеченный собственной мистификацией, прибавил к статье пародийный постскрипtum с обращением к издателю газеты, в котором от имени Ксенократа Лугового признался, что он — «родной брат» «Никиты Лугового, знаменитого сочинителя “Истории русского человека”»⁴, «с критическим хлыстиком» вступивший на литературное поприще по той причине, что его «встревожила слава брата». Вопреки желанию Розена сохранить инкогнито, эта приписка легко выдает его авторство. В ней есть свидетельства увлечения поэта эпохой Ивана Грозного, его работы над исторической трагедией «Россия и Баторий»: Розен называет Полевого «мужем чернил», поясняя, что Грозный называл Стефана Батория «мужем кровей». То же обнаруживаем и в самой статье: Розен именуется «уста» издателя «Московского телеграфа» «многошумящими и ширококвещательными», что очевидным образом отсылает к переписке Грозного с Курбским.

Статья метила сразу в двух литературных оппонентов Розена. Первым был Полевой, раскритиковавший в январе 1832 г. альманах Розена «Альциона» и его

¹ Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1831. № 102 (23 декабря). С. 806.

² См.: Пушкин в прижизненной критике: 1831–1833. СПб., 2003. С. 395–396.

³ Вацуру В.Э. Розен Егор Федорович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М., 2007. С. 342.

⁴ Там же. 1832. № 17 (27 февраля). С. 129.

повесть «Очистительная жертва»¹. Вторым — эстляндский переводчик и издатель Карл фон Кнорринг, опубликовавший в Ревеле свой перевод «Бориса Годунова» во втором выпуске издания «Russische Bibliothek für Deutsche» («Русская библиотека для немцев»), вышедшем в середине 1831 г.² Розен удивлялся тому, что Полевой, чей «бестолковый “Кирдяпа”» (историческая повесть «Симеон Кирдяпа») был выбран Кноррингом для перевода и помещен в начале первой книжки «Русской библиотеки», «жалует своего переводчика в ученые немецкие литераторы», хотя ему «совершенно неведом язык Шиллера и Гете»³, и заключал, что это «немного опрометчиво и крайне необдуманно, но отнюдь не удивительно со стороны человека, ставящего в одну категорию “Бориса Годунова”, сочинение Пушкина, и ничтожное произведение г. Вельтмана “Странник”»⁴. От критики Полевого Розен переходил к содержанию «Русской библиотеки» и произносил «приговор» Кноррингу: «Переводы “Бориса Годунова” и “Горя от ума” решительно *из рук вон*, и так дурны, что никоим образом нельзя словами определить степени их не совершенства. — Это не переводы, но самая неприятная для русских карикатура!»⁵

Негативную оценку переводу Кнорринга Розен впоследствии дал в своей статье о «Борисе Годунове» в «Дерптских ежегодниках», предпосланной его собственному переводу сцены «Ограда монастырская» и предназначенной для немецкого читателя. Там он замечал, что «все красоты оригинала» в переводе Кнорринга «являются в карикатурном виде», «народный колорит совершенно стерт», «а пленительная пушкинская дикция безжалостно исковеркана»⁶. В выступлении же «Ксенократа Лугового» он, разбирая недостатки перевода, намекал, вероятно, на собственную фигуру, когда писал о поэте, способном перевести пушкинскую драму лучше Кнорринга: «Сие совершеннейшее произведение рус-

¹ См.: Московский телеграф. 1832. № 1. С. 112–115.

² Салупере М.Г. Об одном раннем переводе «Бориса Годунова» на немецкий язык // Пушкинские чтения: Сборник статей / Сост. С. Г. Исаков. Таллинн, 1990. С. 145.

³ Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1832. № 17 (27 февраля). С. 130.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Цитируется по: Пушкин в прижизненной критике: 1831–1833. С. 268.

ского Парнаса будет классическим творением и на немецком языке, если оно переведется человеком, хорошо знающим не только русский язык, но и древности русские, умеющим ценить пленительный язык этой драмы и вполне передать все особенности онога»¹. Противопоставляя этот возможный (собственный?) перевод напечатанному в «Русской библиотеке», Розен задавался вопросом: «Что скажут немцы о нашем “Борисе Годунове”, если прочтут жалкий перевод г. Кнорринга? Что подумает *Август Шлегель* или *Людвиг Тик*? Больно, очень больно для нас, а г. *Полевому* и горя мало!»²

С похожими претензиями к Полевому и Кноррингу в декабре 1831 г. выступал в «Литературных прибавлениях» и Воейков (под псевдонимом А. Кораблинский). Он тоже высмеивал тот факт, что «под громким названием “Русской библиотеки” явился г. Кнорринг с “Кирдяпою” в руке»³, и отмечал, что содержание второй книжки издания, где напечатан перевод «Бориса Годунова», «несравненно лучше». Но Воейков, в отличие от Розена, ничего не мог сказать о качестве перевода «Годунова». Для Розена же этот вопрос был принципиальным, потому что он действовал с Кноррингом-переводчиком на общей ниве и воспринимал его как соперника: «ревельский житель» опередил его, познакомив немецких читателей с трагедией Пушкина раньше, чем Розен закончил свой перевод или задумался о его публикации. В этой связи мы находим верным предположение М. Г. Салупере о том, что Розен, оценивая перевод Кнорринга, «был не совсем беспристрастен»⁴. Барон ориентировался на остзейскую и — шире — немецкую читающую публику⁵, выступал прежде в эстляндских изданиях с переводами пушкинских произведений («Пророк», «Бахчисарайский фонтан», сцены из «Бориса Годунова» «Граница литовская» и «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»)⁶ и в

¹ Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1832. № 17 (27 февраля). С. 131.

² Там же.

³ Там же. 1831. № 97 (5 декабря). С. 761.

⁴ Салупере М.Г. Об одном раннем переводе «Бориса Годунова» на немецкий язык. С. 146.

⁵ См. об этом: Киселева Л.<Н.> Барон Розен о себе // Статьи на случай: Сборник к 50-летию Р.Г. Лейбова. Объединенное гуманитарное издательство Ruthenia.ru, 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Kiseljova.pdf

⁶ Исаков С.Г. Журналы «Esthona» (1828–1830) и «Der Refraktor» (1836–1837) как пропагандисты русской литературы // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 266.

некоторой степени претендовал на роль просветителя немцев в области пушкинского творчества, поэтому неудача с первым переводом «Годунова» оказалась для него чувствительной.

Можно заключить, что знакомство Розена с Воейковым позволило ему периодически использовать «Литературные прибавления» как площадку для выступлений против своих литературных оппонентов, в том числе под криптонимом «Р.» (эпиграмма на Полевого), принадлежность которого Розену представляется нам доказанной, и псевдонимом Ксенократ Луговой. Вопреки ожиданиям Розена, воейковская газета не принесла ему литературного заработка: уже в конце февраля 1831 г. из-за разногласий по поводу гонорара он прекратил постоянное сотрудничество с редактором. Этот экономический казус привел к тому, что в 1831 г. читатели не увидели на страницах «Литературных прибавлений» развернутой рецензии Розена на трагедию Пушкина «Борис Годунов».

3.2.2. Статья о «Борисе Годунове» и творчество Розена

В своей рецензии на «Бориса Годунова», подготовленной, как мы предположили, в феврале 1831 г., но только спустя три года появившейся в русской печати, Розен характеризовал пушкинскую драму как «трагедию судьбы», написанную со строгой исторической верностью «в отношении к Карамзину»¹. Он подчеркивал, что в «Истории» Карамзина «высшая сила решительно вмешивается в людские дела и представляет пример ужасной кары». В соответствии с этой концепцией вся трагедия Пушкина, по мнению Розена, представляет собой «ряд отдельных моментов развития суда Божьего над убийцею, не подлежащим суду земному»². Розен так поясняет эту мысль: «Человеческий закон наказывает самого преступника смертью, но здесь заседает Немезида, и, по соображениям ее высшего ума, она определяет кару сверхчеловеческую, именно самую трудную для сердца Годунова: ибо он был чрезвычайно нежный отец и супруг»³. Единство драмы и ее внутреннее движение, по Розену, обеспечивается неизменным присутствием в ней «тени царевича Димитрия»⁴, которая в последней сцене трагедии «как очистительную жертву принимает невинное семейство» Годунова.

Заметим, что статья Розена перекликается с неоконченной рецензией Дельвига в «Литературной газете» (1831), явившейся первым печатным откликом на полное издание «Бориса Годунова». Нет сомнений, что с этой рецензией Розен был знаком. Возможно, он отталкивался от нее в собственных критических построениях. Дельвиг первым выделил в пушкинской трагедии мотив очистительной жертвы. Он писал: «Невольно веришь, что кара за убиение невинного царевича»

¹ <Розен Е.Ф.> Мнение барона Е.Ф. Розена о драме А.С. Пушкина «Борис Годунов» // Пушкин в прижизненной критике: 1831–1833. СПб., 2003. С. 260.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Схожую трактовку «Бориса Годунова» можно найти у И.В. Киреевского в «Обзрении русской литературы за 1831 год». Ср.: «Все лица и все сцены трагедии развиты только в одном отношении: в отношении к последствиям царубийства. Тень умерщвленного Димитрия царствует в трагедии от начала до конца, управляет ходом всех событий, служит связью всем лицам и сценам, расставляет в одну перспективу все отдельные группы и различным краскам дает один общий тон, один кровавый оттенок. Доказывать это значило бы переписать всю трагедию» (Киреевский И.В. Обзорение русской литературы за 1831 год (Отрывок) // Пушкин в прижизненной критике: 1831–1833. СПб., 2003. С. 143).

ча падет на одну главу его и не тронет его невинного сына: но за чистую кровь Димитрия небо потребовало чистой жертвы»¹. Однако, в отличие от Розена, Дельвиг особое внимание уделял фигуре Бориса Годунова, «этого самовольного Эдипа нашей истории», и полагал, что единство действия в драме обусловлено характером Годунова: «Подобно солнцу, силою своею в порядке управляющему целою системой планет, Борис Годунов до последнего издыхания великим умом своим все держит, над всем властвует»². Для Дельвига характерен классически-античный взгляд на пушкинскую трагедию (сравнение Годунова с Эдипом, упоминание о злодеянии Годунова, «которое, как фурия, его преследует и на каждое доброе дело его накидывает покров отвратительный»³), и этот взгляд далеко не чужд Розену, видевшему в «Борисе Годунове» «трагедию судьбы».

С античными трагедиями сближал «Годунова» И.В. Киреевский в «Обзрении русской литературы за 1831 год» (1832). Неизвестно, мог ли ознакомиться И.В. Киреевский с рецензией Розена в 1831 г., до ее русской публикации, но его оценка «Годунова» является своего рода завершением построений Дельвига и Розена. Во всяком случае, три упомянутые нами рецензии в своих основаниях схожи, они выдвигают общие существенные положения: 1) Утверждение о том, что критики не поняли основную идею «Бориса Годунова»; 2) Особый — не романтический, а классицистический — взгляд на трагедию Пушкина и соотнесение конфликта в ней с конфликтом античных трагедий.

Высочайшая оценка трагедии была также высказана Розеном в письме к С.П. Шевыреву: «Кривые толки, косые взгляды, шиканье, дурацкий смех — вот чем приветствовали «Годунова», творец коего во времена Петрарки и Тасса, был бы удостоен торжественного в Капитолии коронования»⁴.

Обсуждение «Бориса Годунова», в которое был вовлечен Розен, как нам представляется, оказывало влияние на его собственное творчество. Примерно в то

¹ Дельвиг А.А. «Борис Годунов» // Пушкин в прижизненной критике: 1831–1833. СПб., 2003. С. 34.

² Там же. С. 33.

³ Там же.

⁴ Из бумаг Степана Петровича Шевырева. С. 47.

же время, когда была актуальна его рецензия на «Годунова», Розен использовал и варьировал выделяемые им в пушкинской трагедии мотивы. Кара, налагаемая судьбой за совершенное преступление, и искупительная жертва, которую принимают Небеса, — эти мотивы стали определяющими в некоторых его лирических и прозаических произведениях начала тридцатых годов. Например, в повести «Очистительная жертва» («Альциона» на 1832 г.) и балладе «Казнь отца в сыне» («Альциона» на 1833 г.), названия которых говорят сами за себя.

В «Очистительной жертве» главный герой, Владимир Штерне, служащий в драгунском полку на юге России, избегает брака с любимившей его девушкой, Лизой Шушковой. В итоге Лиза вынуждена, покорившись воле родителей, выйти замуж за другого. Владимир Штерне оставляет полк и отправляется на родину (в которой угадывается Эстляндская губерния и родной город Розена — Ревель), где влюбляется в прекрасную девушку, Августину, прочимую его отцом ему в невесты. Счастье Штерне омрачается трагической вестью: он получает от своего сослуживца Санина письмо, из которого узнает о смерти Лизы, «затерянной за недостойным супругом».

Санин, влюбленный в Лизу, воплощает в повести мстительное начало, принимает на себя роль орудия Божьего суда. Он вызывает Штерне на дуэль и предлагает провести ее над могилой Лизы: «Всевышний будет тебя судить не на небесах, по преставлении мира — нет! Скоро, и на земле, и судилищем его будет — простой, небольшой холмик, со знаменем страстей и искупления!»¹ Штерне по прочтении письма в молитве обращается к Богу: «Господи! <...> Если я точно невольная причина ее смерти, наказуй меня на небе; но не взыщи этого греха на моей любви к Августине!»²

Через некоторое время Штерне, уже помолвленный с Августиной, возвращается в полк и не застаёт Санина — тот надолго откомандирован из полка. В один из весенних вечеров на закате Владимира посещает видение: Лиза на небе принимает в свои объятия Августину, восклицая: «Блаженная! Ты искупила вину

¹ Розен Е.Ф. Очистительная жертва // Альциона. СПб., 1832. С. 70.

² Там же. С. 73.

друга!»¹ Видение оказывается пророческим: вскоре Штерне получает известие о смерти Августины. Он тяжело заболевает и лежит в горячке. Возвратившийся Саннин, посетив угасающего Штерне и прочитав письмо с известием о смерти его невесты, восклицает, глядя на портрет Августины: «Бедная мученица! Милая очистительная жертва! <...> Для великого дела искупления избирается — только достойнейшее»².

Владимир чудом выздоравливает. Несмотря на искупление вины Владимира («их уже рассудил Всевышний»), Штерне и Саннин сторонятся друг друга: «между обоими стоял несчастный вызов, как неприязненный дух» и, кроме того, «один в другом невольно признавал виновника своей величайшей траты»³. Оба ищут смерти, желая встретить Лизу и Августину, «своих ангелов», на небе, но в последний момент их дуэль расстраивается. Они решают «нести ярмо жизни», оставшись врагами. Весть о начавшемся походе, однако, примиряет их: Саннин и Штерне отправляются искать героической смерти на поле битвы, чтобы предстать со славой перед «своими ангелами».

Трагический мотив очистительной жертвы (параллель с «Борисом Годуновым»: безвинная смерть Лизы — смерть невинной Августины // убийство невинного царевича Димитрия — убийство безвинных Марии и Феодора Годуновых) Розен, как видим, вплетает в канву романтической повести с мистическим содержанием (мотив «супружества на небе» и прямая отсылка к Э. Сведенборгу, а также разнообразные видения, предзнаменования, сопровождающие героев). Очевидно, мы сталкиваемся здесь не с прямым воспроизведением мотива, но с его вариацией, определенной жанром и тематикой розеновской повести. Трагический конфликт в ней заметно ослаблен: смерть Лизы и Августины у Розена обусловлена не столько преступлением и карой за него, сколько идеей о несоединимости земного и небесного. Именно эта идея определяет тему повести и выражается на всем ее протяжении, в то время как мотив «чистой жертвы» отходит на второй

¹ Там же. С. 86.

² Там же. С. 102.

³ Там же. С. 103.

план¹. Розен подчеркивает, что «ангелы» Санина и Штерне слишком чисты для земного бытия. В последней главке «Очистительной жертвы» основная идея повести выражается в словах одного из второстепенных персонажей: «Вы, Штерне и Санин, слишком замечтались в этом мире; вы здесь хотели присвоить себе достоиние небес — вы виноваты, как Прометей: земля может радовать только земным!»²

В балладе «Казнь отца в сыне» (с подзаголовком «Эстонская быль 1221 года») представлена совершенно иная коллизия. Язычники-эсты сбросили «иго датчан, веры крест» и стали убивать христиан. В доме одного эста в это время жил торговый гость, христианин:

Иностранец — посему
Смерть готовилась ему³.

Иностранец заклинает эста его же языческими богами — лучезарным месяцем, домашним змеем, — но злодей отвечает ему на это: «Наши боги судят вас!» — и убивает торговца, нанося ему множество ран кинжалом.

Месяц мертвый лик целует;
Змей, виаьсь, шипит, бушует;
Но хозяин не смущен,
Труп вытаскивает вон.

Убийство не остается безнаказанным. У жены эста рождается младенец с кровоточащими кинжальными ранами:

На младенце те же раны,
Те ж от ног до головы!

Злодей-эст при виде израненного новорожденного сына лишается рассудка:

Вскрикнув, из дому бежит —
Волком кинулся в дуброву,

¹ См. также стихотворение Шиллера «Текла (голос духа)» в переводе Розена (Альциона. 1832. С. 16–17), с которым очевидно перекликается тема повести, что подчеркивается даже прямой отсылкой: два стиха из него цитирует Августина (С. 79).

² Там же. С. 109.

³ Розен Е.Ф. Казнь отца в сыне // Альциона. 1833. С. 76.

Выл, и бегал, и страдал;
Набежав на рать христову,
Копья грудию приял¹.

Мотив очистительной жертвы, как видим, здесь развивается традиционно (что поддерживается самим жанром баллады): за убийство безвинного человека языческие боги наказывают злодея-отца, предав мучениям его невинного сына.

В бегло разобранных нами произведениях, таким образом, отразилось влияние главной идеи пушкинской трагедии в том виде, в каком воспринял ее Розен (в первом случае это влияние слабее, во втором — сильнее).

«Борис Годунов» оказал влияние на становление барона Розена как драматурга. Вполне естественно предположить, что Розен выступил на новом для себя поприще под сильным впечатлением от «Годунова». В 1831 г. он был вовлечен в активное обсуждение народной исторической драмы: помимо «Годунова» оценивал также «Марфу, посадницу новгородскую» М.П. Погодина². Очевидно, на протяжении 1831 г. у Розена созревал замысел собственного произведения в этом роде. К концу года Розен, вероятно, уже работал над первой своей трагедией. Отрывок из нее, получившей название «Россия и Баторий», был напечатан в «Сыне отечества» в марте 1832 г.

¹ Там же. С. 78.

² См.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891. С. 19.

3.2.3. Пушкин в розеновской критике

В период затишья в журнальной борьбе «литературной аристократии» с Ф.В. Булгариным (1832–1835 гг.)¹ Розен посещает «четверги» Н.И. Греча, печатается в «Сыне отечества» (в том числе со статьей против Н.А. Полевого «Нечто о “Московском телеграфе”») и изредка выступает в качестве литературного критика в «Северной пчеле», подписываясь полным именем или криптонимом «Б. Р.». Его перу принадлежат две благожелательные рецензии газеты на сочинения Пушкина.

Отношение Розена к Булгарину в этот период совпадало с отношением пушкинского круга: барон отделял Греча от Булгарина и не очень лестно отзывался о последнем². Только к концу 1840-х гг., когда Розен потерял связь с пушкинским окружением, наметится сближение его с Булгариным. Тогда он станет писать о нем так: «Г<осподи>н Булгарин, которому суждено было проложить столько новых путей в нашей словесности, который, пользуясь заслуженным правом слова, донныне задает тон при всех общих журнальных суждениях»³.

Первая заметка Розена, написанная в апреле 1832 г., посвящена выходу тома III «Стихотворений Александра Пушкина». В самом начале рецензии Розен почти дословно цитирует пушкинскую «маленькую трагедию» «Моцарт и Сальери», сравнивая ее автора с ее героем: «А.С. Пушкин принадлежит к малому числу тех счастливых-гениев...»⁴. Ср. в речи Моцарта: «Нас мало избранных, счастливых-цев праздных...»⁵. Литературная отсылка прозрачна — в той же заметке Розен выделяет «Моцарта и Сальери» как одну из лучших пьес в сборнике.

Называя Пушкина одним из тех писателей, «коих первые подвиги знаменовались правом на триумф, и вся литературная жизнь коих была и есть непрерывное торжество»⁶, Розен сравнивает великого поэта с недавно умершим Гете и в

¹ Мещеряков В.П., Рейтблат А.И, Булгарин Фаддей (Тадеуш) Венедиктович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 350.

² См.: Никитенко А.В. Дневник. Т. 1. 1826–1857. Л., 1955. С. 110.

³ Розен Е.Ф. Новые стихотворения В. Жуковского // Сын отечества. 1849. № 1. Отд. 6. С. 2.

⁴ Розен Е.Ф. Стихотворения Александра Пушкина, 3-я часть // Северная пчела. 1832, № 81 (7 апреля). С. 1.

⁵ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. Т. 7. Драматические произведения / Ред. Д.П. Якубович. [Л.], [1935]. С. 133.

⁶ Розен Е.Ф. Стихотворения Александра Пушкина, 3-я часть.

очередной раз повторяет высочайшую оценку трагедии «Борис Годунов». «Если б позволили пределы газетной статьи — пишет Розен, — то мы с особенным удовольствием теперь, когда мир лишился Гете, означили бы некоторые с ним весьма сходные черты в нашем Пушкине, а именно те, коими не всегда отличаются и превосходнейшие дарования, но кои между тем должно назвать выпренными качествами таких гениев, как Шекспир и Гете. <...> Подобные суждения отвлекли бы нас от подлежащей книги, и так мы, предоставляя всякому умному читателю отыскивать самому эти черты сходства, обращаемся к делу»¹.

Среди пьес, опубликованных в издании («Каждую из них приветствуем как милую знакомку, которой мы уже платили дань удивления, но с коей встречаться рады, припоминая ее свежую прелесть»²), Розен выделяет новую — «Сказку о царе Салтане». Он разбирает ее с точки зрения своего отношения к народному творчеству. По Розену, солидаризовавшемуся во мнениях с Дельвигом и Жуковским, поэзия не должна копировать «простонародность», она призвана возвышать фольклорное до искусства. Фольклор, таким образом, в произведениях поэта должен быть «очищен», «облагорожен», «приглажен»³. «Дабы все области поэзии были возделаны нашим поэтом, — отмечает Розен, — он обратился к простонародной сказке. <...> Отделенная от сора и нечистоты, и сохранившая только свое золото, русская сказка у него золотозвучными стихами извивается по чудесной области народно-романтического»⁴.

В рецензии на пушкинские стихотворения Розен не упускает случая в очередной раз уколоть Н.А. Полевого, автора «Истории русского народа». Во вступлении к разбору он пишет об «одном сметливом журналисте», которому «захотелось сесть в торжественную колесницу Карамзина»⁵.

Примечательно, что в этот же период, в феврале 1833 г., на страницах журнала «Сын отечества и Северный архив» со статьями о Пушкине выступает Бул-

¹ Там же. С. 2.

² Там же. С. 3.

³ Азадовский М.<К.> Автор «Конька-Горбунка» // Литература и фольклор: очерки и этюды. М., 1938. С. 119.

⁴ Розен Е.Ф. Указ. соч. С. 3.

⁵ Там же. С. 1–2.

гарин. Он намеревается создать цикл «писем о русской литературе» и начинает с разбора творчества великого поэта. Булгарин, в отличие от Розена, заявляет, что Пушкина нельзя сравнить с Гете или Шекспиром: заслуги поэтов перед своими народами не равновелики. «Сие дарование и сия заслуга — рассуждает Булгарин о пушкинской поэзии, — более велики *относительно*, нежели *положительно*, т. е. то, что Пушкин сделал в России и для России, не может сравниться с тем, что сделали гении-преобразователи в Англии, Германии и Франции»¹. По Булгарину, Пушкин является «следствием Байрона», а Гете и Шекспир стоят выше Пушкина по той причине что «ум их упитан был науками, а душа их созрела в созерцании природы и человечества»². В отличие от них, Пушкин не основал своей школы, не установил законов вкуса и «не увлек за собой век». Несмотря на дежурные похвалы Пушкину («Пушкин составляет эпоху в нашей литературе»³), статья Булгарина была далеко не апологетической.

В статье о «мелких стихотворениях» упреки Пушкину высказываются еще более определенно: «Не в гнев будь сказано поэту, он не исполнил всех наших надежд»⁴. По Булгарину, Пушкин, ища новых путей, сбился с пути, «на котором тщетно и печально ждал его покинутый им гений»⁵. Виновницей этого стала «дружина» — друзья Пушкина, захвалившие поэта и желающие видеть в нем только художника. Пушкину ставится в упрек и то, что он «погряз в пучине светской жизни» (в этом суждении Булгарин сходил с «московскими любомудрами»).

Продолжения «Письма о русской литературе» не получили. Из пушкинского окружения им дал оценку Н.М. Языков: «Пошлость нестерпимая!»⁶

Вторая статья Розена в «Северной пчеле», опубликованная в феврале 1835 г., посвящена «Истории пугачевского бунта». В отличие от многих крити-

¹ Булгарин Ф.В. Письма о русской литературе. Письмо II. О характере и достоинстве поэзии А.С. Пушкина // Сын отечества. Т. 33. 1835. № 6. С. 311.

² Там же. С. 315.

³ Там же. С. 310.

⁴ Булгарин Ф.В. Письма о русской литературе. Письмо III. О мелких стихотворениях Пушкина. // Сын отечества. Т. 33. 1835. № 6. С. 321.

⁵ Там же.

⁶ Цитируется по: Пушкин в прижизненной критике: 1831–1833. СПб., 2003. С. 434.

ков, Розен высоко оценил метод Пушкина-историка и избранный им стиль повествования. В заметке он полемизировал с негативной рецензией В.Б. Броневского в «Сыне отечества»¹: «Как странно притязания тех, кто ожидал от Пушкина истории, написанной пером *пламенным, кистью Байрона*. Что наш великий поэт сумел быть *не поэтом* в истории — именно это вменяется ему в лучшую похвалу и доказывает, как хорошо он знает непреложные границы каждого изящного искусства»². Розен отмечает в «Истории пугачевского бунта» «мудрую экономию и изящное устройство материала», «точное, истинно художественное разделение света и тени» и «неподражаемую сжатость слога, где не найдете даже ни одного лишнего эпитета»³. В заключении статьи Розен выражает надежду на выход пушкинской «Истории Петра».

На страницах болгаринской газеты имя Пушкина упоминается Розеном и в благожелательной рецензии на перевод романа Томаса Мура «Эпикурец», выполненный А. Савицким, написанной в 1833 г. Во введении к статье Розен делает выпад против французской «неистойовой словесности». Он пишет: «Истинно похвальное было бы дело, если бы один из наших литераторов, к коему публика имеет доверие (внимание наше останавливается на Пушкине предпочтительно), взялся растолковать не имеющим собственного суждения, что новейшая французская литература по причине весьма естественной должна была сбиться в эту крайность; что она, протоптав себе меандрические извилины по обширной области заблуждения, и наконец завладев оною вполне, также должна будет, судя по ее силе и стремительности, своротить на путь истины»⁴. Вероятно, в этом пассаже звучит отголосок бесед Розена с Пушкиным.

Против «неистойой словесности» Розен выступал и впоследствии — на страницах «Сына отечества и Северного архива». В 1834 г. он опубликовал в журнале перевод статьи Д. Низара «О начале упадка легкой литературы». Для Ро-

¹ Пушкин в прижизненной критике. 1834–1837. СПб., 2008. С. 412.

² Розен Е.Ф. История пугачевского бунта, соч. А. Пушкина // Северная пчела. 1835. № 38 (18 февраля). С. 3.

³ Там же. С. 2.

⁴ Б. Р. <Розен Е.Ф.> «Эпикурец», сочинение Томаса Мура. Перевел А. Савицкий // Северная пчела. 1833, № 87 (21 апреля).

зена, как для Низара, наиболее важна проблема нравственности современных сочинений. Статья оканчивается так: «Если я с огорчением говорил о том, что теперь делается по части романа, повести и драмы, и во всех разделах и подразделениях легкой литературы, то это оттого, что тут страдает нравственность. Все надежды литературной будущности должны основываться на нравственности сочинений и на литературной совести авторов»¹. Розен, желая дать пример нравственного произведения, в № 2 «Сына отечества» за тот же 1834 г. поместил нравоучительную повесть «Майор Соболев», подписанную «Б-н Р-н»², — о не состоявшемся по воле Провидения самоубийстве офицера, проигравшего за карточной игрой казенные деньги.

Вопрос о «неистойой словесности», или «ужасно-романтической школе» будет затронут и в пушкинском «Современнике» сразу в нескольких статьях: «О движении журнальной литературы в 1834–1835 гг.» Гоголя, «Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности» Пушкина и «О вражде к просвещению» В.Ф. Одоевского.

Пушкин, как будто воспользовавшись советом Розена — объяснить публике, что новая, или «юная»³ французская литература впала в крайность и блуждает в лабиринте, но со временем выйдет на путь истины, — делится своим мнением о ней: «<Нынешние французские романисты> любят выставлять порок всегда и везде торжествующим и в сердце человеческом обретают только две струны: эгоизм и тщеславие. Таковой поверхностный взгляд на природу человеческую обличает, конечно, мелкомыслие, и вскоре будет так же смешон и приторен, как чопорность и торжественность романов Арно и г-жи Котен»⁴. Он заключает, что ««словесность отчаяния» (как назвал ее Гете), «словесность сатаническая» (как говорит Соувей), словесность гальваническая, каторжная, пуншевая, кровавая, ци-

¹ Низар Д. О начале упадка легкой литературы / Пер. Е.Ф. Розена // Сын отечества и Северный архив. 1834. Т. 41, № 3. С. 192.

² Б-н Р-н <Розен Е.Ф.> Майор Соболев // Сын отечества и Северный архив. 1834. Т. 41, № 3. С. 93–114.

³ Дроздов Н.А. Французская «неистовая словесность» в русской рецепции 1830-х гг. Диссертация ... кандидата филологических наук. СПб., 2013. С. 93.

⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 12. Критика. Автобиография. 1949. С. 70.

гарочная и пр. — эта словесность, давно уже осужденная высшею критикою, начинает упадать даже и во мнении публики»¹.

После 1835 г. Розен перестанет печататься в «Сыне отечества» и «Северной пчеле» и с начала 1836 г. сосредоточится на «Современнике». В газету Греча и Булгарина он вернется только в 1838–1839 гг. с путевыми очерками, написанными в период путешествия по Европе с наследником престола Александром Николаевичем.

¹ Там же.

3.2.4. «Современник»

В первой половине 1830-х гг., после прекращения «Литературной газеты», пушкинский круг нуждался в собственном печатном органе. Задуманная Пушкиным политическая и литературная газета «Дневник», на которую было получено разрешение в 1832 г., не состоялась¹. В течение 1832–1833 гг. Пушкин, Жуковский и Вяземский представляли правительству проекты журналов, но их попытки не имели успеха².

Когда осенью 1831 г. стало известно о замысле И.В. Киреевского издавать журнал под названием «Европеец», новость была воспринята в пушкинском окружении с воодушевлением. Молодой редактор хотел «сплотить вокруг журнала писателей пушкинского круга, сделать новый печатный орган знаменем пушкинского направления в литературе и журналистике»³. На выход «Европейца» отозвались Жуковский, Пушкин, Языков, Баратынский, А.И. Тургенев, В.Ф. Одоевский, О.М. Сомов⁴. В начале 1832 г. вышли первые два номера.

Пушкин писал Киреевскому 4 февраля, отправляя ему отрывок из повести «Домик в Коломне»: «Дай бог многие лета Вашему журналу! Если гадать по двум первым №, то “Европеец” будет долголетен. До сих пор наши журналы были сухи и ничтожны или дельны да сухи; кажется, “Европеец” первый соединит дельность с заманчивостию»⁵.

Близкую мысль высказывал и Розен в письме от 1 февраля. Он горячо приветствовал выход журнала и замечал: «Ваше литературное предприятие обратило на Вас внимание благомыслящих людей, желающих добра нашей бедной словесности; но в особенности мы — пишущая братия — радуемся Вашему “Европей-

¹ См. об этом: Пиксанов Н.К. Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831–1832) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. СПб., 1907. Вып. 5. С. 30–74.

² Гиллельсон М.И. Пушкинский «Современник» // «Современник», литературный журнал, издаваемый А.С. Пушкиным. Приложение к факсимильному изданию. М.: Книга, 1987. С. 3.

³ Фризман Л.Г. Иван Киреевский и его журнал «Европеец» // «Европеец», журнал И.В. Киреевского. 1832 / изд. подг. Л.Г. Фризман. М.: Наука, 1969. С. 419.

⁴ Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь «умственные плотины». М., 1986. С. 119.

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л. Т. 15. Переписка, 1832–1834. 1948. С. 9.

цу”! Дотолу не было ни одного журнала, мнением коего могли мы дорожить: всегда — либо глупая хвала, либо глупая личность! Теперь мы ждем от Вас дельных рецензий, или — если наши творения еще не стоят того, — по крайней мере, доброжелательных замечаний. Нам не надо хвалы, нужна только истина»¹.

«Дельность» — одно из главных достоинств нового журнала для Пушкина и Розена. Жуковский, благословив Киреевского на издание, также замечал: «В душе уверен, что он может быть дельным писателем и что у него дело будет»².

Розен вместе с письмом послал Киреевскому «Баядеру» — перевод стихотворения Гете «Der Gott und die Bajadere» («Бог и Баядера», 1797). Первоначально барон намеревался опубликовать его в «Альционе» на 1832 г., но стихотворение не пропустила цензура. Санкт-Петербургский цензурный комитет отметил, что в переводе «индийский главный бог “Магаде”, властитель земли, ниже названный всеведцем, нисшедший с неба для испытания людей, проводит ночь с распутною баядеркою, которую воспламеняет чистейшей любовью, что производит страшное смешение понятий божества и разврата»³. Розен надеялся, что московская цензура пропустит стихотворение, но на всякий случай писал Киреевскому, что если перевод «не годится», доставит редактору что-нибудь другое. Но напечатанной «Баядеру» Розен так и не увидел — на третьем номере «Европеец» был запрещен за статью Киреевского «Девятнадцатый век».

«Европеец», на который возлагались большие надежды, был закрыт, но в пушкинском кругу продолжали думать о «дельном» издании, способном объединить близких по духу писателей. В декабре того же 1832 г. Розен звал своего приятеля С.П. Шевырева из Москвы в Петербург, сообщая: «Мы бы затеяли какой-нибудь дельный журнал, что есть общее желание»⁴.

Таким журналом спустя три года стал пушкинский «Современник». Поэт задумывал его как ежеквартальное издание, наподобие «английских трехмесяч-

¹ Письма Розена Е.Ф. к Киреевскому И.В. // РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 1.

² Фризман Л.Г. Иван Киреевский и его журнал «Европеец». С. 418.

³ Литературное наследство. Т. 4–6. М, 1932. С. 923.

⁴ Из бумаг Степана Петровича Шевырева // Русский архив. 1878. № 5. С. 48.

ных Reviews»¹. В первом же номере печатаются ближайшие на тот момент к Пушкину литераторы: Жуковский, Гоголь, Вяземский, Плетнев, А.И. Тургенев. Вместе с ними — Розен.

Розен отправил в «Современник» статью «О рифме», оригинальную как по тону, так и по основной идее. Это остроумная «пылкая инвектива» против рифмы в защиту белого стиха. Пушкин не случайно поместил перед ней «маленькую трагедию» «Скупой рыцарь», написанную безрифменным стихом². Очевидно, великий поэт соглашался с основными положениями статьи, несмотря на некоторую парадоксальность розеновских суждений.

Углубляясь в историко-литературные изыскания, Розен обзревает историю рифмы от древности до современности. Он отмечает, что рифма зародилась у арабов. «Поэзия евреев, индусов, греков, римлян и древних скандинавов не знала рифмы»³. Русский народ издавна знал и любил рифму в своих пословицах и поговорках, но в его фольклорных лирических песнях рифму можно встретить редко. Розен задается вопросом: почему русские, знакомые с рифмой, не использовали ее в песнях, — и отвечает: «От того, что считали ее *шуткою*, а шутить не думали своею песнею, т. е. священной истиною душевных излияний. Как балалайка и бубны ладят только с веселием русским, так и рифма согласуется только с красным словцом русского балагура»⁴. Розен называет рифму «пустозвонной игрушкой», характерной для детства народов, и приходит к выводу, что рано или поздно в русской поэзии будет господствовать белый стих.

Помимо прочего, в статье Розен размышляет о европейских влияниях на русскую поэзию XVII–XVIII вв. «Мы говорили о нашей народной поэзии, — пишет Розен, — теперь поговорим о поэзии нашего просвещенного общества в отношении к рифме. Сие общество, могучим гением Петра отторгнутое от народного быта и посвященное в образованность европейскую, по стремительному пути

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: 1937–1959. Т. 16. Переписка, 1835–1837. 1949. С. 69.

² Гиллельсон М.И. Пушкинский «Современник» // «Современник», литературный журнал, издаваемый А.С. Пушкиным. Приложение к факсимильному изданию. М., 1987. С. 25.

³ Розен Е.Ф. О рифме // Современник. 1836. Т. I. С. 138.

⁴ Там же. С. 139.

нововведений обронило много русского, в том числе и верную русскую оценку рифмы. Она из Польши вкралась в Москву. Кантемир, родом не русский, привил ее в нашей поэзии. Ломоносов, этот Петр нашей словесности, совершил исполинский подвиг установлением истинной версификации вместо ложной. Мог ли он совершить более при обстоятельствах, в каких находился? Марбург и тогдашняя немецкая литература не могли навести его на то, что он всего скорее мог бы узнать от русского простолюдина¹. Так, по Розену, появление рифмы в высокой поэзии было вызвано заимствованием европейской литературной традиции, преимущественно польской, а впоследствии немецкой, в то время как при естественном развитии русской литературы в этом роде возобладал бы безрифменный стих, как в народных песнях и былинах.

М.И. Гиллельсон справедливо отмечал: «Вероятно, рифма и белый стих не раз были предметом горячих споров в пушкинском кругу»². Статья Розена, таким образом, была откликом на эти беседы. О том, что размышления Розена перекликались с мыслями великого поэта, свидетельствует статья Пушкина <<Путешествие из Москвы в Петербург>> (1833–1834), в которой поэт так писал о рифме: «Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. *Пламень* неминуемо тащит за собою *камень*. Из-за *чувства* выглядывает непременно *искусство*. Кому не надоели *любовь* и *кровь*, *трудной* и *чудной*, *верной* и *лицемерной*, и проч.»³.

К слову, в 1836 г. Розен много и плодотворно общается с Пушкиным, о чем свидетельствуют его письма и воспоминания. Поэты вместе посещают «субботы» Жуковского, где Гоголь читает «Ревизора». В мемуарной статье «Ссылка на мертвых» Розен красноречиво описывает, как он искренне не понимал комизма гоголевской пьесы и не смеялся, когда смеялись все присутствовавшие на чтениях. Творчество Гоголя, в особенности его сатирическая часть, встречает у Розена стойкое неприятие. Когда Пушкин поместил в третьем томе «Современника» по-

¹ Там же. С. 148–149.

² Гиллельсон М.И. Пушкинский «Современник». С. 25.

³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. 1949. С. 263.

весть «Нос» с поощрительным издательским примечанием, Розен протестовал: как великому поэту мог понравиться этот «пустейший, непонятнейший фарс»¹? В одну из суббот, возвращаясь домой, Розен откровенно разговаривает с Пушкиным о Гоголе и «Ревизоре»: «Я признался, — пишет он в воспоминаниях, — во всех тяжелых, до ужаса доводивших меня впечатлениях от этой комедии»². Мнения Пушкина, высказанного в ответ, Розен не передает, поскольку поэт просил оставить его в секрете.

В первой половине 1836 г. Розен полон энтузиазма в связи с выходом пушкинского журнала. Два раза, 4 февраля и 19 апреля, он вместе с письмами посылает Пушкину свои стихи, но в строгом к поэзии «Современнике» они не появляются — по-видимому, Пушкин их вежливо отклоняет. Не была напечатана и задуманная Розеном статья с «разбором критики наших современных критик, помещенной в “Сыне отечества”»³. Понимая, что Пушкин стремился избежать острополюемических статей — сам формат «Современника» не подходил для продолжительной журнальной полемики, тем более в журнале уже была напечатана большая статья с критикой направления современных журналов («О движении журнальной литературы» Гоголя) — Розен в конце февральского письма подчеркивает: «Я слишком уважаю Ваш журнал, чтобы сделать из него отдушину моего негодования»⁴.

Другая критическая статья, которую Розен собирается направить в «Современник», — статья о Н.В. Кукольнике. 4 февраля барон сообщает Пушкину, что намеревается написать ее, чтобы «доказать вышеупомянутому автору, что все, им написанное, не многого стоит и что он не овладел даже техникой драматического действия; напасть беспощадным образом на избранный им злополучный жанр, принимая во внимание, что у него есть талант, который, будучи усовершенствован, мог бы, быть может, возвыситься над его бледной посредственностью ны-

¹ Розен Е.Ф. Из статьи «Ссылка на мертвых» // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1974. С. 286.

² Там же. С. 285.

³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: 1937–1959. Т. 16. Переписка, 1835–1837. 1949. С. 83. Перевод: там же. С. 382.

⁴ Там же.

нешнего дня»¹. В том же письме Розен замечает, что они с Пушкиным «придерживаются почти одинаковых мнений» о Кукольнике², и поэтому он не видит преграды к напечатанию статьи. Пушкинская ироническая оценка Кукольника хорошо известна: «А что, ведь у Кукольника есть хорошие стихи? Говорят, что у него есть и мысли»³. Розен наверняка знал это мнение. Тем не менее, предложение барона Пушкин также отклоняет.

Стоит отметить, что с течением времени отношение Розена к Кукольнику, своему главному сопернику на драматическом поприще, менялось — оно колебалось от почти восторженного до уничижительного. Кукольник дебютировал в розеновском альманахе: в «Альционе» была опубликована первая его законченная пьеса «Тартини»⁴. Еще в июне 1833 г. Розен в письме к Пушкину так писал о Кукольнике, с которым тогда поддерживал знакомство: «Читали ли вы “Тасса” Кукольника? Это не драматическое произведение, но сочинение весьма примечательное богатством и красотой мыслей. На этих днях он прочтет мне другую пьесу своего сочинения! (“Джюлио Мости”)⁵. В 1850-е гг. Розен в письме к Булгаину называет Кукольника уже не иначе как «золотарем материи низких произведений».

Из всего предложенного Розеном Пушкину, помимо статьи «О рифме», попадает в «Современник» отрывок из его трагедии «Дочь Иоанна III». 19 апреля 1836 г. Розен посылает его Пушкину. В письме он сообщает: «Я замышляю статью столь же странную, как и статья о рифме; я ничего вам о ней не скажу; напишу ее, принесу к вам — и мы вместе над ней посмеемся»⁶.

Спустя месяц, 19 мая, Розен отправляет с письмом к В.Ф. Одоевскому, исполнявшему обязанности редактора, пока Пушкин был в Москве, какую-то статью для второй книжки «Современника» («Если годится, напечатайте! если же

¹ Там же.

² Там же.

³ Никитенко А.В. Дневник Т. 1. 1826–1857. Л., 1955. С. 178.

⁴ Охотин Н.Г., Ранчин А.М. Кукольник Нестор Васильевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 212–215.

⁵ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 15. Переписка, 1832–1834. 1948. С. 64. Перевод: там же. С. 317.

⁶ Там же. С. 107. Перевод: там же. С. 388.

нет, так бросьте!»¹). Комментаторы этого письма в «Литературном наследстве» предположили, что Розен послал Одоевскому отрывок из «Дочери Иоанна III», действительно напечатанный во втором томе «Современника». Нам же представляется, что речь идет о каком-то другом материале (отрывок из трагедии уже был отослан Пушкину), тоже оставшемся неопубликованным — возможно, о той самой «странной статье».

Помещенный во втором номере «Современника» отрывок из «Дочери Иоанна III» — трагедии, которую Розен считал лучшим своим произведением, — представляет собой диалог великого князя Иоанна III с итальянским архитектором Аристотелем Фиораванти. Разговаривают они о политике: Иоанн III интересуется, почему Италия, при расцвете наук и искусств в ней, остается раздробленной на мелкие княжества:

Вы, итальянцы, нечего сказать,
Одарены великим разуменьем
Во всех делах мирских; но отчего
Не можете земли своей устроить
В единый государственный состав?²

Фиораванти объясняет это тем, что Италия — страна художников и ученых: «Художник — царь // В волшебном царстве чувства и мысли, // Но в земском деле малый человек»³. Он говорит, что Италии уже не стать великой, как было в период Римской империи: «силы государственной ядро» раскололось и в ивернях (осколках) блестит. Иоанн спорит: «Русь была // При Ярославе сильным государством, // И так же как ядро разорвалась // На иверни, на множество уделов»⁴. Он вспоминает нашествие монголов и «раздор междуособный», после которых только спустя несколько веков удалось «державный образ государства вылить». Фиораванти отвечает:

¹ Литературное наследство. Т. 58. С. 128.

² Розен Е.Ф. Иоанн III и Аристотель (Из трагедии «Дочь Иоанна III») // Современник. 1836. Т. II. С. 194–195.

³ Там же. С. 195.

⁴ Там же. С. 197.

При Ярославе красовалось только
Младенчество народа твоего.
Суровая судьба остановила
Дальнейшее развитие свежих сил,
И Русь под ней, как озимь под снегами,
Сохранная лежала в долгом сне.
Народная таилась самобытность
В святых дарах креста — и твой народ
Со скаредной Ордою не смешался.
России государственная жизнь
Во чреве смут и зол междоусобных
Невидимо и тайно зачалась¹.

Упоминает Фиораванти и о «Москве — третьем Риме», и о позднейшей легенде о кровном родстве московских великих князей с римским императором Августом. В ответ Иоанн произносит монолог, отдаленно напоминающий монолог Бориса Годунова из пушкинской трагедии («Достиг я высшей власти...»):

Я заложил на вечных основаньях
Святое зданье царства моего —
И будет мой народ велик и вечен,
Но *дорого* мне стоит мой народ!..
Я сердцем влекся к людям в дни молодые
И с ними братски жизнь делить хотел.
Уразумев властительскую тайну,
Я сердце скиптром царственным пронзил,
Уединился в хладное величье,
В неумолимость душу заковал,
Обожествил особу венценосца,
Небесным громом взор вооружил,
Вокруг себя поставил страх и трепет —

¹ Там же.

И создал Русь... И с твердостью для
Пожертвовал и братьями родными...
Как тяжело в великих мужах быть!¹

(Ср. в другом месте у Пушкина: «Тяжела ты, шапка Мономаха!»²).

Пушкин, по-видимому, высоко оценивал этот фрагмент с размышлениями об историческом возвышении Руси и природе государственной власти, поэтому и напечатал его в «Современнике». Не последнюю роль в этом сыграли и заметные переключки новой трагедии Розена с «Борисом Годуновым».

Интерес Пушкина к драматургии Розена подтверждается дневниковой записью поэта, сделанной 2 апреля 1834 г.: «Кук<ольник> пишет Ляпунова. Хомяков тоже. Ни тот, ни другой не напишут хорошей трагедии. Барон Розен имеет более таланта»³. Хотя существует предположение Г.А. Гуковского, что имя Розена упоминается здесь в ироническом ключе («*даже* барон Розен имеет более таланта»)⁴, у нас нет оснований считать свидетельство Пушкина двусмысленным. Например, известно, что в пушкинской библиотеке хранился подаренный Розеном экземпляр трагедии «Россия и Баторий», и Пушкин делал в нем пометы. Так, он отчеркнул на полях рассказ Ивана Грозного о предательстве Курбского⁵. В трагедии «Петр Басманов», тоже подаренной Пушкину сочинителем⁶, великого поэта живо интересовала «побежденная трудность»: Розен написал трагедию о Смутном времени, обошедшись без фигуры Лжедмитрия в списке действующих лиц⁷. Розен, несомненно, интересовал Пушкина как оригинальный исторический драматург, обращавшийся к эпохе собирания единого русского государства («Россия и Баторий», «Дочь Иоанна III») и к истории Смуты («Петр Басманов»). Не исключено, что к драмам Розена, вдохновленным «Борисом Годуновым», Пушкин мог относиться

¹ Там же. С. 199.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 7. Драматические произведения. 1948. С. 49.

³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 12. Критика. Автобиография. 1949. С. 323.

⁴ Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1948. С. 74.

⁵ Гессен А.И. «Все волновало нежный ум...»: Пушкин среди книг и друзей. М., 1965. С. 247–248.

⁶ См.: *Летопись. Вторая половина мая 1835*.

⁷ Розен Е.Ф. Из статьи «Ссылка на мертвых». С. 279–281.

так же, как к некоторым его лирическим опытам: воспринимать их как «отдаленный черновик собственных будущих творений»¹.

В письме к Пушкину от 13 декабря 1836 г. Розен упоминает два стихотворения, о которых он имел разговор с Пушкиным². Вероятно, они тоже предназначались для «Современника», но так и не были в нем напечатаны. Характер отношений Розена с великим поэтом в этот момент позволяет считать, что активное сотрудничество барона в «Современнике» продолжилось бы и в следующем году, но внезапная дуэль и смерть Пушкина прекратили дружескую связь. Вместе с ней оборвались почти все связи Розена в пушкинском кругу. В «Современнике», издававшемся друзьями Пушкина, материалы Розена не публиковались.

¹ Архангельский А.Н. В тоске по контексту (От Гаврилы Державина до Тимура Кибирова) // Архангельский А.Н. У парадного подъезда: Литературные и культурные ситуации периода гласности (1987–1990). М., 1991. С. 164.

² См.: *Летопись. 13 декабря 1836.*

3.3. «Жизнь за царя»

Приступая к обсуждению самого известного драматического произведения Розена — либретто к опере М.И. Глинки «Жизнь за царя» (1836), — мы сталкиваемся с двумя проблемами:

1) Либретто нельзя рассматривать в отрыве от музыки, особенно в случае оперы Глинки, музыка к которой была сочинена и композиция которой была продумана по большей части до того, как Розен принялся за работу над текстом; следовательно, для более взвешенной оценки розеновского труда необходимо обращаться к музыковедческим работам.

2) Творческая история «Жизни за царя», рассказанная в мемуарах Глинки, послужила основой для формирования мифа о недовольстве композитора своим либреттистом, посредственным поэтом «из немцев», который якобы только мешал самовыражению русского музыкального гения (а в советском изводе этого мифа — еще и осуществлял идеологический контроль над работой Глинки вместе с Жуковским)¹. Более того: независимо от позднейшего мнения Глинки первая постановка оперы 27 ноября 1836 г. нанесла удар по литературной репутации Розена, чьи стихи (хотя и не без основания) были признаны публикой бессмысленными, — удар, по-видимому, настолько ощутимый, что Пушкин в декабре того же года предлагал Розену взять псевдоним. Оформившаяся после 1836 г. литературная репутация Розена и позднейший глинкинский миф препятствуют беспристрастному изучению вклада поэта в «Жизнь за царя».

Как можно заметить, в музыковедческих работах последних лет есть тенденция оправдания Розена и признания того факта, что его вклад в оперу Глинки был существенным, хотя и неоднозначным².

В защиту либреттиста выступали еще современники. Так, иной взгляд на

¹ Подробное обсуждение темы «Глинка и “Иван Сусанин” в советской культуре» см.: Ракун М.<Г.> Музыкальная классика в мифотворчестве советской эпохи. М., 2014. С. 451–564.

² См.: Лобанкова Е.<В.> Глинка. Жизнь в эпохе. Эпоха в жизни. М., 2019. С. 227; Угрюмов Н.П. Вариации на глинкинский тему // Советская музыка. 1986. №12. С. 86–96; Фролов С.В. Глинка. М.И. Глинка в XXI веке. Новый взгляд на личность и творчество. Часть 1. Детство в Новоспасском (1804–1817). СПб, 2016. С. 25.; Фролова Е.В. Берлинский архив М.И. Глинки. М., 2006. С. 12.

работу Розена пытался отстоять его приятель В.Ф. Одоевский, которому музыкальные интересы позволяли профессионально судить о трудностях сочинения либретто. В неотправленном письме к В.В. Стасову, биографу Глинки (письмо было опубликовано только в 1892–1893 гг.), он подчеркивал: «Барону Розену — и я радуюсь случаю выговорить эти слова — барону Розену мы все, русские, любящие искусство, обязаны вечною благодарностью: без него опера “Жизнь за царя” не существовала бы. Постигши всю прелесть музыкального создания Глинки, славно владея и русским языком, и русским метром, он подчинил свой отличный талант тем невообразимым условиям, которые требовались в этом деле»¹

Пересмотреть репутацию Розена в это же время попытался его друг, музыкальный критик Ю.К. Арнольд. В своих «Воспоминаниях», увидевших свет в 1892 г., он писал: «На Розена нападали, и еще поныне нападают за стихи под музыку оперы “Жизнь за царя”, за стихи, писанные под гнетом весьма затруднительных условий. А разве рифмованные тексты нынешних опер (напр<имер>, оперы “Пиковая дама”) не в десять раз еще шероховатее, и даже бессмысленнее, хотя стихотворцы оных, кажется, не находились в таких тисках, как автор либретто “Жизни за царя”»².

Эти дружеские реплики не возымели действия. В 1913 г., задолго до переработки либретто поэтом С.М. Городецким в советское время (первая постановка с новым либретто состоялась в 1939 г.), Дирекция императорских театров поручала литературному комитету «переделать и исправить» либретто «Жизни за царя», мотивируя это тем, что текст написан «невероятными оборотами и выражениями совершенно недопустимыми в гениальном произведении Глинки»³.

Первую попытку целостно осмыслить сотрудничество Глинки и Розена и восстановить творческую историю «Жизни за царя» недавно предприняла музы-

¹ Одоевский В.Ф. Приложение к биографии М.И. Глинки (письмо к В.В. Стасову) // М.И. Глинка в воспоминаниях современников. М., 1955. С. 167.

² <Арнольд Ю.К.> Воспоминания Юрия Арнольда. Вып. II. М., 1892. С. 192.

³ Разные известия (хроника) // Русская музыкальная газета. 1913, № 3/31 (28 июля — 4 августа). Стлб.: 666.

ковед С.К. Лащенко в обстоятельной работе «М.И. Глинка и Е.Ф. Розен»¹. Перечислим основные тезисы этой статьи:

1) К работе над либретто весной 1835 г. Розен приступил, находясь в отставке, которую он получил в 1834 г. Предположения о том, что назначению Розена либреттистом способствовала его служба в качестве секретаря цесаревича Александра, а также о том, что Жуковский с Глинкой имели в виду придворную должность Розена, надеясь упростить ход опере, опираются на неточные хронологические сведения из мемуаров Глинки и должны быть признаны неосновательными. Должность секретаря цесаревича Розен получил только 20 августа 1835 г.

2) На основе мемуаров Глинки распространилось заключение о том, что музыкальная часть оперы и замысел сцен были готовы заранее, и либреттисту оставалось только «подлаживать» стихи под музыку. В реальности дело обстояло иначе. Сохранившаяся часть оперного плана, составленного Глинкой, свидетельствует, что часть сцен — не только «проходных», но и особо значимых и впечатляющих, например, явление VI второго действия (по редакции либретто 1836 г.), в котором появляется хор поляков, пришедших в дом к Сусанину («Бог помочь, приятель...»), — он отдавал, как отмечено в плане, «на произвол сочинителя слов». Розен расширил угрозы поляков и три ответа Сусанина до большого самостоятельного эпизода. Появилась небольшая сцена Сусанина, притворяющегося, что он согласен принять «злато». Глинка написал музыку в соответствии с розеновской версией явления. То же произошло с не сохранившейся в плане сценой с поляками в лесу (явление третье третьего действия по редакции либретто 1836 г.). «Развитие по моему плану этой сцены вполне принадлежит барону Розену»², — замечал Глинка.

3) В.Ф. Одоевский описывал, как проходила работа над либретто: «Я брал мелодию Глинки, одноголосную, или многоголосную, и, соображаясь с его намерениями, выставлял ударения на нотах, стараясь дать метру какой-нибудь возможный образ и стараясь сохранить все мелодические изгибы, словом, обращаясь

¹ Лащенко С.К. М.И. Глинка и Е.Ф. Розен // Искусство музыки: теория и история. № 22–23. 2020. С. 156–213.

² Глинка М.И. Записки. М., 1988. С. 67.

с ним, как с редким нежным цветком, где дорог каждый лепесток, каждый пестик, каждая пылинка. По этим метрам и по данной мысли, выраженной музыкой, барон Розен написал большую часть стихов, находящихся в опере; некоторые только сцены были написаны им прежде музыки. <...> Прибавлю к этому певческие прихоти композитора: иную фразу он находил необходимым начать на гласной *a*, другую — на гласной *o*, здесь надобно было вынуть несколько согласных, один стих сократить, другой продолжить и пр. и т. п. Этим объясняется шутка Жуковского о стихах <Розена>, “по сортам разложенных в карманы”¹. Таким образом, сложности при работе над либретто и приписываемые Розену шероховатости слога возникали не только из-за того, что большая часть музыки была готова, но и из-за особых требований композитора к фонетическому ряду стихов, порой в ущерб логике. Внимателен был Глинка и к метроритмическому рисунку стихов, и Розен, как вспоминал Одоевский, справлялся со всеми ритмическими затруднениями, проявив замечательный талант версификатора.

4) Глинка в мемуарах называет Розена «упорным бароном», и исследователи «Жизни за царя» с готовностью принимают эту характеристику, не делая необходимую поправку на то, что сам композитор был не менее упрям и честолюбив. Можно только предполагать, опираясь на «Записки» Глинки, какие ожесточенные столкновения происходили в ходе работы между двумя своенравными сочинителями.

5) Арии Сусанина, в отличие от партий Антонида и Собинина, наполнены иносказаниями-притчами («Высок и свят наш царский дом...»²). Это создает особую «словесную канву» образа сметливого крестьянина. Как отметила Л.Н. Киселева, «туманная» речь Сусанина (ср. «воровской разговор» между Пугачевым и хозяином постоялого двора в «Капитанской дочке», с которой Розен мог ознакомиться в рукописи) имеет сценическую оправданность: полякам она непонятна (на протяжении оперы они восклицают: «Да что ты нас русскою притчей

¹ Одоевский В.Ф. Приложение к биографии М.И. Глинки (письмо к В.В. Стасову). С. 168.

² Розен Е.Ф. Жизнь за царя. СПб., 1836. С. 40.

морочишь?», «Что за странный язык!», «Ты бесишь людей! Говори напрямик!»¹). У поляков в пятом явлении первого действия тоже есть своя речевая характеристика — набор поэтических европеизированных клише (например, «На Марсовом поле мы жизнью играем // И к богу войны Терпсихору ведем»²).

6) Глинка задумывал оперу нового типа — не только первую русскую национальную оперу, но и первую оперу, авторство которой должно было закрепиться за композитором, а не за либреттистом³. Между тем зрители и читатели продолжали традиционно судить драматурга как первенствующего в создании оперы.

7) Ухудшению литературной репутации Розена способствовал Ф.В. Булгарин, написавший отрицательную рецензию на оперу и первый в печати обративший внимание на язык розеновского либретто, упрекнув его в «нерусскости» («Что значит: “Страха не страшусь”? Какой логический и драматический смысл в этом выражении? По-русски ли это сказано?»⁴).

8) Замечания в мемуарах Глинки о Розене как «прилежном немце» с «тощим и бледным лицом», о «ретивом» включении его в работу и т. д. восходят к общему снисходительному отношению к немцам в России XIX в.

Таким образом, в современном музыковедении труд Розена не признается безнадежным: отмечают вклад барона в композиционную и сюжетную часть оперы, а также его версификаторские способности (заметные и в его лирических пьесах), сыгравшие ключевую роль в том, что «Жизнь за царя» получила текст — пусть и не бесспорный, но позволивший первой русской национальной опере явиться на сцене.

Хронология работы над оперой в достаточной степени изучена⁵. Мы попро-

¹ Розен Е.Ф. Жизнь за царя. С. 40, 65.

² Там же. С. 21.

³ Киселева Л.Н. Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет). С. 289.

⁴ Булгарин Ф.В. Мнение о новой русской опере «Жизнь за царя» (окончание) // Северная пчела. 1836, № 292 (21 декабря). С. 1168.

⁵ См.: Летопись жизни и творчества М.И. Глинки: В двух частях / Сост. А.А. Орлова. Часть I. 1804–1843. Л., 1978. С. 80–103.

бовали отразить ее в «Летописи жизни и творчества Е.Ф. Розена»¹.

Известно, что на труд Глинки и Розена имел большое влияние В.А. Жуковский, предложивший композитору сусанинский сюжет и (по воспоминаниям дочери Розена, после предварительного согласования с Николаем I) кандидатуру либреттиста. Есть основания считать, что Жуковский выступал в привычной для него посреднической роли между царем и Глинкой с Розеном (в случае с последним он уже однажды находился в этом амплуа — когда барон в 1834 г. по указанию Николая I переделывал трагедию «Россия и Баторий» в «Осаду Пскова»²). Жуковский сочинил свой вариант финальной сцены и впоследствии активно участвовал в разработке сценографии «Жизни за царя». Как замечает Е.В. Лобанкова, «вероятно, с самого начала Жуковский обещал протекцию в постановке оперы в Петербурге с лучшими русскими артистами. Оттого и все партии Глинка сочинял для конкретных голосов»³.

Предполагаемая роль Пушкина в работе над оперой, в отличие от роли Жуковского и Одоевского, не прояснена. Сохранилась записка Жуковского к Пушкину, написанная в марте 1835 г.: «У меня будут нынче в вечеру, часов в десять, Глинка, Одоевский и Розен для некоторого совещания. Ты тут необходим. Приходи, прошу тебя. Приходи непременно»⁴. До сих пор неизвестно, присутствовал ли Пушкин на этом совещании и что конкретно на нем обсуждалось. Зато не подвергается сомнению интерес Пушкина к опере после ее первой постановки на сцене санкт-петербургского Большого театра 27 ноября 1836 г.: вскоре после премьеры Пушкин попросил у Розена либретто⁵.

Обратимся теперь к собственно литературной части «Жизни за царя», ведь на либретто и композицию оперы воздействовали, прежде всего, литературные образцы. Как справедливо замечает Л.Н. Киселева, столь же сильно было влияние

¹ См.: *Летопись. Январь (?) 1835 — 27 ноября 1836.*

² См.: *Летопись. 4 февраля 1834.*

³ Лобанкова Е.<В.> Глинка. Жизнь в эпохе. Эпоха в жизни. С. 227.

⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 16. Переписка, 1835–1837. 1949. С. 100. Предположительная датировка в Полном собрании сочинений, очевидно, ошибочна: январь–март 1836 (?). Как отмечает составительница летописи жизни и творчества Глинки А.А. Орлова, в 1836 г. подобное совещание уже не имело смысла.

⁵ См.: *Летопись. 13 декабря 1836.*

художественных произведений на становление самого «сусанинского мифа», который увенчала глинкинская опера¹.

Появлению «Жизни за царя» предшествовала опера А.А. Шаховского — К.А. Кавоса (первое представление в 1815 г.) и дума К.Ф. Рылеева «Иван Сусанин» (1823). В первой акцентировалась монархическая героика, во второй — общепатриотическая, «гражданственная» героика (в ее декабристской трактовке). «Жизнь за царя» тяготеет, естественно, к первой. Из оперы Шаховского — Кавоса также перешли в оперу Розена — Глинки четверо основных персонажей: Сусанин, его дочь, приемный сын и жених дочери (у Шаховского последние трое названы вымышленными именами, у Розена — историческими).

Парадоксальное «влияние» думы декабриста Рылеева (впрочем, единственной, понравившейся Пушкину) на ультрамонархическую «Жизнь за царя» неоднократно становилось предметом исследования². Выдвигается предположение, что на думу Рылеева Глинке указал Жуковский. По воспоминаниям Глинки, «сцена в лесу» (блуждание Сусанина вместе с отрядом поляков в чаще и убийство Сусанина) — как считает Т. Ходж, из думы Рылеева, — живо врезалась в его воображение. При развитии этой сцены Розен допускал текстуальные схождения с Рылеевым, но с точностью на источник «влияния» указать трудно.

Например, у Рылеева:

Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!³

У Розена:

Страха не страшусь,
Смерти не боюсь,
Лягу за царя, за Русь!¹

¹ Киселева Л.Н. Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // Лотмановский сборник. Вып. 2. М., 1997. С. 280.

² См.: Киселева Л.Н. Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // Лотмановский сборник. Вып. 2. М., 1997. С. 279–302; Hodge, Thomas P. Susanin, Two Glinkas, and Ryleev: History-making in A Life for the Tsar // Intersections and transpositions: Russian music, literature, and society / edited and with an introduction by Andrew Baruch Wachtel. Northwestern University Press, 1998, pp. 3–19.

³ Рылеев К.Ф. Думы. М., 1975. С. 72.

У Рылеева:

«Погибни, предатель! Конец твой настал!»
И твердый Сусанин весь в язвах упал!²

У Розена:

Погибни ж,
Изменник!
Побейте
До смерти!
Замучьте
Врага!..³

Вместе с тем современные исследователи отмечают, что «Жизнь за царя» «развивает <вслед за С.Н. Глинкой и оперой Шаховского — Кавоса> монархическую составляющую сусанинского сюжета, впервые беллетризованного графом Д.И. Хвостовым и М.М. Херасковым»⁴, то есть «переворачивает» текст Рылеева, погружая вероятные отсылки к нему в совершенно иной контекст.

Возможно, Пушкин, даже если он не участвовал в обсуждении оперы на раннем этапе ее создания, оказывал воздействие на работу подспудно — через «Бориса Годунова». Жуковский мог настоятельно звать Пушкина на совещание с Глинкой и Розеном, понимая это. Подобно пушкинской трагедии, в опере не сохраняется единство места: в первом печатном варианте либретто даже в пределах одного первого действия показывается то «село Домнино на реке Шаче» (явление I), то «бал у начальника польского отряда» (явление V; польская сцена, по замыслу Глинки, в постановках оперы стала отдельным вторым актом, представляющим собой балетную интермедию, игравшую особую роль в противопоставлении русских и поляков, «своего» и «чужого» мира⁵, что было особенно ак-

¹ Розен Е.Ф. Жизнь за царя. С. 41.

² Рылеев К.Ф. Думы. С. 72.

³ Розен Е.Ф. Жизнь за царя. С. 67.

⁴ Велижев М.<Б.>, Лавринович М.<Б.> «Сусанинский миф»: становление канона // Новое литературное обозрение. 2003. № 63. С. 186–204.

⁵ См.: Лобанкова Е.В. Танцующие «чужие» как архетип русской оперы // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. № 5 (52) 2017. С. 54–64.

туально на фоне недавнего польского восстания, — это противопоставление может свидетельствовать о влиянии «Бориса Годунова» и на музыкальную сторону «Жизни за царя»¹), а в третьем действии — то «прогалина в дремучем лесу», то «Москва. Площадь перед Кремлем». Это роднит оперу с ее драматической предтечей, также оформлявшей идеологию «православия, самодержавия, народности», — драмой Н.В. Кукольника «Рука Всевышнего отечество спасла» (1834), где действие переносится из Нижнего Новгорода в стан изменника Заруцкого под Москвой. То же можно сказать и о трагедии Розена «Россия и Баторий» (1833), вдохновленной «Борисом Годуновым»: ее действие происходит в царских палатах в Александровской слободе, в осажденном Пскове и в войске польского короля Стефана Батория.

Как в «Борисе Годунове», отброшено в «Жизни за царя» и единство времени. Временное измерение в опере вообще вызывает много вопросов: в либретто отсутствуют какие-либо ремарки о времени действия, нельзя даже узнать, в каком месяце происходит подвиг Сусанина («топь» в либретто соседствует с «метелью»), время в нем «не реально-историческое, а мифологическое»². Это мифологическое, «сказочное» впечатление поддерживает фольклоризм текста Розена и музыки Глинки. Отряд поляков в опере представляется некой инфернальной силой; в свою очередь, русский лес, сквозь который их ведет Сусанин, называется «заколдованным».

Подобно «Борису Годунову», в либретто Розена присутствуют народные сцены. Наиболее впечатляющая из них — финальное явление III третьего действия «Москва. Площадь перед Кремлем», в котором театральная сцена должна, согласно авторской ремарке, «наполняться народом в радостном ожидании». Поющие в ликовании хоры по случаю избрания нового царя Михаила («Славься, славься, наш русский царь! // Господом данный наш царь-государь!...»³, «Ура ца-

¹ Киселева Л.Н. Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет). С. 292–293.

² Там же. С. 294.

³ Розен Е.Ф. Жизнь за царя. С. 72.

рю! Ура! Ура!»¹) в этом явлении даны словно в противопоставление гнетущей заключительной сцене «Бориса Годунова», в которой «народ безмолвствует», не желая приветствовать нового «царя Димитрия Ивановича».

Национальная опера, созданная Глинкой — Розеном, таким образом, составила параллель национальной трагедии, написанной Пушкиным.

По поводу сближения оперы с драмой Кукольника Л.Н. Киселева пишет так: «Выбирая для Глинки народно-патриотический сюжет, Жуковский не мог не осознавать его близости с сюжетом кукольниковской пьесы. Рискнем предположить, что близость как раз и входила в программу Жуковского, для которого было важно, чтобы новая опера продемонстрировала возможность благонамеренной и проправительственной, но *художественной* интерпретации патриотической темы. Жуковский отчетливо понимал, что складывается канон русского национального искусства и не хотел отдавать его на откуп “шинельным” авторам»². Жуковский, а вместе с ним, вероятно, и Розен, конкурировавший с Кукольником на драматическом поприще, намеревались закрепить этот сегмент литературного поля за собой, за кругом «литературных аристократов».

В этой связи, как можно заметить, «Жизнь за царя», выходящая из окружения Жуковского, встраивается в ряд значимых культурных событий 1836 г., резко укреплявших позиции пушкинского круга: успех на сцене комедии Н.В. Гоголя «Ревизор», получившей одобрение Николая I, и выход пушкинского «Современника». Но это тема отдельной большой работы.

Определяющим мотивом в «Жизни за царя» стал мотив «строительной жертвы»: подвиг самопожертвования Сусанина служит основанием нового счастливого царствования. Избрание царя Михаила сравнивается с зарей, восходом солнца. Замысел глинкинской оперы, таким образом, перекликается с предшествовавшими либретто произведениями самого Розена, в которых он разрабатывал близкий мотив «очистительной жертвы» и строил, с опорой на Карамзина, собственную историософию. Ввиду этого можно заметить, что кандидатура Розе-

¹ Там же. С. 73.

² Киселева Л.Н. Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет). С. 289–290.

на как либреттиста была не случайной — и хотя трагедии Розена не «основали новый русский театр»¹, как он сам предполагал, барон, благодаря своему опыту, смог внести посильный вклад в значительное культурное явление — первую русскую национальную оперу.

¹ Розен Е.Ф. Из статьи «Ссылка на мертвых» // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1974. С. 272.

ГЛАВА 4. ПОЗДНИЕ ГОДЫ (1840–1860)

4.1. Полемика с кругом журнала «Москвитянин»

К началу 1840-х гг. Е.Ф. Розен утратил связи с пушкинским окружением. Большая часть их оборвалась вскоре после смерти Пушкина, в чем признался сам Розен в статье «Ссылка на мертвых» (1847): «Смерть посредника развязала узел моих сношений с его друзьями и приятелями»¹. Сохранялась связь Розена с Жуковским, покровительствовавшим ему во время службы в должности секретаря наследника престола (1835–1840), но и она прервалась с выходом барона в отставку². Длительнее всего знакомство, по-видимому, поддерживалось с князем П.А. Вяземским, о чем свидетельствуют поздние письма Розена к нему. С середины 1840-х гг. поэт, почти всеми забытый, жил с семьей в приобретенном им дачном домике в Полюстрове и публиковал новые сочинения преимущественно в «Северной пчеле» Ф.В. Булгарина и журнале «Сын отечества», в который его пригласил новый редактор, К.П. Масальский, возглавивший издание в начале 1842 г.³

В «Сыне отечества» с 1842 по 1844 г. и с 1847 по 1849 г. (в 1844–1846 гг. журнал не выходил) появлялись не только стихи Розена (баллады на темы древней и средневековой истории⁴, опыт русской идиллии «Родник»⁵, стихотворение памяти Пушкина⁶) и путевые очерки, но и развернутые рецензии (среди них статьи о творчестве Жуковского⁷ и Лермонтова⁸).

В 1847 г., после почти трехлетнего перерыва в издании «Сына отечества»,

¹ Розен Е.Ф. Из статьи «Ссылка на мертвых» // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1974. С. 271.

² См.: Письма В.А. Жуковского к государю императору Александру Николаевичу // Русский архив. 1883. № 3.

³ Рогачевский А.Б. Масальский Константин Петрович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 540.

⁴ Розен Е.Ф. Царь Сой // Сын отечества. 1847. № 1. Отд. 3. С. 6–7; он же. Марциан // Сын отечества. 1842. № 3. Отд. 3. С. 6–8. Здесь же, в «Сыне отечества» Масальского, Розен печатает свою трагедию из ранней средневековой истории «Гелимер, последний царь вандалов».

⁵ Розен Е.Ф. Родник // Сын отечества. 1843. № 3. Отд. 3. С. 2–13.

⁶ Розен Е.Ф. Могила Пушкина // Сын отечества. 1847. № 3. Отд. 3. С. 1–2.

⁷ Розен Е.Ф. Наль и Дамаянти, индейская повесть, соч. В. Жуковского // Сын отечества 1844. № 2. С. 59–66; он же. Новые стихотворения В. Жуковского // Сын отечества. 1849. № 1. Отд. 6. С. 1–19.

⁸ Розен Е.Ф. Стихотворения М. Лермонтова // Сын отечества. 1843. № 3. Отд. 6. С. 1–18.

Розен, вероятно, выступил одним из инициаторов его возобновления. С начала 1847 г. вплоть до завершения сотрудничества с К.П. Масальским Розен принимал в журнале деятельное участие: был его бессменным рецензентом и фактически возглавлял отдел критики¹. О своем вкладе в возрождение «Сына отечества» Розен упомянул в автобиографической «идиллии в октавах» «Загородье на Полуострове» (1848). Рассуждая о том, что теперь, «по должности журнального теурга», он «ведает всех пишущих богов» и «всяческих в словесности духов», поэт писал:

...он *наш* журнал!

Два года ты в волшебном усыпленье,
Любимец мой, как мертвый, возлежал;
Я о твоём желанном пробужденье
Без устали радел и хлопотал!
Нам удалось твоё возобновленье!
И вот журнал идет, идет все вдаль,
Я в радости: прошла моя печаль².

Розен понимал, что после стольких лет «будто дебютировал»³, оказавшись уже в качественно ином литературном окружении, чем в середине 1830-х гг., поэтому вынужден был подкреплять свои суждения авторитетом Пушкина⁴ и представлять себя как «литератора, бывшего в чести, когда и литература была в чести; литератора, с которым наши лучшие современные писатели обращались, как равные с равным»⁵.

Непросто в это время складывались отношения Розена с его московскими литературными приятелями: М.П. Погодиным, С.П. Шевыревым и А.С. Хомяковым, — с которыми он познакомился в 1828 г., участвуя в «Москов-

¹ В январском номере «Сына отечества» за 1847 г. он публикует редакционное предисловие к отделу критики и библиографии (о задачах «истинной художественной критики» и принципах критического отдела журнала) и регулярно выступает в нем с подписанными и анонимными «журнальными заметками»; часть своих рецензий, наполняющих иногда весь отдел, он оставляет без подписи.

² Розен Е.Ф. Загородье на Полуострове // Сын отечества. 1849. № 1. Отд. 3. С. 13.

³ <Розен Е.Ф.> Журнальные заметки // Сын отечества. 1847. № 8. Отд. 6. С. 47.

⁴ См.: Розен Е.Ф. Ссылка на мертвых // Сын отечества. 1847. № 6. Отд. 3. С. 3–40.

⁵ <Розен Е.Ф.> Журнальные заметки // Сын отечества. 1847. № 8. Отд. 6. С. 47.

ском вестнике». Шевырев был постоянным корреспондентом Розена на протяжении 1830-х гг., в переписке с Погодиным еще в 1841 г. барон делился замыслом трагедии о царевице Алексее Петровиче («Борьба Петра с сыном — такой сюжет, на который можно бы положить всю жизнь свою»¹) и хвалил погодинского «Петра», но к концу 1840-х гг. Розен окончательно отдалился от круга московских знакомых.

Принципиальные разногласия между ними выявились в ходе полемики Розена с Шевыревым вокруг книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», которая велась на страницах «Северной пчелы», «Сына отечества» (с одной стороны) и «Москвитянина» (с другой).

Начало конфликту с Шевыревым положила статья Розена «Поэма Н.В. Гоголя об “Одиссее”», опубликованная в «Северной пчеле» в августе 1846 г. В ней барон подверг критике суждения Гоголя из письма «Об “Одиссее”, переведимой Жуковским». Статья сбивалась на фельетон («“Одиссея” не оценена в Европе! Она, может быть, не оценена на хуторе близ Диканьки»²) и содержала бестактные замечания о Гоголе («Разве он знает поэтические произведения всех веков? Разве он известный эллинист, ученый, филолог! Увы! Он так далек от этого всего, как нельзя быть дальше!»³), но свидетельствовала о живом интересе Розена к проблеме и его начитанности в литературе о «гомеровском вопросе». В.Г. Белинский в рецензии на второе издание «Мертвых душ», опубликованной в начале 1847 г. в «Современнике», оценил это выступление Розена следующим образом: «В прошлом году вдруг появилась статья Гоголя о переводе “Одиссеи” Жуковским, до того исполненная парадоксов, высказанных с выпренными претензиями на пророческий тон, что один бездарный писатель нашел себя в состоянии написать по этому поводу статью, грубую и неприличную по тону, но справедливую и основательную в опровержении парадоксов статьи Гоголя»⁴. Несмотря

¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891. С. 15.

² Розен Е.Ф. Поэма Н.В. Гоголя об «Одиссее» // Северная пчела. 1846, № 181 (14 августа). С. 722.

³ Там же.

⁴ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 10. Статьи и рецензии. 1846–1848. М., 1956. С. 51–52.

ря на тон статьи, многие современники находили розеновскую критику убедительной, о чем сообщал Шевырев в письме к Гоголю осенью 1846 г.¹

Печатная полемика Розена с Шевыревым разгорелась не в это время, а позже: в начале 1848 г., уже после выхода «Выбранных мест...» (1847). Обозначим ее ключевые эпизоды:

1) Статья Шевырева о гоголевской книге, напечатанная в «Москвитяине» в январе 1848 г.²

2) Фельетон Булгарина «Журнальная всякая всячина» в номере «Северной пчелы» от 14 февраля 1848 г.³

3) «Ответ С.П. Шевыреву» Розена, напечатанный в номере «Северной пчелы» от 12 марта 1848 г.⁴

4) Статья Шевырева «Ответы» (Булгарину — Барону Розену — «Отечественным запискам» — Белинскому — Несколько слов «Северному обозрению»), опубликованная в апрельском номере «Москвитянина» за 1848 г.⁵

5) «Письмо к “Москвитянину” от барона Розена», напечатанное им в «журнальных заметках» «Сына отечества» в июле 1848 г.⁶

Сам предмет спора в данный момент нас интересует мало. Статья Розена «Поэма Н.В. Гоголя об “Одиссее”» всегда находилась в поле зрения исследователей⁷ и рассматривалась вместе с возражениями Шевырева на нее⁸. Для нас важнее, что из этой полемики, мелочной и иногда переходившей на «личности»,

¹ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 13: Переписка. 1845–1846. М., 2009. С. 429.

² Шевырев С.П. Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя // Москвитянин. 1848. № 1. Отд. критики. С. 1–29.

³ Булгарин Ф.В. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1848, № 36 (14 февраля). С. 141–143.

⁴ Розен Е.Ф. Ответ С.П. Шевыреву // Северная пчела. 1848, № 57 (12 марта). С. 227–228.

⁵ Шевырев С.П. Ответы // Москвитянин. 1848. № 4. Отд. критики. С. 105–125.

⁶ Розен Е.Ф. Письмо к «Москвитянину» от барона Розена // Сын отечества. 1848. № 7. Отд. 6. С. 19–31.

⁷ См.: Шенрок В. Материалы для биографии Гоголя. Т. IV. М., 1897. С. 463–466; Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 6: Выбранные места из переписки с друзьями / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М., 2009. С. 547.

⁸ См.: Бознак О.Н. Перевод «Одиссеи» В.А. Жуковского в восприятии Н.В. Гоголя и С.П. Шевырева // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2016. № 5. С. 6–8.

можно извлечь дополнительные сведения о взаимоотношениях Розена и его московских знакомых.

В статье о «Выбранных местах» Шевырев, отвечая, в частности, на критику Розена (не называя его по имени и не ссылаясь на его газетную статью), пояснял неприятие Гоголем предположения Ф.А. Вольфа, «будто бы все творения Гомера — народные песни и рапсодии»¹. Поддерживая мнение Гоголя о том, что «Одиссея» создана творческой мыслью «одного великого художника», сообщившей поэме художественную целостность, Шевырев замечал: «В этом отношении поверим лучше художественному вкусу Гоголя, нежели какому-нибудь полунемецкому критику, который, видно, поверхностно изучал Гомеровы творения»². Хотя намек на «полунемецкого критика» допускал двойную трактовку (Шевырев мог иметь в виду немецкую гомеровскую критику после Вольфа), Розен воспринял его на свой счет. Так же однозначно прочел его Булгарин, в это время предлагавший Розену сотрудничество в «Северной пчеле»³. В газетном фельетоне он возмутился: «Ужели мы должны судить о достоинстве русских литераторов по их племенному происхождению»,⁴ — и заявил: «барон Розен прилежно изучил Гомера», и его мнение «Москвитянину» следовало бы опровергнуть «категорически, как пристойно ученому журналу, без полунемецких эпитетов»⁵.

Правильность понимания намека своими оппонентами Шевырев подтвердил в статье «Ответы», написав на этот раз прямо: «Что касается до мнения Гоголя о художественной целостности “Одиссеи”, то я, конечно, отдам всегда преимущество художественному его вкусу перед вкусом барона Розена, автора критики на статью Гоголя. Художественный вкус не дается никакою начитанностью. <...> Эпитет полунемецкого критика г. Булгарин отнес прямо к барону Розену. Не от-

¹ Шевырев С.П. Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя // Москвитянин. 1848. № 1. Отд. критики. С. 18.

² Там же.

³ Из архива Ф.В. Булгарина (письма к нему разных лиц) // Русская старина. 1901. Т. CV. С. 387–388.

⁴ Булгарин Ф.В. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1848, № 36 (14 февраля). С. 143.

⁵ Там же.

рекаюсь, но и тут сказана одна только правда»¹. Шевырев, в свою очередь, советовал Булгарину, «который столько заботится о соблюдении приличий», обратить внимание на тон розеновских рецензий в «Сыне отечества».

Розен был настолько задет обмолвкой Шевырева о «полунемецком критике», что спустя год включил ее в свое «Загородье на Полуострове», намекнув на «честную братю» «Москвитянина»:

«Полунемецкий критик!» — говорит
Лжеаристарх, но милый умник... Дело!
Честная братья та мне не простит,
Что русским словом действую я смело².

Через месяц после фельетона Булгарина, в марте, на страницах «Северной пчелы» появился открытый ответ Розена Шевыреву. В нем Розен возражал на антикритику письма Гоголя «Об “Одиссее”...» и сознавался в авторстве некоторых анонимных критик в «Сыне отечества»: двух статей о «Московском сборнике на 1847 г.» и двух рецензий на «Римские письма» А.Н. Муравьева. Розен не без основания полагал, что негативное отношение к нему Шевырева было вызвано неудовольствием по поводу суровой критики его «Истории русской словесности» в «Сыне отечества»³. Статья об издании лекций Шевырева, опубликованная в журнале в январе 1847 г. вместе с редакционным вступлением о критике (написанным Розеном), тоже не имела подписи, и в кругу «Москвитянина» в ее авторстве подозревали разных лиц: Шевырев — Н.И. Надеждина, Погодин — Розена⁴.

В «Ответах», напечатанных в апрельском номере «Москвитянина», Шевырев замечал, что «с сокрушением узнал» о принадлежности рецензий на «Московский сборник» и «Римские письма» барону Розену: «Скажу ему искренно, что я не считал его никогда способным писать такие рецензии»⁵. Он добавлял, что признание Розена «не прибавит ничего к его литературной репутации», а только ей по-

¹ Шевырев С.П. Ответы // Москвитянин. 1848. № 4. Отд. критики. С. 108.

² Розен Е.Ф. Загородье на Полуострове (идиллия в октавах) // Сын отечества. 1849. № 1. Отд. 3. С. 11.

³ Розен Е.Ф. Ответ С.П. Шевыреву // Северная пчела. 1848, № 57 (12 марта). С. 227.

⁴ См.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 9. СПб., 1895. С. 417–423.

⁵ Шевырев С.П. Ответы // Москвитянин. 1848. № 4. Отд. критики. С. 110.

вредит¹, и воздействовал на поэтическое самолюбие барона, замечая, что стихи его, в отличие от прозы, можно узнать «тотчас без подписи» («Это старые знакомые; немецкий их покроем я давно помню»²). Здесь же Шевырев объяснял «гнев» своего прежнего приятеля на «Москвитянин» (который Розен считал возобновленным «Московским вестником» и называл «ученым Тредьяковским в журналах») тем, что редакция «Московского вестника» в свое время «неохотно» публиковала его стихотворения, а «Москвитянин» «не был гостеприимен к его повестям и критикам»³.

Розен отрицал последнее предположение в «журнальных заметках» «Сына отечества». Его ответ имеет характер автобиографического свидетельства, хотя и не во всем точен: «Как мог “М<осковский> вест<ник>” *неохотно помещать* мои стихотворения, когда *ни одного* не поместил, сколько мне известно⁴. <...> В редакцию же “Москвитянина” я не посылал ни критики, ни повести: как же эта редакция могла быть виновата передо мною в негостеприимстве?»⁵ В той же заметке Розен сообщал, что не выписывает «Москвитянин».

Примечательно, что и Шевырев, и барон Розен во взаимных критических выпадах апеллируют к Пушкину. Шевырев, защищая «Московский вестник» от титула «Тредьяковского в журналах», которым его пожаловал Розен, заявляет: «У Пушкина же “Московский вестник” был на другом счету, потому что Пушкин постоянно в нем участвовал»⁶. Он же объясняет благосклонное отношение Пушкина к Розену, которым последний гордится, только тем, что поэт по своему добродушию «хвалил и ободрял всех»⁷. Розен, в свою очередь, упоминает о неизвестных мнениях Пушкина, не вошедших в мемуарную «Ссылку на мертвых». Он соглашается, что поэт хвалил каждого, «может быть, в глаза, из вежливости», но отме-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 109.

⁴ Здесь Розену изменяет память: в «Московском вестнике» было опубликовано одно его стихотворение, «Лето жизни».

⁵ Розен Е.Ф. Письмо к «Москвитянину» от барона Розена // *Сын отечества*. 1848. № 7. Отд. 6. С. 24–25.

⁶ *Москвитянин*. 1848. № 4. Отд. критики. С. 109.

⁷ Там же. С. 110.

чает, что «sub rosa <по секрету>, с собеседником по сердцу, он говорил иное»¹. «Например — пишет Розен, — этот *добродушный* Пушкин не хвалил рецензий одного *очень вам знакомого* человека, называя их *детскими замашками!* Это должно быть известно его друзьям! Если же эти друзья, превозносимые в “Москвитянин” <скорее всего, Розен имеет в виду Гоголя>, откажутся подкрепить своим свидетельством слышанное мною неоднократно от Пушкина, то сошлюсь на всех знатоков в деле критики: один только *Пушкин* мог так *метко* обозначить достоинство рецензий того человека! И что еще удивительнее: предвидеть, что они навсегда останутся такими замашками! По крайней мере, доньше они не выходили из этого разряда»². Вероятно, Розен намекает на Белинского (к которому сам относится отрицательно), вспоминая слышанное им суждение Пушкина о молодом критике. Ср. у Пушкина в «Письме к издателю» о Белинском: «Если бы с независимостью мнений и с остроумием своим соединял он более учености, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности, — словом, более *зрелости* <курсив наш — Н.К.>, то мы бы имели в нем критика весьма замечательного»³.

К этому Розен прибавляет «еще одно слово Пушкина» — о Н.А. Полевом: «“Полевой, с своею *милютинскою* известностью” и проч. Неужели этот сарказм требует постороннего свидетельства в том, что он сказан *Пушкиным!* Узнаешь сарказм по его *штемпелю!*»⁴

Отвечая на упрек Шевырева в авторстве строгих критик на «Римские письма» и «Московский сборник», Розен писал: «С не меньшим сокрушением вижу я, что схоластика расстроила ваше сознание добра и зла! <...> Постараюсь и впредь доставлять в редакцию нашего журнала такие рецензии, в которых я сошелся с мнением публики»⁵. Там же он объяснял пристальное внимание «Москвитянина»

¹ Сын отечества. 1848. № 7. Отд. 6. С. 23.

² Там же.

³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 12. Критика. Автобиография. 1949. С. 97.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 26. Розен не преувеличивал, объявив Шевыреву, что в статьях о «Московском сборнике» он «сошелся с мнением публики». Суждения барона оценили даже враждебные ему

к опечаткам и ошибкам в его стихах тем, что он «сильно нападает на московскую схоластику за парадоксальность ее понятий»¹. Под «московской схоластикой», «схоластикой московской школы», которую Розен трактовал широко, он понимал как присущее «Москвитянину», по его выражению, «гоголефильство», так и идеи славянофильства и панславизма.

Позиция Розена в споре славянофилов и западников, по наблюдению В.Э. Вацура (впервые обратившего внимание на неоднозначность его идеологических установок)², в основных чертах реконструируется из его вступления к рецензии на полное собрание сочинений А.А. Бестужева-Марлинского (написанной в 1848 г., в разгар полемики с Шевыревым). В.Э. Вацуро отмечал, что в представлениях Розена о русском народе и историческом развитии России совмещались «элементы славянофильства и западничества»³. Подобно западникам, Розен считал, что Петр Великий «весь народ выдвинул из его азиатского застоя на путь просвещения», и только после этого Россия вступила в «область Истории»⁴; подобно славянофилам, видел в русском народе особое начало, «врожденную внутреннюю стройность», «неразмышляющее чувство нравственности», противостоящее «западно-романскому» (значимая для Розена оговорка) рационализму⁵. Определенный отпечаток на рассуждения барона накладывала официальная идеология николаевского царствования («вот уже более двадцати лет» совершается «благодетельная реакция в пользу русского чувства», и о дальнейшем народном просвещении заботится «мудрое правительство»⁶).

Чтобы дополнить эту характеристику историософских воззрений Розена, обратимся к двум анонимным рецензиям его на «Московский сборник» 1847 г. (тем самым, об авторстве которых Шевырев узнал «с сокрушением»), помещен-

во всех других отношениях «Отечественные записки». См.: <Дудышкин С.С.> Русская литература в 1847 г. // Отечественные записки. 1848. Т. 56. № 1. Отд. 5. С. 29.

¹ Там же. С. 29.

² См.: Вацуро В.Э. Розен Егор Федорович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М., 2007. С. 343–344.

³ Там же. С. 343

⁴ Розен Е.Ф. Второе полное собрание сочинений А. Марлинского // Сын отечества. 1848. № 4. Отд.6. С. 13.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 12.

ным в №№ 9–10 «Сына отечества» за тот же год. В них Розен последовательно разбирает ученые и литературные статьи сборника и полемизирует с основными положениями славянофильства. Как и в позднейших статьях (о творчестве Марлинского и о повести К.К. Павловой «Двойная жизнь»¹), он восстает против идей о «мысленном и бытовом раздвоении» между «публикой» и «народом», «вражде самобытного начала и чужеземного наплыва», и заключает: «Никакая славянская диалектика не уверит нашего общества, что оно оторвано от народа, когда оно чувствует себя на живом корне народности, ею питается умственно и материально и беспрестанно приемлет от нее русский дух и любовь к России, нашей общей матери»². Обнаруживая в сборнике сильные панславистские тенденции — в «Письмах из Вены» Н.А. Ригельмана и статье Погодина о Праге, — Розен высказывается о них с особенным неприятием, считая их чуждыми русскому народу заграничными (западнославянскими и южнославянскими) веяниями. По поводу наблюдения Погодина, сравнившего девиз «одной чешской партии» «Мы не славяне, а чехи!» с подобными суждениями в России, он замечает: «Можем ли мы не дорожить именем *Святой Руси* перед тою мелкопоместною славянщиною, центром которой называете вы чешскую Прагу? Просвети Бог сего ультраславянофила!»³ Рассуждая, что южные и западные славянские народы — это «частицы, которые, конечно, по воле Провидения, не вошли в состав великого мира славянского, называемого *Россиею*», он показывает себя пангерманистом⁴: полагает, что они рано или поздно «предназначены слиться с миром германским, без сомнения, для пользы сего последнего», так же, как «частицы германского мира» присоединены к России «не без какой-либо благой вышей цели»⁵. В том же ключе Розен будет осуждать панславистские симпатии и десять лет спустя⁶.

¹ См.: Розен Е.Ф. Двойная жизнь. Соч. К. Павловой // Сын отечества. 1848. № 5. Отд. 6. С. 1–19.

² <Розен Е.Ф.> Московский литературный и ученый сборник. Статья I // Сын отечества. 1847. № 9. Отд. 6. С. 2.

³ Там же. С. 14.

⁴ Кацис Л.Ф., Одесский М.П. «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки. М.: Издательский дом «Регнум», 2011. С. 14.

⁵ Там же.

⁶ См.: Розен Е.Ф. Вторая неудача Уваровских наград // Северная пчела. 1859, № 7 (10 января). С. 25.

В Петре Великом Розен видит выразителя «духовной жизни и гигантской нравственной силы» русского народа, демиурга, который «проникнул Русь своим бессмертным гением» и «соделал ее способною совершать все великое и прекрасное, ожидаемое славянофилами», — и представляет его явление как вознаграждение за века скудного умственного и политического развития Руси, как конечный результат «древней истории русского народа», без которого она была бы «тягостна для нашего чувства», хотя и производила таких мужей, как «Иоанн III, Борис Годунов, Алексей Михайлович»¹. Розен сравнивает славянофилов, отрицающих такой взгляд на Петра, с евангельскими книжниками и фарисеями, не признававшими Христа и упорствовавшими «в безрассудных ожиданиях *другого* исполнения завета древних предвещаний». Славянофилы, по Розену, «также не видят, что и в славянском мире наиблистательнейшим образом исполнился завет», что «уже был славянский полубог и положил вековые основания, на которых уже полтора века столь чудесно высится ум и сила нашего отечества»².

В контексте имперской идеологии и своего культурного самоопределения Розен широко понимает национальность. По поводу статьи А.Н. Попова «Шлецер. Рассуждение о русской историографии», замечая некоторое пренебрежение «немцами», он пишет: «Нам всегда жаль, когда видим мелочное, сокровенное неблагоприятие к тем иностранцам (по рождению или фамилии), которые, вписавшись со славою в русскую историю, суть не только *русские*, но и занимают место между *лучшими* природными русскими. И что же такое *природные* русские? Русская *земля* не родила ни одного русского; народ не создан, как человек, из глыбы земли, но составлен и продолжает составляться из скопления разнородных племен, принявших и принимающих одну общую форму, называемую национальностью. <...> Нет и не может быть относительно русской народности никакого различия между теми, которые одинаково служат русскому царю, едят русский хлеб, говорят и пишут русским языком и действуют для славы и пользы России. За-

¹ <Розен Е.Ф.> Московский литературный и ученый сборник. Статья I // Сын отечества. 1847. № 9. Отд. 6. С. 4 — 5.

² Там же. С. 5.

висть к так называемому *не-русскому* — недостойна величия нашего отечества»¹.

Подробно разбирая статью А.С. Хомякова «О возможности русской художественной школы», Розен отмечает, что она «отличается решительно эксцентрическим славянофильством»². В его возражениях на тезис о народном характере искусства заметны классицистические симпатии: «Искусство, в своей чистоте, есть атрибут общечеловеческого, по теории, извлекаемой из всей истории художеств. За исключением только одного народа — эллинского — у всех других народно-индивидуальное в искусстве есть только частная, в истории художеств, конечно, интересная черта, но в отношении к идее и истинной цели их нечто излишнее, ошибочное»³. Розен сожалеет, что ум и начитанность Хомякова применяются «исключительно к неосновательной постоянной идее славянофильства», и замечает об авторе статьи, переходя на литературную «личность», что «славянофильство соделало его в последнее время бесплодным относительно поэтического творчества», а жизнь в поместье с крестьянами не развила его литературного дарования: «Сколь бесплодно для искусства сие общение с народом, это подтверждает пример г-на Хомякова, даровитого поэта, творившего прежде кое-что хорошее: с тех пор, как он сделался славянофилом, он — сколько известно — ничего не творит, а только мудрствует, благодаря европейскому образованию, без которого он был бы боярином времен Василия Темного и знал бы только свои права по местничеству»⁴.

В розеновском обозрении художественной стороны сборника примечательны его возражения на критику К.С. Аксаковым (под псевдонимом Имрек) повести В.Ф. Одоевского «Сиротинка» (о крестьянской девочке, воспитанной в петербургском приюте, вернувшийся в родную деревню и начавшей «учить добру крестьянских детей»). Розен замечал о «Сиротинке» Одоевского, что сюжет ее «до высшей степени» естествен: «Деревенское невежество невольно подчиняется влиянию

¹ Там же. С. 14–15.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же. С. 12.

крестьянства же, возрожденного воспитанием»¹. Он предполагал, что Аксаков, «оскорбившийся» этим произведением, является «горячим заступником деревенщины в первобытном виде ее» по той причине, что он «есть, вероятно, русский помещик, живущий и всегда живший в господском доме»². Считая, что «г-н Имрек» не знает истинного положения дел в деревне, Розен обращался к собственному опыту жизни в крестьянских домах — на постое во время службы в гусарском полку, — «частенько вместе с земледельцем и семьей его»³. Пользуясь случаем, Розен в очередной раз опровергал мнение об оторванности дворянства от низших сословий и критиковал замеченное им у Аксакова противопоставление «общества» и «народа»: «До сих пор мы думали, что собирательное имя *народ* содержит в себе *все сословия* народа, от крестьянина до князя-вельможи; но из слов г-на Имрек <...> явствует, что под названием *народа* славянофилы понимают один только класс *чернорабочих*, и что он-то есть “могущественный хранитель жизненной великой тайны”»⁴. Розен признавался, что сам, познакомившись «с этим классом» народа, полюбил «его прекрасные свойства и удивительные способности» и искренне считает русский народ «первым народом в мире», но подчеркивал, что, говоря о преимуществах русского народа, имеет в виду не один только «класс чернорабочих». Здесь же Розен развивал идею о постепенном распространении просвещения от высших слоев общества к низшим: «Ни у кого в свете познание само собою не развивается, а надобно трудиться, учиться у того, кто больше знает и поэтому *выше нас!* Неучение — тьма! А великая тайна жизни дышит светом. <...> Благодаря отеческой попечительности правительства *весь русский народ* в непродолжительном времени будет грамотным; и тогда мы с вами потолкуем о классе чернорабочих»⁵.

Розен выступал против «московской схоластики» с просветительских позиций, тем не менее признавая самобытность исторического пути России и называя

¹ <Розен Е.Ф.> Московский литературный и ученый сборник. Статья II // Сын отечества. 1847. № 10. Отд. 6. С. 18.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Там же.

русский народ «представителем и единственным выражением всего славянизма». Можно отметить, что и расхождения, и частные схождения Розена с кругом «Москвитянина» во взглядах на историю объяснялись просветительским «западничеством» барона, во многом схожим с его карамзинским и пушкинским пониманием. Можно также заметить, что специфические точки схождения Розена со славянофильством проявились в 1848 г. на фоне известий о европейских революциях: Розен 1847 г., времени рецензий на «Московский сборник», критичнее относился к идеологии «московской схоластики», чем впоследствии. Вместе с тем своеобразие представлений Розена о превосходстве русского народа над народами Западной Европы было обусловлено его собственной концепцией органичного соединения в русском народе «славянского» и «германского» начал. Эту концепцию Розен позже будет развивать в трактате «Отъезжие поля» (1857), в котором предпримет попытку доказать происхождение восточных славян от слияния племен скифов и готов.

4.2. Фольклоризм в творчестве Розена

Идиллия Розена «Родник», напечатанная в «Сыне отечества» в 1843 г., была уже явным анахронизмом, но в связи с ней нельзя не затронуть тему отношения Розена к русскому фольклору и фольклоризма в его поэзии.

Розен вспоминал в автобиографии: «Быв не только оторван, но и целиком отрезан от немецкого духа и от немецкой жизни, и в таком возрасте, когда сердце стремится в мир, я должен был довольствоваться русскою национальностью <...> Часто приходилось мне с гусарами стоять в степной деревне, в ста верстах от полкового штаба, идиллически принимать участие в играх деревенской молодежи, слушать старинные сказки и песни от краснобаев (Krasnobaen), участвовать во всех сторонах народной жизни, и я неприметным образом всю душою вжился в национальный дух. Могу сказать положительно — и мое суждение будет беспристрастно — что в действительной жизни моей, я ничего не встретил привлекательнее и поэтичнее русской народной жизни, как мы находим ее вдали от столбовой дороги, в природном состоянии. Тишайшее дуновение так называемого Просвещения (Aufklärung) обесцвечивает этот прекрасный цветок»¹.

Эти первые впечатления от знакомства с народной жизнью в Поволжье оказали на Розена сильное влияние. Русская фольклорная тема занимает особое место в его творчестве, начиная с 1830-х гг. Как замечал В.Э. Вацуро, Розен «ищет в русском крестьянстве патриархальных нравов, христианских чувств и смирения, а также этических понятий и представлений, близких естественным началам человеческого общества»². Розен стилизует народную песню («Ягодка ль спелая...», «Очи, очи-незабудки...»), стремится создать «русскую идиллию» («Родник»), пишет «народные рассказы» в стихах («Домовой»).

«Песни» Розена далеки от исконно фольклорных, в «Очи, очи-незабудки...» преобладает романтическая «книжная» лексика: «щёки-розы, прелесть света»,

¹ Киселева Л.<Н.> Барон Розен о себе [Электронный ресурс]. // Статьи на случай: Сборник к 50-летию Р.Г. Лейбова. Объединенное гуманитарное издательство Ruthenia.ru, 2013. URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Kiseljova.pdf

² Вацуро В.Э. Розен Егор (Георгий) Федорович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М., 2007. С. 342.

«полн я негою любовной» и т. д. Она ближе к романсу, чем к «русской песне». Более удачный опыт представляет песня «Ягодка ль спелая...» — приведем первый куплет:

Ягодка ль спелая
Манит прохожих красой наливною?
Лебедь ли белая
С царской осанкой стоит над рекою?
Пташка ль дубравная —
Лучшая гостья из вешних гостей —
Голосом славная,
Песнею чудною тешит людей?..¹

Розен обращается в песне к фольклорным образам («лебедь белая», «звездочка ясная», «девица красная»), использует психологический параллелизм, но при этом выдерживает определенную дистанцию, избегая «простонародности». Подобно песням Дельвига, в песне Розена фольклор воспринимается лишь как источник для свободного творчества поэта, он не самоценен. Голос героя стихотворения — голос не народного исполнителя, а романтического поэта, ищущего в народном творчестве вдохновения. Между лирическим героем и его возлюбленной — идиллические отношения.

Такую же позицию можно найти и в идиллии Розена «Родник». Она основывается на действительно народной песне «Как у ключика у гремучева, // У колодезя да студенова ...», о чем сообщает сам автор в примечании. Фольклорный сюжет песни о встрече у колодезя сиротки — «красной девицы» и всадника — «добрého молодца» разворачивается Розеном в обширную идиллическую картину, написанную с использованием книжной лексики. Здесь фольклор, по представлению Розена, «облагораживается» и возвышается до литературы:

В день меженный, в самый полдень знойный,
В чистом поле едет всадник стройный;

¹ Розен Е.Ф. Песня («Ягодка ль спелая...») // Альциона, 1832. С. 43–44.

Бурый конь дорогою степной
Облак пыли тянет за собой.
В пене конь, и всадник явно страдает;
Вся природа томится и жаждет...¹

Основную часть идиллии составляет поэтический диалог всадника и поселянки.

В «народном рассказе» «Домовой» действует фольклорный персонаж («Является сонному некто мохнатый — // Медведь не медведь, а и чорт не простой, // Но леший косматый, старик волосатый...»²), но сам «рассказ» ведется литературным языком. Сюжет этого анекдота прост: ратник, ревнивый муж, уезжая на войну, оставляет молодую жену одну и просит домового, чтобы он следил за ее верностью; по возвращении он узнает, что супруга была ему верна, но каждую ночь ее соблазнял «негодными речами» тот самый домовый. Ратник изгоняет его из дома: «И тотчас он выкурил вон домового!»³

Метод работы Розена с фольклорным материалом близок к методу В.А. Жуковского и А.А. Дельвига. Как замечал М.К. Азадовский, «Жуковский подходит к фольклору как бы сверху. Народная поэзия, с его точки зрения, может войти в литературу только в совершенно переработанном виде и пронизанная точкой зрения поэта, стоящего на вершине социальной лестницы. Фольклор у Жуковского “приглажен” и “облагорожен”. Метод Жуковского характерен для дворянской литературы; в плену такого понимания были и писатели, стоящие гораздо ближе к Пушкину по своим общественным позициям, — например, Дельвиг. Дельвиг также “облагораживает” фольклор; народные песни для него — только материал для создания “изящной” и “легкой” поэзии, отсюда и характер работы Дельвига над фольклором. Он снимает ритмическое своеобразие народных песен, приглаживает их, создает несвойственную им точность и правиль-

¹ Розен Е.Ф. Родник. Идиллия // Сын отечества. 1843. Т. 3. Отд. III. С. 3.

² Розен Е.Ф. Домовой // Новоселье. Ч. 1. 1833. С. 321.

³ Там же. С. 329.

ность, выхлещивает элементы простонародности и т. д.»¹ Столь же характерен этот метод для не чуждых Розену немецких романтиков².

¹ Азадовский М. Автор «Конька-Горбунка» // Литература и фольклор: очерки и этюды. М., 1938. С. 119.

² Азадовский М. Фольклоризм Лермонтова // Лит. наследство. Т. 43/44 <М.Ю. Лермонтов>. Кн. I. М., 1941. С. 236–237.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой работе мы наметили пути дальнейшего изучения литературной биографии Розена в широком историческом и культурном контексте, попытались обобщить актуальные сведения о его жизни и творчестве и предприняли попытку их систематизации в «Летописи жизни и творчества Е.Ф. Розена». На основе «летописи» мы выбрали для более пристального изучения ряд историко-литературных сюжетов, относящихся к разным периодам биографии Розена и ранее мало привлекавших исследователей.

Уделив внимание начальному периоду творчества Розена, в котором он обращался сразу к нескольким литературным традициям — предромантической, романтической и в определенной степени «классицистической» — и экспериментировал в разных жанрах, мы проследили развитие его творческого интереса к темам из русской истории. Мы показали, как использование Розеном условного национально-исторического колорита в первых опытах в жанре исторической элегии и «байронической» поэмы («Развалины Десятинной церкви», «Святополк», «Ксения Годунова») постепенно привело его к усложнению поэтики и изменению характера художественного освоения исторического материала. В свою последнюю романтическую поэму «Рождение Иоанна Грозного» Розен уже вводил вещественные исторические детали, описание быта московских царей, стилизовал речь персонажей под «древность», стремясь соответствовать требованиям «народности». В поэме усиливался драматический элемент, в ней Розен впервые пытался отразить свой личный взгляд на историю России и характер русского народа и транслировал имперские идеологические представления. Все это подготавливало почву для нового этапа в творческой биографии Розена — обращения поэта в начале 1830-х гг. к исторической драматургии, в которой он будет выстраивать свою концепцию Святой Руси и приверженности русского народа самодержавному монарху.

На материале исторических поэм и баллад Розена мы показали, что определяющее значение в его сочинениях имели мотивы «очистительной жертвы» и — особенно в поэме «Рождение Иоанна Грозного» — «династического греха». Все

творчество Розена — от лирических пьес до исторических трагедий и либретто оперы «Жизнь за царя» — пронизано интересом к истории России (как частный случай этого интереса можно воспринимать внимание Розена к сюжетам из истории Ливонии в балладах). Интересовали Розена и современные политические события — в частности, греческое восстание и война Греции за независимость.

Особое внимание мы уделили связям Розена в пушкинском кругу, его отношениям с А.А. Дельвигом в «младшем дельвиговском кружке» и с самим Пушкиным. На протяжении 1830-х гг. Розен был близок к Пушкину, находясь если не в самом пушкинском кругу, то на его ближней периферии. Пушкинские влияния («Кавказский пленник», «Пророк», «Полтава», «Борис Годунов», отдельные стихотворения и, возможно, «Капитанская дочка») сопровождают творчество Розена практически на всем его протяжении. Розен поддерживает Пушкина в своих критических выступлениях и принимает деятельное участие в изданиях «литературных аристократов» и особенно в пушкинском «Современнике». Со смертью Пушкина почти все связи Розена в его окружении оборвались (длительнее всего поддерживалось его знакомство с В.А. Жуковским и П.А. Вяземским).

Подробно рассмотрев эпизод участия Розена в газете А.Ф. Воейкова «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”» в 1831–1832 гг., мы пришли к нескольким выводам:

1) Постоянное сотрудничество Розена в газете было непродолжительным: барон вскоре покинул ее из-за разногласий с Воейковым по поводу гонорара. Сложность отношений Розена в литературных кругах объяснялась не только его авторским самолюбием, но и неустроенным материальным положением — в 1830-е гг. литератор колебался между моделями поведения «свободного творца» и литературного поденщика.

2) Развернутая рецензия Розена на трагедию «Борис Годунов» первоначально предназначалась для «Прибавлений» и была написана на русском языке в феврале 1831 г. Воейков поторапливал автора, надеясь опубликовать ее в газете, пока издание «Годунова» оставалось литературной новостью, но из-за разрыва с Розеном статью не получил.

Об истории этой статьи стоит рассказать подробнее. Не напечатав ее в «Прибавлениях», Розен, по-видимому, дополнял ее в ходе работы над переводом «Годунова» по пушкинской рукописи весной-летом 1831 г. и приберегал ее для «Литературной газеты», в которую вернулся в мае. Однако в газете рецензия на «Годунова» так и не появилась, так как после 30 мая ее издание прекратилось. Статья осталась в редакционном портфеле О.М. Сомова, но в «Северных цветах» на 1832 г. не была напечатана из-за решения в пушкинском кругу не публиковать никаких критических статей в альманахе, посвященном памяти Дельвига.

Только в июне 1833 г. рецензия на «Годунова», наконец, увидела свет, но пока еще не на русском языке. Она была напечатана на немецком в первой книге журнала «Dorpater Jahrbücher» («Дерптские ежегодники») вместе с переводом пушкинской сцены из «Годунова» «Ограда монастырская»¹. В подстрочном примечании Розен дал оригинальный текст выпущенной сцены.

В январе 1834 г. статья была переведена на русский язык А. Савицким (с которым Розен, вероятно, был знаком, что следует из его письма к А.И. Подолинскому) и напечатана А.Ф. Воейковым в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» под заголовком «Мнение барона Е.Ф. Розена о драме А.С. Пушкина “Борис Годунов”». Вместе с ней впервые в русской печати была опубликована «Ограда монастырская».

Мы предположили, что санкция на публикацию в «Прибавлениях» «Ограды монастырской» и «песни Ксении» (в примечании к розеновской статье) была дана самим Пушкиным через Розена. Пушкин, намереваясь в 1834 г. переиздать «Годунова» в расширенной редакции, вероятно, формировал таким образом читательский «горизонт ожиданий».

3) Розен печатался в «Прибавлениях» в том числе под криптонимом «Р.», под которым он опубликовал рецензию на роман Н.И. Греча «Поездка в Германию», две небольшие газетные заметки и эпиграмму на Н.А. Полевого «Историческою дрянью...». Принадлежность этих текстов Розену, а не редактору газеты,

¹ См.: *Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands. Riga und Dorpat, 1833. Bd. I. № 1. S. 43–59.*

представляется нам доказанной.

В опере «Жизнь за царя», как мы предполагаем, отразилось влияние пушкинского «Бориса Годунова» как на композицию, так и на идеологию (противопоставление «русской» и «польской» стихий в музыке и тексте либретто). Этим, по видимому, объясняется настоятельное приглашение от Жуковского к Пушкину прийти на собрание с В.Ф. Одоевским, Глинкой и Розеном в марте 1835 г., когда начиналась работа над оперой. Выбор барона в качестве либреттиста мы, вслед за музыковедами, занимавшимися «Жизнью за царя», считаем не случайным и вполне удачным: Розен имел хорошие версификаторские способности и драматический талант, поэтому смог справиться со всеми трудностями, которые задавала либреттисту музыка Глинки.

Обратившись к позднему периоду биографии Розена — второй половине 1840-х гг., когда поэт утратил все связи с пушкинским окружением, — мы реконструировали его взгляды на славянофильство и описали его взаимоотношения с кругом журнала «Москвитянин». На основании анализа анонимных рецензий Розена на «Московский сборник» 1847 г. и ряда других его статей мы показали, что отношение барона к идеям славянофилов было отрицательным, хотя и двойственным: выступая против славянофильства с позиций просветительского «западничества», опиравшегося на Карамзина и Пушкина, и имперского официального патриотизма, решительно отвергая идеи панславизма, Розен сближался со славянофилами в представлениях о «неразмышляющей нравственности» русского народа, противостоящей «моральности размышляющей» Западной Европы (на последнее мнение Розена, как мы выяснили, повлияли впечатления от революций на Западе в 1848 г.). На концепцию Розена о превосходстве русского народа над «западно-романскими народами» также накладывала отпечаток его собственная теория об историческом слиянии в русском народе «германского» и «славянско-го» элементов.

Изучив «русские песни», идиллию «Родник» и «народный рассказ» «Домовой» Розена, мы отметили, что принцип работы Розена с русским фольклором близок принципам Дельвига и Жуковского: он «облагораживает», «очищает»

фольклор, придает не свойственную ему правильность. Точка зрения в его произведениях – точка зрения поэта, возвысившегося над народным материалом.

С опорой на труды В.Э. Вацура и Л.Н. Киселевой и использованием материалов периодики 1820–1850-х гг., обращаясь к «летописям» жизни и творчества А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского, М.И. Глинки, мемуарам современников, переписке Розена, архивным документам, мы подготовили «Летопись жизни и творчества Е.Ф. Розена». Эта работа позволила нам систематизировать сведения о личных контактах Розена с Пушкиным, Дельвигом, Воейковым и др., уточнить ряд фактов и датировок (в частности, знакомства Розена с Пушкиным, которое произошло между 24 и 27 февраля 1829 г.) и выявить не замеченные ранее мемуарные свидетельства Розена (малоизвестные воспоминания Розена о похоронах О.М. Сомова, сообщения о мнениях Пушкина о Полевом и, по-видимому, о Белинском, известных Розену из личных разговоров с поэтом).

«Летопись жизни и творчества» имеет значение, во-первых, хронологического свода немногочисленных документальных источников для биографии Розена, который позволяет наглядно представить изменение литературной репутации Розена в 1830–1840-е гг., эволюцию его творческих симпатий и интересов, тяготение в разное время к разным изданиям (от «Московского телеграфа» в 1820-е г. и «Современника» в 1836 г. до «Северной пчелы»), — а во-вторых, библиографического указателя его сочинений. Часть произведений и статей мы атрибутировали Розену впервые на основании, прежде всего, его собственных печатных свидетельств, а также путем сопоставления стилистических особенностей текстов: помимо эпиграммы на Полевого и заметок в «Литературных прибавлениях» под криптонимом «Р.», это повесть «Майор Соболев» («Сын отечества и Северный архив», подпись: «Б–н Р–н») и анонимные статьи 1847–1848 гг. в «Сыне отечества».

Значительная часть публикаций Розена в периодике была учтена по существующим библиографическим указателям и указаниям исследователей, другая часть — обнаружена методом сплошного просмотра номеров изданий за определенный период (в особенности это касается газеты «Литературные прибавления к

“Русскому инвалиду”» и журнала «Сын отечества»). Следует отметить, что этот труд нуждается в продолжении: например, необходимо обоснованно атрибутировать Розену авторство некоторых неподписанных статей в «Сыне отечества». В летописи мы учли опубликованные письма Розена к Пушкину, Шевыреву, Булгарину, Ф.А. Кони и др., а также архивные письма к А.И. Подолинскому, И.В. Киреевскому, П.А. Вяземскому, Ф.Н. Глинке, А.Ф. Воейкову и В.Ф. Одоевскому, публикуемые в Приложении 2. Следует отметить, что известна не вся переписка Розена с современниками — реконструкция полного круга розеновских адресатов остается делом будущего и требует дальнейших исследований.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Е.Ф. РОЗЕНА

1800

Декабрь, 16 (28). Эстляндия. Рикхольц. В семье ротмистра барона Федора Розена (Friedrich Gottlieb von Rosen) и баронессы Елены фон Таубе (Helena von Taube) в имении Рикхольц (Rickholz) родился сын Карл Георг Вольдемар (Karl Georg Woldemar von Rosen)¹.

1819

Зима. Воронежская губерния. Розен поступает корнетом в Елизаветградский гусарский полк².

1821

Ноябрь. Саратовская губерния. Елизаветградский гусарский полк переведен в Саратовскую губернию³.

1825

Сентябрь. Москва. Дебют Розена в печати. В «Дамском журнале» (№ 17. С. 175–176) опубликовано стихотворение «Черкешенка Пушкина». Место написания: город Вольск, Саратовская губерния⁴.

1826

Март. Москва. В «Московском телеграфе» Н.А. Полевого напечатаны стихотворения Розена «Дева гор» (№ 5. С. 3–4) и «Картина жизни» (№ 6. С. 42–45)⁵.

¹ Розен А. Е. Очерк фамильной истории баронов фон Розен из родовых домов Рооп, Гохрозен, Шенангерн или Розенгоф, Райскум, Моян и пр. 992–1876. СПб., 1876. С. 77; См. также: Rosen, Karl Georg Woldemar (Egor Fedorovič) Frh. v. (1800–1860) // Baltisches biografisches Lexikon digital [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bbld.de/0000000073288480>

² Вацуро В.Э. Розен Егор Федорович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М., 2007. С. 341; Киселева Л. Барон Розен о себе // Статьи на случай: Сборник к 50-летию Р. Г. Лейбова. Объединенное гуманитарное издательство Ruthenia.ru, 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Kiseljova.pdf

³ См.: Плешаков И.Н. Гусарская быль // Рать саратовская: очерки военной истории Саратовского края. Саратов: Приволжское издательство, 2009. С. 64.

⁴ Подпись: «Г. Волск». См.: Розен Е.Ф. Черкешенка Пушкина // Дамский журнал. 1825. № 17. С. 176.

⁵ Попкова Н.А. Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым. Указатель содержания. Вып. 1: 1825–1828. Саратов, 1990. С. 72, 75.

Июнь. Москва. В «Московском телеграфе» (№ 11. С. 112–113): стихотворение Розена «Спящая Передслава (Отрывок)»¹.

Июль. Москва. В «Московском телеграфе» (№ 13. С. 56–59): «Греческая героиня»².

Август. Москва. В «Московском телеграфе»: «Тоска по юности» (№ 15. С. 100–101) и «К певцу Эды» (№ 16. С. 134–135)³.

Ноябрь. Москва. В «Московском телеграфе» (№ 21. С. 4–6): «Мой идеал»⁴.

Декабрь, после 20. Саратовская губерния. Елизаветградский гусарский полк в составе 2-й гусарской дивизии выдвинулся на новые квартиры в Орловскую губернию⁵.

1827

1827 (?). Орловская губерния, город Севск. Розен пишет «Видение Тасса»⁶.

1827. (?). Киев. Розен (очевидно, находясь с полком на Украине) посещает Киев и сочиняет стихотворение «Развалины Десятинной церкви»⁷.

Декабрь. Москва. В «Московском вестнике» (№ 24. С. 385): «Лето жизни»⁸.

1828

Весна (?). Москва. Розен выходит в отставку и посвящает себя литературной деятельности. В это время он живет в Москве. См. его позднее свидетельство о том, что в московском обществе весной 1828 года он находил «столько прекрасного и привлекательного», что «в десять лет» не мог привыкнуть к Петербургу, а «остальные десять лет» протосковал по Москве, «находясь с нею в тесном ум-

¹ Там же. С. 83.

² Там же. С. 89.

³ Там же. С. 91, 93.

⁴ Там же. С. 102.

⁵ См.: Плешаков И.Н. Гусарская быль. С. 99.

⁶ См. указание места написания: Розен Е.Ф. Видение Тасса // Московский телеграф. 1828, № 16. С. 513.

⁷ См.: Розен Е.Ф. Развалины Десятинной церкви // Московский телеграф. 1828, № 9. С. 74 (подпись к стихотворению).

⁸ Попкова Н.А. Московский вестник. Журнал, издаваемый М.П. Погодиным. 1827–1830. Указатель содержания. Саратов, 1991. С. 33.

ственном сочетании, как тень Ахиллеса с Ифигениею»¹.

Май. Москва. В «Московском телеграфе» (№ 9. С. 71–74): «Развалины Десятинной церкви»².

Июнь, 20. Москва. Ц. р. С.Т. Аксакова на издание Розеном сборника «Три стихотворения». В нем поэмы: «Марина. Сельская повесть», «Ссылный», «Ксения Годунова»³.

Июль, 1...6. Петербург. Розен приезжает из Москвы в Петербург с письмами от С.П. Шевырева к петербургским сотрудникам «Московского вестника»⁴.

Июль, 8. Петербург. Розен намеревается, при посредничестве В.П. Титова, познакомиться с Пушкиным, но не приходит на встречу. См. письмо Титова к Погдину и Шевыреву:

«Германо-русский пиита б<арон> Розен привез мне третьего дни ваши письма; обещал быть ко мне сегодня, чтоб идти со мной к Пушкину, не пришел; завтра хотел уехать в Ревель.

Мне очень жаль, что наше свидание было кратко»⁵.

Июль, после 9. Петербург. Розен уезжает в Ревель (предположительно, он отсутствует в Петербурге до февраля).

Август. Москва. В «Московском телеграфе» (№ 16. С. 507–513): «Видение Тасса». Место написания: город Севск, Орловская губерния (1827?).

Август, после 24. Москва. В журнале К.Ф. Калайдовича и Д.П. Ознобишина «Русский зритель» (Ч. 3. С. 61–62): стихотворение Розена «Сон минутного счастья»⁶.

Декабрь, конец. Петербург. Вышел из печати альманах А.А. Дельвига и О.М. Сомова «Северные цветы» на 1829 год. В нем стихотворение Розена «Тайна

¹ Сын отечества. 1848. № 5. Отд. 6. С. 17.

² Попкова Н.А. Московский телеграф... Вып. 1. С. 158.

³ Розен Е.Ф. Три стихотворения. М., 1828.

⁴ Вацуру В.Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина // Вацуру В.Э. Избранные труды. М., 2004. С. 123.

⁵ Литературное наследство. Т. 16/18. М., 1934. С. 699.

⁶ Розен Е.Ф. Сон минутного счастья // Русский зритель. 1828. Ч. 3. С. 61–62.

розы (Подражание арабскому)» («Долу клонится береза...», с. 153–155)¹.

1828, конец. — 1829, начало. Ревель. В немецкоязычной газете «Esthona» («Эстона») Ф. Шлейхера публикуется выполненный Розеном перевод статьи И.В. Киреевского «Нечто о характере поэзии Пушкина» (Впервые: «Московский вестник». 1828, № 6. С. 171–196)².

1829

Январь, 7. Ревель. В газете «Эстона»: выполненный Розеном перевод «Русской песни» Дельвига («Пела, пела пташечка...», впервые: «Северные цветы» на 1825 год. С. 296)³.

Январь, 21. Ревель. В газете «Эстона»: выполненный Розеном перевод стихотворения Пушкина «Пророк» (Впервые: «Московский вестник». 1828, № 3. С. 269–270)⁴.

Февраль, 18. Ревель. В газете «Эстона»: выполненный Розеном перевод стихотворения Пушкина «Буря» (Впервые: «Московский вестник». 1827, № 2. С. 91)⁵.

Февраль, 19. Петербург. О.М. Сомов посылает цензору К.С. Сербиновичу несколько произведений для готовящегося альманаха «Подснежник» на 1830 год: «...Из стихотворений одно уже вам известное, барона Розена “Черный ангел”, которому по вашему замечанию дал я заглавие “Ангел смерти”. Сделайте одолжение, скажите, можно ли в таком виде его печатать? Кажется, еще очень немногим будем мы еще вас утруждать для “Подснежника”, ибо почти все уже для него собрано и начато печатание сей книжки»⁶.

Февраль, после 24*...27. Петербург. Розен лично знакомится с Пушкиным

¹ Вацуро В.Э. «Северные цветы»... С. 118; Северные цветы. СПб., 1829.

² См.: Исаков С.Г. Журналы «Esthona» (1828–1830) и «Der Refraktor» (1836–1837) как пропагандисты русской литературы // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 266. Тарту, 1971. С. 28.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Там же. С. 30.

⁶ Вацуро В.Э. «Северные цветы»... С. 128.

* В письме к Погодину от 25 февраля Шевырев сообщает, что 24 февраля, в воскресенье, был вместе с Пушкиным у Дельвига, и перечисляет присутствовавших на вечере. Он не упоминает

в гостинице Демута (через С.П. Шевырева, находящегося в это время в Петербурге). При прощании Пушкин, по воспоминаниям Розена, просит о продолжении знакомства¹.

Март, 2. Петербург. Розен во второй раз навещает Пушкина: «<Вежливость> обязала меня еще один раз, ради приличия, побывать у него; после чего я намеревался уже не беспокоить его до тех пор, покуда каким-нибудь важным сочинением не заслужу чести ближайшего с ним знакомства. Прихожу. Он встречает меня восклицанием, что я пришел очень кстати: “Я рассказал Дельвигу, что имел удовольствие с вами познакомиться, и должен был дать ему слово привезти вас к нему: завтра его день в неделе”. Он назначил мне приехать к нему и <на следующий день> повез меня к барону Дельвигу»².

Март, 3. Воскресенье. Петербург. Розен вместе с Пушкиным приезжает на воскресный вечер у Дельвига. Вероятно, читает свои стихи³.

1829. Март, после 3. — 1830. Октябрь. Петербург. Розен входит в круг Дельвига и регулярно посещает его воскресные собрания⁴.

Март, после 3...10 (?). Петербург. Розен отдает Сомову для альманаха «Подснежник» несколько новых стихотворений. По воспоминаниям А.П. Керн, «Пушкин в эту зиму бывал часто мрачным, рассеянным и апатичным. В минуты рассеянности он напевал какой-нибудь стих и раз был очень забавен, когда повторял беспрестанно стих барона Розена <из стихотворения “Венценосной страдалице”>: “Неумолимая, ты не хотела жить”, — передразнивая его и голос, и выго-

Розена, что кажется странным, так как барон знаком и Шевыреву, и его адресату. Очевидно, на этом вечере Розена не было. Это косвенно свидетельствует о том, что знакомство Розена с Пушкиным и Дельвигом произошло не ранее 24 числа (см.: Литературное наследство. Т. 16/18. С. 703–704).

¹ Розен Е.Ф. Из статьи «Ссылка на мертвых» // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1974. С. 273; Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: В 4 т. Т. 3: 1829–1832. М., 1999. С. 24, 532; Ивинский Д.П. Сцена «Ограда монастырская»: Пушкин, Мицкевич, Дельвиг, Розен // Пушкин: Москва: 1826: Альбом по материалам выставки в Государственном музее А.С. Пушкина: Август — декабрь 2006. С. 248

² Розен Е.Ф. Из статьи «Ссылка на мертвых». С. 273–274.

³ Там же. С. 274; Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 3. С. 25.

⁴ См.: Дельвиг А.И. Из «Моих воспоминаний» // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1974. С. 112–113, 119.

вор»¹.

Март, 13. Петербург. Сомов посылает Сербиновичу для цензурирования «новую обузу стихов», в том числе стихотворения Розена: «Прощальная слеза», «Путь любви», «Могильная роза», «Венценосной страдальце»².

Март, после 15. Москва. В «Московском телеграфе» (№ 5. С. 40–43) напечатан выполненный Розеном перевод стихотворения шведского поэта П.Д.А. Аттербума «Лилия».

Март, 22. Петербург. Ц. р. К.С. Сербиновича на издание поэм Розена «Дева семи ангелов» и «Тайна»³.

Март, 23. Петербург. В газете «Северная пчела» (№ 36) напечатана рецензия на книгу «Три стихотворения» Розена. В рецензии отмечается, что переводы стихотворений Дельвига и Пушкина, опубликованные Розеном в газете «Эстона», «весьма похваляются знатоками». Автор рецензии: О.М. Сомов (подпись: С.)⁴.

Апрель, 4. Петербург. Вышел из печати альманах «Подснежник» (ц. р. К.С. Сербиновича — 9 февраля, материалы собирались до конца марта). В нем стихотворения Розена: «Ангел смерти» (С. 149–151), «Прощальная слеза» (С. 184–185), «Венценосной страдальце» (С. 231–236)⁵.

Апрель, 10. Петербург. Сомов в письме к Ф.Н. Глинке, присылая ему альманах «Подснежник», называет себя «повивальной бабкой» Розена и замечает: «Егор Федорович Розен, служивший в гусарах и теперь в отставке и здесь, подает большие поэтические надежды: вы бы подивились, слушая его остзейское коверкание русских слов в разговоре и чтении; но в поэзии его язык чист, и промахов встречается очень мало»⁶.

Апрель, вторая половина (?). — Август, до 21. Ревель. Розен живет в Ре-

¹ Керн А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М.: Правда, 1989. С. 46.

² Вацуру В.Э. «Северные цветы»... С. 129.

³ Розен Е.Ф. «Дева семи ангелов» и «Тайна». СПб., 1829.

⁴ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 3. М., 1958. С. 47.

⁵ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 3. С. 27, 40–41; Подснежник. СПб., 1829.

⁶ Цитируется по: Вацуру В.Э. «Северные цветы»... С. 136–137.

веле¹.

Апрель — Май. Ревель. В газете «Эстона» Розен публикует свое переложение на немецкий язык поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан»².

Май. Москва. В «Московском телеграфе» (№ 10. С. 261) напечатана рецензия Н.А. Полевого на поэмы Розена «Дева семи ангелов» «Тайна»: «...Русской публике известны уже многие стихотворения барона Розена: в двух новых он таков же, как и в прежних. В них читатели найдут прежние достоинства и прежние недостатки»³.

Июнь, 10. Ревель. В газете «Эстона»: выполненный Розеном перевод стихотворения «Романс» Дельвига («Друзья, друзья! Я Нестор между вами...», впервые: «Северные цветы» на 1825 год. С. 340)⁴.

Июль, 1. Ревель. В газете «Эстона»: выполненный Розеном перевод «Русской песни» Дельвига («Соловей мой, соловей...», впервые: «Северные цветы» на 1826 год. С. 127)⁵.

Июль, 8 и 15. Ревель. В газете «Эстона»: выполненный Розеном перевод повести Порфирия Байского (О.М. Сомова) «Русалка»⁶.

Август, 19. Ревель. В газете «Эстона»: выполненный Розеном перевод сцены «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» из «Бориса Годунова» (Впервые: «Московский вестник». 1827, № 1. С. 3–10)⁷.

Август, вторая половина. — Декабрь, начало. Царское Село — Петербург. Розен, совместно с Н.М. Коншиным, собирает материалы для альманаха «Царское Село» на 1830 год.

Август, 21. Царское Село. Письмо Розена к Ф.Н. Глинке в Петрозаводск. Упомянув о своем недавнем возвращении из Ревеля, признается, что только теперь смог получить «почтенное письмо» Глинки (это письмо неизвестно) с благо-

¹ См. письмо Розена к Ф.Н. Глинке от 21 августа 1829 г.: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 382. Л. 1.

² См.: Исаков С.Г. Журналы «Esthona» (1828–1830) и «Der Refraktor» (1836–1837) как пропагандисты русской литературы. С. 30.

³ Московский телеграф. 1829. № 10. С. 261.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 36.

⁷ Там же. С. 32.

склонным отзывом о поэмах «Дева семи ангелов» и «Тайна» (экземпляр книги с поэмами автор, по-видимому, отправил адресату в конце марта — начале апреля). Теперь «читает и перечитывает» это письмо «с особенным удовольствием». Сообщает о недавнем знакомстве с Жуковским, упоминает о знакомстве «в короткое время» с Пушкиным, Дельвигом, Сомовым, и «одобрении сих достойнейших людей», которое сторицей воздает ему за равнодушие критики. Пишет о критике в «Галатее» неизвестным «зоилом» поэмы «Дева семи ангелов». Открывая намерение издать альманах на будущий год, просит Глинку не оставить его «своими пьесами в стихах и прозе». Письма ему советует адресовать в канцелярию главного управляющего Царским Селом генерала Захаржевского (правителем канцелярии был назначен Н.М. Коншин)¹.

Сентябрь, около 20. Москва. Е.А. Баратынский в письме к Коншину, просившему прислать стихотворения для альманаха: «Скажи мое почтение барону Розену; мы познакомились с ним очень мельком у Полевого, и я весьма жалею, что я не успел утвердить с ним приятельской связи. Стихи его показывают человека не только с дарованием, но и с сердцем, а такие люди мне очень по душе»².

Сентябрь, 23. Ревель. В газете «Эстона»: выполненный Розеном перевод сцены «Граница литовская» из «Бориса Годунова» (Впервые: «Северные цветы». 1828. С. 25–27)³.

Октябрь, 28. Ревель. В газете «Эстона»: прозаический перевод поэмы Розена «Ссылный» (1828) под псевдонимом С. Jenny (автоперевод?)⁴.

Ноябрь, до 18. Петербург. Розен посещает Пушкина с просьбой поучаствовать в альманахе «Царское Село». Пушкин дает три стихотворения: «Зимнее утро», «Загадка (При посылке бронзового Сфинкса)» и «Из Гафиза»⁵.

Ноябрь, 18. Петербург. Розен и В.Н. Олин приходят к цензору

¹ Письма барона Розена Егора Федоровича к Глинке Федору Николаевичу // РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 382. РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 382. Л. 1. (См. приложение).

² Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского. 1800–1844. М., 1998. С. 230.

³ Исаков С.Г. Журналы «Esthona» (1828–1830) и «Der Refraktor» (1836–1837) как пропагандисты русской литературы. С. 32.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 3. С. 111.

К.С. Сербиновичу. Розен читает полученные от Пушкина стихи. Сербинович записывает в дневнике: «Поутру были у меня Олин и б.<арон> Розен; последний читал разные пьесы Пушкина и свою для “Царского Села”»¹.

Ноябрь, 21. Царское Село. Письмо Розена к Ф.Н. Глинке в Петрозаводск. От себя и Коншина благодарит за присылку предназначенных для альманаха «Царское Село» «прекрасных произведений, доставленных к нам О.М. Сомовым». Сообщает, что одна пьеса, «Горе и упование», не будет напечатана, «ибо Аладьин ее печатает уже, говоря, что он ее прежде получил». Пишет о себе: «Меня несказанно радует то, что поэт, коего гений обвеваает меня какой-то чудесной жизнью <адресат письма>, полюбил и меня в моих произведениях. <...> Я не хотел было печатать моей прозы, но барон Дельвиг, Сомов и другие отзываются о ней с такой неумеренной похвалою, что сам начинаю думать, не понравится ли она и другим читателям». Упоминает о том, что «Царское Село» на 1830 год печатается, выйдет к новому году, и что издатели уже планируют выпуск альманаха на 1831 год, поэтому надеются, что Глинка не будет «отказываться украшать его своими произведениями». Розен просит у адресата «позволения от времени до времени» писать к нему².

Ноябрь, 29. Ревель. В газете «Эстона»: прозаический перевод поэмы Розена «Тайна» (1829) под псевдонимом С. Jenny (автоперевод?)³.

Ноябрь...Декабрь, начало. Петербург. Пушкин обсуждает с Розеном первое издание «Бориса Годунова» и плагиат Булгариным эпизода из неизданной трагедии в романе «Димитрий Самозванец»⁴.

1829. Ноябрь, после 18. — 1830. Январь. Петербург. Розен обнаруживает «просодическую неисправность» во втором гекзаметре пушкинского стихотворения «Загадка» и указывает на нее Дельвигу, прося исправить погрешность. Дельвиг советует печатать «так, как есть», или показать стихотворение самому Пуш-

¹ Литературное наследство. Т. 58. С. 257.

² РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 382. Л. 3–4.

³ Исаков С.Г. Журналы «Esthona» (1828–1830) и «Der Refraktor» (1836–1837) как пропагандисты русской литературы. С. 33.

⁴ См.: Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 3. С. 539.

кину. При встречах с Пушкиным (в конце ноября — начале декабря) Розен несколько раз заводит речь о «Загадке», но не указывает ему на ошибку. В последней корректуре «Царского Села» он, полагая, «что Пушкин и не заметит такой безделицы», исправляет стих, делая гекзаметр правильным: «Кто, славянин молодой, грек духом, а родом германец?» Пушкин, получив экземпляр альманаха (после 16 января), замечает исправление и, спустя несколько дней, разговаривает об этом с навестившим его Розеном¹.

Декабрь, 2. Петербург. Ц. р. К.С. Сербиновича на издание альманаха Розена и Коншина «Царское Село» на 1830 г. (вышел 16 января 1830). В нем стихотворения Розена «Весталка» (С. 7–10), «Мертвая красавица» (С. 131–132), «А.Н. Дьяконову» (С. 134), «Прелестной москвитянке» (С. 136–137), «Аделина» (С. 145–147), «Не унывай» (С. 158), «Спальня» (С. 167–168), «Борьба» (С. 237–239), «Примирение» (С. 304–305), повесть «Розалия» (С. 169–199), а также фрагменты из поэмы Розена «Рождение Иоанна Грозного»: «Рынды» (С. 161–162) и «Псковитянин» (С. 290–303)². «Псковитянин» вызвал подозрение у Сербиновича, поэтому был отправлен на рассмотрение в Петербургский цензурный комитет, а оттуда — в Главное управление цензуры.

Декабрь, 9. Петербург. Розен вместе с Дельвигом у Сербиновича. Дельвиг приносит прошение в Петербургский цензурный комитет об издании «Литературной газеты». Из дневника Сербиновича: «Поутру у меня был Олин. Немного погодя барон Дельвиг и Розен. Первый принес просьбу о дозволении издавать журнал или газету»³.

Декабрь, 20. Петербург. Ц. р. К.С. Сербиновича на издание альманаха «Северные цветы» на 1830 год. В нем стихотворения Розена: «Путь любви» («Узнали страсть два юных существа...», с.7–9), «Венчальный обряд» («Ты побледнела, друг печальный...», с. 36–37), «Могильная роза» («О роза-сиротка! ты сердцу

¹ Розен Е.Ф. Из статьи «Ссылка на мертвых». С. 277–278.

² Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 3. С. 140; Царское Село. СПб., 1830.

³ Литературное наследство. Т. 58. С. 258. См. также: Дельвиг А.А. Сочинения. Л., 1986. С. 337–339, 422.

родная...», с. 51–52)¹.

Декабрь, 20. Петербург. Главное управление цензуры разрешает печатание отрывка «Псковитянин» из поэмы Розена «Рождение Иоанна Грозного»².

Декабрь, 29. Москва. Погодин пишет в Рим Шевыреву: «Пушкина Бориса я слышал (от Розена, который тебе кланяется) удерживают в канцелярии, пока не вышел “Самозванец”; а между тем в напечатанном отрывке Булгарина видно похищение из него. Помнишь место о географии? Пушкин хочет извиниться перед публикою в заимствовании этих мыслей от Булгарина»³. Погодин также сообщает Шевыреву, что в Петербурге Дельвигом, Пушкиным, Сомовым и др. затевается газета «с целью действовать против» Полевого и Булгарина, и сетует на то, что «аристократическая партия» не помогала «Московскому вестнику». Он добавляет: «Розен сказал, что они радехоньки, что тебя нет в России»⁴.

1830

Январь, 16. Петербург. Вышел альманах Розена и Коншина «Царское Село» (см.: 2 декабря 1829).

Январь, вторая половина. Москва. Рецензия Н.А. Полевого в «Московском телеграфе» (№ 2. С. 233–238) на альманах «Царское Село».

Февраль, 1. Москва. П.А. Вяземский в совместном с Дельвигом письме к Пушкину в Петербург просит: «Отыщи эпиграмму мою на Булгарина, где я жалуясь на похвалы его, она, говорят, у барона Розена, и напечатайте ее в Газете»⁵.

Март, 3. Москва. Ц. р. С.Н. Глинки на издание альманаха «Эвтерпа» (с подзаголовком: «Подарок любительницам и любителям пения»), в который вошли стихотворения, положенные на музыку и исполнявшиеся как песни. В альманахе перепечатано стихотворение Розена «Черкешенка Пушкина» (С. 76–77, впервые опубликовано в 1825 году). Рядом с ним — стихотворение Пушкина

¹ Северные цветы. СПб., 1829.

² <Стасов В.В.> Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1901, № 9. С. 647.

³ Барсуков Н.П. Письма М.П. Погодина к С.П. Шевыреву // Русский архив. 1882. № 5. С. 124. См. также: Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 3. С. 123.

⁴ Барсуков Н.П. Письма М.П. Погодина к С.П. Шевыреву. С. 124.

⁵ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 19 томах. Т. 14. С. 62.

«Черкесская песня» («К реке бежит гремучий вал...», с. 78–79)¹.

Апрель, 14. Ревель. В газете «Эстона»: выполненный Розеном перевод стихотворения И.И. Козлова «Венецианская ночь. Фантазия»².

Июнь, 30. Петербург. В «Литературной газете» А.А. Дельвига (№ 37. С. 5–6) опубликовано стихотворение Розена «Упрек» («Красы блистая цветом нежным...»)³.

Июль, 20. Петербург. В «Литературной газете» (№ 41. С. 41): стихотворение Розена «Элегия» («Она прелестна для меня...»)⁴.

Август, 24. Петербург. В «Литературной газете» (№ 48. С. 92–97) в отделе «Иностранная литература» без подписи публикуются рецензии Розена на книги шведского поэта Б. фон Бескова, изданные в Стокгольме («Поэтические опыты» и «Эрик XIV. Драматическое стихотворение в 2-х частях»)⁵.

Сентябрь — Ноябрь. Царское Село — Петербург. Розен — поначалу вместе с Коншиным — собирает материалы для альманаха «Царское Село» на 1831 год⁶.

Сентябрь, 16. Царское Село. Письмо Розена к Ф.Н. Глинке в Тверь. Пишет, что «с истинным удовольствием» прочел в письме к Коншину его «лестный отзыв» об альманахе «Царское Село» на 1830 год. Поздравляет с «новосельем на берегах Волги» (в марте Глинка был переведен из Петрозаводска в Тверь). Просит прислать прозы и стихов для готовящегося альманаха «Царское Село» на 1831 год: «На этот раз книжка выйдет в начале декабря и будет немного лучше прежней, ибо мы ранее начали думать об издании. Коншин уже написал две повести в прозе, я оканчиваю большую повесть, в прозе же, перевел кое-что с шведского, и надеюсь, что наши литераторы не оставят нас». О себе Розен сообщает, что недавно прибыл из Ревеля, «прилежно занимается» в Царском Селе и еще не

¹ Эвтерпа. М., 1830.

² Исаков С.Г. Журналы «Esthona» (1828–1830) и «Der Refraktor» (1836–1837) как пропагандисты русской литературы. С. 33.

³ Блинова Е.М. «Литературная газета» А.А. Дельвига и А.С. Пушкина, 1830–1831: Указатель содержания. М., 1966. С. 79.

⁴ Там же. С. 82.

⁵ Там же. С. 87.

⁶ Вацуру В.Э. «Северные цветы»... С. 156.

ездил в Петербург¹.

Сентябрь, 18. Москва. Ц. р. С.Т. Аксакова на издание альманаха «Роза граций» на 1831 год. В нем стихотворения Розена: «Не унывай» (С. 25), «А.Н. Дьяконову» (С. 35). Оба стихотворения перепечатаны из альманаха «Царское Село» на 1830 год — так же, как и стихотворения Пушкина «Зимнее утро» (С. 21–23) и «Из Гафиза» (С. 66)².

Октябрь, 3. Петербург. В «Литературной газете» (№ 56. С. 164) в отделе «Смесь»: статья Розена «Отзыв “Вестнику Европы”» — ответ на критику его стихотворения «Весталка» М.Т. Каченовским. Примечательно упоминание Розена о том, что он длительное время отсутствовал в Петербурге (Розен жил в Царском Селе и время от времени отъезжал в Ревель): «После долгого отсутствия приехав в Санкт-Петербург, я имел случай читать критическую статью “Вестника Европы” об альманахе “Царское Село”...»³.

Октябрь, 17. Петербург. Ц. р. Н.П. Щеглова на издание альманаха Розена «Царское Село» на 1831 год⁴.

Октябрь, 18. Петербург. В «Литературной газете» (№ 59. С. 183): стихотворение Розена «Гелиос» («Как вечер мил! Царь дня зашел прекрасный...»)⁵.

Октябрь, 20. Петербург. Ц. р. Н.П. Щеглова на издание поэмы Розена «Рождение Иоанна Грозного»⁶.

Октябрь, конец. Петербург. А.А. Дельвиг в письме к М.Д. Деларю: «Барон Розен у меня бывает всякий день и в рассеянии не заметил, что я хвораю. Он мне говорил, что вы его спрашивали обо мне и он отвечал, что я здоров. Не верьте ему, если бы мне можно было выходить, давно бы вы меня видели у вас»⁷.

Ноябрь, начало (?). Петербург. Розен прекращает общение с Дельвигом, не принимая критики своей новой поэмы, и покидает круг «Северных цветов» и

¹ РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 382. Л. 5–5 об.

² Роза граций. М., 1830 (обл. 1831).

³ Литературная газета. 1830, № 56. С. 164.

⁴ Альциона. СПб., 1831.

⁵ Блинова Е.М. «Литературная газета» А.А. Дельвига и А.С. Пушкина, 1830–1831. С. 94.

⁶ Розен Е.Ф. Рождение Иоанна Грозного. СПб., 1830.

⁷ Дельвиг А.А. Сочинения. Л., 1986. С. 345.

«Литературной газеты» из-за разногласий по поводу материалов для своего альманаха¹.

Ноябрь, 24. Петербург. Розен в ответном письме к А.И. Подолинскому, приславшему новые пьесы для публикации в альманахе, признается: «И я в разладе с литературными аристократами — что делать!»² Между тем он пишет о том, что «Литературная газета» временно запрещена («Дельвиг был непростительно неосторожен»), и сообщает подробности о жизни и творчестве Пушкина, свидетельствующие о сохранении им контактов с ближним окружением поэта: «...В Москве все еще свирепствует холера; руки опустились у тамошних поэтов. Пушкин живет в своей нижегородской деревне, а невеста его в Москве! Его женитьба, как говорят, расстраивается; невеста его любит, но будущая теща не жалуется *notre aimable poète a contre soi toutes les erreurs de sa première jeunesse* <нашего любезного поэта, против него все заблуждения его ранней юности (фр.)>! Он теперь пишет вроде Петрарки: «Ты, моя Мадонна! чистейшей прелести чистейший образец!» Уж он вправду *огончарован!*»³ Также Розен делится своими планами: «Я всю зиму пробуду в Петербурге, а, может быть, летом, на короткое время, поеду в Ревель, к морским водам. Если Бог продлит мои дни, то ежегодно буду издавать альманах с помощью любезного певца “Пери”, “Борского”, “Нищего” и “Русалки” <т.е. А.И. Подолинского>»⁴.

1830. Ноябрь, 26. В № 95 газеты «Le Furet» в отделе «Эхо русской литературы»: «Г<осподин> де Розен, имя которого известно в русской литературе с хорошей стороны, завершил большую романтическую поэму, озаглавленную “Рождение Иоанна Грозного”»⁵

1830. Ноябрь (?). — 1832. Ноябрь. Петербург. Розен периодически бывает на литературных собраниях у А.Ф. Воейкова, устраиваемых им по пятницам в

¹ Вацуру В.Э. «Северные цветы»... С. 156.

² ОР РГБ. Ф. № 232. к. № 3. Ед. хр. № 32. Л. 1 об.

³ Литературное наследство. Т. 58. М., 1952. С. 100; Письма Розена Е.Ф. к Подолинскому А.И. // ОР РГБ. Ф. 232. К. 3. № 32. Л. 1–Л. 2 об.

⁴ Там же. Л. 2 –Л. 2 об.

⁵ Сперанская Н.М. Петербургская газета "Le Furet" - "Le Miroir" и русская литература конца 1820-х - начала 1830-х годов: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. Тверь, 2005. С. 281.

своем доме на Шестилавочной улице¹.

Декабрь, 2. Петербург. В «Литературной газете» (№ 68. С. 262–263): рецензия Дельвига (без подписи) на поэму «Безумная» И.И. Козлова и поэму Розена «Рождение Иоанна Грозного»².

Декабрь, 16. Петербург. В Цензурном комитете удовлетворено прошение Розена о перемене названия своего альманаха на 1831 год с «Царское Село» на «Альциона»³.

Декабрь, 18. Петербург. Ц. р. Н.П. Щеглова на издание альманаха «Северные цветы» на 1831 год. Сочинений Розена в альманахе нет.

Декабрь, 24. Петербург. Сомов в письме к М.А. Максимовичу сообщает: «Розен рассорился с нами ни за что ни про что: требовал, чтобы мы отдали лучшие статьи стихов и прозы «Северных цветов» в его «Альциону»; мы не дали — inde ira <отсюда гнев (лат.)>»⁴.

1830. Декабрь, конец. — 1831. Январь, до 4. Петербург. Выходит альманах Розена «Альциона» на 1831 год. В нем стихотворения Розена («Миролог», «Постоялый двор», «Катерина Менедоттер», «Песнь слепца», «Два ангела», «Идалийская роща», «Исступление», «Сон», «Существование и жизнь», две эпиграммы) и повесть «Константин Левен». В стихотворном отделе: произведения Баратынского, Ф.Н. Глинки, Н.М. Языкова, Подолинского, Деларю, Карлгофа, Сиянова, Ротчева, Романовича, Трилунного и др. В прозаическом: проза Ф.Н. Глинки, Н.И. Греча, Карлгофа и др⁵.

1831

Январь, 3. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» Воейкова (№ 1. С. 6.): стихотворение Розена «Поэту».

Январь, после 6. Москва. В журнале Н.И. Надеждина «Телескоп» (Т. 1.

¹ См. об этом: <Бурнашев В.П.> Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Русский вестник. 1871. Т. 95. С. 268–272; Т. 96. С. 142–152.

² Блинова Е.М. «Литературная газета» А.А. Дельвига и А.С. Пушкина, 1830–1831. С. 102.

³ Егоркин А.И., Шляпкин И.А. Литературные дела архива Цензурного комитета // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 29–30. Пг., 1918. С. 125.

⁴ Письма О.М. Сомова к М.А. Максимовичу // Русский архив. 1908. № 10. С. 263.

⁵ Альциона. СПб., 1831; Северная пчела. 1831, № 3 (5 января).

Ч. 1. С. 120–126) печатается рецензия на поэму Розена «Рождение Иоанна Грозного» и перевод «Макбета», выполненный А.Г. Ротчевым.

Январь, 7. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (№ 2. С. 14–15): стихотворение «Признание».

Январь, 7. Петербург. В № 2 газеты «Le Furet» в отделе «Эхо русской литературы»: «Первый из альманахов, появившихся в этом году, — “Альциона”, изданная г. бароном Розеном. Поэтическая часть этого литературного сборника была бы весьма слаба, если бы ее не поддержали прелестные стихотворения Подолинского и несколько сцен из трагедии Бескова, скандинавского Шиллера, в переводе издателя. — Прозаическая часть богаче. <...> Пожелаем, чтобы г. Розен очистил свой слог от германизмов, недопустимых в русском языке, и более тщательно отбирал для своего альманаха стихи»¹.

Январь, 10. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (№ 3. С. 22–23): рецензия Розена на книгу «Макбет, трагедия Шакспира. Из соч. Шиллера, перевод А. Ротчева».

Январь, 14. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (№ 4. С. 26–29): рецензия Розена на книгу «Безумная, русская повесть в стихах, сочинение Ивана Козлова».

Январь, 14. 8 часов вечера. Петербург. Скончался А.А. Дельвиг².

Январь, 18. Петербург. Во франкоязычной газете «Le Furet» («Хорек») в отделе «Эхо русской литературы» В.П. Бурнашев сообщает о том, что Розен собирается к Пасхе издать новый альманах под названием «Ландыш». Автор прибавляет: «Видевшие портфель издателя уверяют, что особенно богат и изобилен будет поэтический отдел» (альманах с таким названием издан не был). В той же статье Бурнашев пишет: «“Приложение к Инвалиду” отличилось несколькими красивыми стихотворениями гг. Карлгофа и Розена»³.

¹ Сперанская Н.М. Петербургская газета "Le Furet" — "Le Miroir" и русская литература конца 1820-х - начала 1830-х годов. С. 290–291.

² Летопись жизни и творчества Пушкина. Т. 3. 291.

³ Сперанская Н.М. Петербургская газета "Le Furet" — "Le Miroir" и русская литература конца 1820-х - начала 1830-х годов. С. 298

Январь, 24. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (№ 7. С. 54): стихотворение «На исход 1830 года».

Январь, 28. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (№ 8. С. 59–60): в отделе «Пересмешник» напечатана заметка «Литературная новость» по поводу курьезных суждений берлинских газет о современной русской литературе (о «Полтаве» Пушкина и сочинениях Сомова). Заметка принадлежит Розену (подпись: «Р.»).

Январь, 31. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (№ 9. С. 70): эпиграмма на Н.А. Полевого, принадлежащая Розену (подпись: «Р.»).

Февраль, 4. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (№ 10. С. 75–78): рецензия на книгу Н.И. Греча «Поездка в Германию. Роман в письмах», принадлежащая Розену (подпись: «Р.»).

Февраль, после 13. Петербург. В «Санкт-Петербургском вестнике» Е.В. Аладьина: стихотворения «Не забудь меня» (Т. 1. С. 87) и «К лилии» (Т. 1. С. 159).

Февраль, 14. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (№ 13. С. 103): стихотворение «На отъезд Сиянова в действующую армию».

Февраль, 14. Петербург. Письмо Розена к Воейкову. Возвращает адресату книги (очевидно, бывшие у Розена на рецензировании). Упоминает о своем «разборе “Бориса Годунова”» (Воейков, вероятно, хочет поскорее опубликовать его в газете). Разбор еще не готов, поэтому Розен заявляет нетерпеливому редактору: «Прошу вас вспомнить, что вы получили от меня десять стихотворных пьес и четыре статьи в прозе; и так мне кажется, что я еще имею полное право на благодарность вашу и количеством, и качеством моих пьес». Он заключает: «Если вы думаете, что я в долгу перед вами, то можно опять пояснить это недоразумение — каким-нибудь образом! Я очень уступчив!»¹

Февраль, 22. Воскресенье. Петербург. Розен посещает Греча. Тот благо-

¹ Письма бар. Розена к А.Ф. Воейкову // РГАЛИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 1.

склонно отзывается о рецензии на свою книгу «Поездка в Германию» (см. 4 и 24 февраля 1831).

Февраль, 24. Петербург. Письмо Розена к Воейкову. Просит оказать услугу «доставлением четырехсот рублей» (вероятно, в счет своего годового гонорара). Сообщает, что критический разбор «Бориса Годунова» окончен и переписан — его «достанет на три большие отделения». Обещает отдать его редактору завтра, так как хочет «прочсть его одному приятелю». Пишет, что в прошедшее воскресенье был у Греча, который «весьма доволен» разбором «Поездки в Германию». Розен оговаривает условия сотрудничества в газете: требует 2000 рублей в год («менее и взять не могу, ибо жизнь в Питере дорога, квартира одна стоит мне 45 руб. в месяц — и к вам я переехать уже не могу»). Просит редактора «отказать напрямки», если эти требования покажутся ему чрезмерными, но в «изустном разговоре» никогда не упоминать «о содержании сего письма». Обещает, что отказ Воейкова не прервет между ними «приятельскую связь»: «Я либо пристану к другому изданию, либо приму должность, мне предлагаемую ныне <должность при дежурном генерале Главного штаба, которую Розен получит в июне (см. 27 июня 1831)>, — а вам изредка все буду давать несколько стишков»¹.

Февраль, 25. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (№ 16. С. 126): стихотворение «Бессмертие красоты»

Февраль, 27. Петербург. Письмо Розена к Воейкову. Получив бесплатно 15 и 16 номера «Литературных прибавлений» «в сегодняшнее утро», Розен пишет редактору, что был «приятно разуверен» в том, что их «литературный разрыв, причиняемый недоумением с обоюдной стороны», не прервал их знакомства. Розен поясняет, что разные обстоятельства помешали ему на днях посетить Воейкова, «чтоб кончить наше литературное дело, к полному удовлетворению Вашему»². В заключение письма Розен благодарит адресата за доставление ему письма от П.Г. Сиянова и сообщает, что намеревается писать к нему с оказией — графом Д.Н. Толстым-Знаменским, очевидно, отправляющимся в Царство Польское.

¹ Там же. Л. 3–3 об.

² Там же. Л. 5; см. также: Вацуру В.Э. Мицкевич и русская литературная среда 1820-х гг. (Разыскания) // Вацуру В.Э. Избранные труды. М., 2004. С. 677.

Февраль...Март (?). Записка Розена к Воейкову. Просит «принять на себя труд» передать от него посылку к откомандированному в Польшу Сиянову («Вы это легко можете, имея много связей и знакомств; я же здесь никого не знаю»¹).

Март, 4. Петербург. В № 18 газеты «Le Furet» в отделе «Эхо русской литературы»: «Среди отзывов, которые разные журналы сделали на “Поездку в Германию” г. Греча, глубже всех был разбор, напечатанный в этом издании <в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”>>; он принадлежит перу барона Розена»².

Март, 11. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (№ 20. С. 158): стихотворение «Болезнь». Проставлена дата написания: 1826.

Март, после 14. Петербург. В «Гирлянде» М.А. Бестужева-Рюмина (Ч. 1. № 2. С. 46–47): «Лето жизни» (вторая публикация).

Апрель, 18. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (№ 31. С. 245–246): стихотворение «Болезнь» (повторная публикация в газете, проставлена дата написания: 1826).

Апрель, 22. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (№ 32. С. 255): эпиграмма Розена «Ответ» и заметка «Поправка ошибки» о публикации журнала посольского чиновника в № 6 «Московского вестника» за 1830 год (последняя с подписью «Р.»).

Май, 1. Петербург. В «Литературной газете» (№ 25. С. 201): стихотворение Розена «Тени друга» («Ты достигнул светлой цели...»), посвященное памяти Дельвига³.

Май, 16. Петербург. В «Литературной газете» (№ 28. С. 227): послание Розена «Баронессе Елизавете Антоновне Дельвиг» («Был радостен твой жизненный восход...»)⁴.

Май, конец...Июнь, до 27 (?). Петербург. Розен работает над стихотворе-

¹ Письма бар. Розена к А.Ф. Воейкову // РГАЛИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 7.

² Сперанская Н.М. Петербургская газета "Le Furet" — "Le Miroir" и русская литература конца 1820-х — начала 1830-х годов. С. 306.

³ Блинова Е.М. «Литературная газета» А.А. Дельвига и А.С. Пушкина, 1830–1831. С. 124.

⁴ Там же. С. 126.

нием в честь дня рождения и свадьбы Пушкина («26-е мая»)¹.

Май, 26. Петербург. Объявление в «Литературной газете»: «Известный наш поэт барон Е.Ф. Розен перевел вполне на немецкий язык драматическую поэму А.С. Пушкина “Борис Годунов”» (№ 30. С. 246).

Май, 30. Петербург. Объявление в «Санкт-Петербургском вестнике»: «Стихотворение Пушкина “Борис Годунов” переведено уже на немецкий язык русским и немецким поэтом бароном Е.Ф. Розеном» (Т. 4. С. 69).

Июнь, 3. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (№ 44. С. 341–342): стихотворение «Лето жизни» (третья публикация).

Июнь, 10. Петербург. В «Литературной газете» (№ 33. С. 267): стихотворение Розена «Элегия» («Давно ли я желал лаврового венца...», проставлена дата написания: 1826).

Июнь. — Ноябрь. Петербург. Розен собирает материал для альманаха «Альциона» на 1832 год.

Июнь, 27. Петербург. Письмо Розена к Пушкину в Царское Село. Выражает «сердечную благодарность» адресату за «дружеское письмо» (не сохранилось). Сообщает, что вновь принят на военную службу (в чине штаб-ротмистра²) и назначен состоять при дежурстве Главного штаба. Пишет о бушующей в Петербурге холере, скоропостижной смерти цензора Щеглова и обращении императора к народу на Сенной площади после подавления холерного бунта: «Коленопреклоненная чернь слушала... тишина... один царский голос на площади раздавался — *Как звон святой* <цитата из «Бориса Годунова»>! Величественное зрелище!» Благодарит Пушкина за обещание поучаствовать в «Альционе» и сообщает: «Приготовляю все нужное для перевода Бориса, и как скоро можно будет, приеду к Вам»³. К письму на отдельном листе Розен прикладывает белой автограф стихотворения «26-е мая».

Июль, 10...19. Петербург. Пушкин и Жуковский знакомятся с выполнен-

¹ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 3. С. 342.

² Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1832 год. Ч. 1. СПб., 1832. С. 94.

³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 14. Переписка, 1828–1831.1941.С. 183–184.

ным Розеном переводом на немецкий язык «Бориса Годунова», в который вошли выпущенные при первом издании трагедии фрагменты, переведенные по пушкинской рукописи (сцена «Ограда монастырская» и песнь Ксении)¹.

Июль, 19. Петербург. Письмо Розена к С.П. Шевыреву в Рим. Сетует на то, что «никто из критиков-самозванцев не сумел оценить» «Бориса Годунова»: «Кривые толки, косые взгляды, шиканье, дурацкий смех — вот чем приветствовали Годунова, творец коего, во времена Петрарки и Тасса, был бы удостоен торжественного в Капитолии коронования». Сообщает, что «за отсутствием лучших критиков» написал рецензию на пушкинскую драму (Розен передал ее О.М. Сомову) и перевел «Годунова» на немецкий язык «с рукописи автора и заслужил его восторженную благодарность и хвалу Жуковского». Пишет о себе и Пушкине: «Пушкин дал мне несколько прекрасных пьес <для «Альционы»> и уверяет честию, что еще даст. Мы с ним довольно сблизились. Его лестные обо мне отзывы сторицею воздают мне за несправедливость некоторых критиков, задетых эпиграмматическою стрелою или пораженных в честной критике»².

Август, 21. Петербург. Письмо Розена к Ф.Н. Глинке в Тверь. Объясняет, почему не смог прислать экземпляр «Альционы» на 1831 год: «При выходе альманаха — и долго еще после — не принимались посылки на почте; потом я был болен несколько времени; после того вторично вступил в военную службу — и наконец у нас в Питере появилась холера! И теперь не принимают посылок на почте». Обещает передать альманах через Смирдина и просит Глинку «дать ей местечко» в библиотеке подле «Северных цветов». Пишет о цензурных трудностях при издании альманаха и вынужденной правке повести «Константин Левен» в связи с Польским восстанием. Выражает надежду, что Глинка обрадует его «скорою присылкою» стихов и прозы, «ибо Альциона на будущий год уже собирается». Сообщает, что через две недели уже приступит к печатанию альманаха на 1832 год и добавляет: «Спасибо Пушкину: он крепко меня поддерживает; и Сомов дает мне повесть; сверх того, писал я к Шевыреву в Рим; к Баратынскому, с

¹ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 3. С. 357; Из бумаг Степана Петровича Шевырева // Русский архив. 1878. № 5. С. 47

² Из бумаг Степана Петровича Шевырева. С. 47.

просьбою, и к Вяземскому и Языкову; писал еще Подолинскому, и кое-кому. Сам начертал я повесть в прозе <<Очистительная жертва>>; несколько стихотворных пьес; перевел Тэклу Шиллера и Баядеру Гёте»¹.

Август, 31. Петербург. Сомов в письме к Пушкину: «Розен написал весьма хороший разбор Бориса Годунова и отдал его мне. Это бы надобно было прочесть вместе»².

Сентябрь, 21. Петербург. Розен на вечере у П.А. Плетнева, где присутствует также Сомов, знакомится с цензором А.В. Никитенко. Последний записывает в дневнике: «Здесь в первый раз видел барона Розена, автора нескольких весьма приятных стихотворений, в которых выражается душа, страстная к идеалам»³.

Октябрь, после 5. Петербург. В «Северном Меркурии» М.А. Бестужева-Рюмина (Т. 3. № 30–31. С. 123): стихотворение Розена «К N* при посылке “Альционы”».

Октябрь, до 8. Каймары (усадьба Баратынских). Баратынский в письме к И.В. Киреевскому в Москву: «Скажи Языкову, что на него сердится Розен за то, что он не только не прислал ему стихов прошлого года, но даже не отвечал на письмо. Он жалуется на это очень и даже трогательно»⁴.

Октябрь, 9. Петербург Ц. р. В.Н. Семенова на альманах «Северные цветы» на 1832 год⁵.

Октябрь, первая половина (?). Петербург. В.Н. Семенов получает от Розена материалы для «Альционы» на 1832 год, в том числе перевод из Гете «Баядера», о котором Розен упоминал в письме к Глинке.

Октябрь, 21. Петербург. Ц. р. на издание альманаха Е.В. Аладына «Невский альманах» на 1832 год. В нем стихотворение Розена «Милой незнакомке» («Как иногда, в прекрасный вечер лета...», с. 115–116)⁶.

Октябрь, 30. Петербург. Возбуждавший подозрение Петербургского цен-

¹ РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 382. Л. 7–8.

² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 19 томах. Т. 14. С. 217.

³ Никитенко А.В. Дневник. Т. 1. 1826–1857. Л., 1955. С. 109.

⁴ Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского. 1800–1844. М., 1998. С. 275.

⁵ Северные цветы. СПб., 1832.

⁶ Невский альманах. СПб., 1832.

зурного комитета перевод Розена из Гете «Баядера», вместе с переложением Н. Ставелова из Гете «Горная вершина» (предназначавшимся для «Северных цветов» на 1832 год), отосланы в Главное управление цензуры¹.

Октябрь...Ноябрь, первая половина. Петербург или Царское Село. Записка Пушкина к Розену. Отправляя Розену «Пир во время чумы» для публикации в «Альционе» на 1832 год, Пушкин пишет, что не посылает «мелких стихотворений», так как они, вероятно, появятся в печати прежде выхода альманаха (в третьем томе «Стихотворений Александра Пушкина»). Он сообщает, что «горит нетерпением» прочитать розеновское «предисловие к “Борису”» (статью о «Борисе Годунове») и планирует в качестве предисловия ко второму изданию «Годунова» написать к Розену письмо с целью изложить в нем «свои мысли и правила, коими руководствовался, сочиняя мою трагедию»².

Ноябрь, 7. Петербург. Розен на литературном обеде у цензора Семенова вместе с Сомовым, Гречем, В.Е. Вердеревским и Никитенко. «Ожидали Погодина и Каратыгина, но им что-то помешало» — отметит Никитенко в дневнике. Присутствующие на обеде под конец беседы «пристали к Гречу, чтобы он разорвал свою связь с Булгариным, которого все притом не очень-то вежливо называли»³.

Ноябрь, 13. Петербург. Главным управлением цензуры запрещена «Баядера» Розена. Управление, не вполне согласившись с выводами Петербургского комитета и не найдя в стихотворении ничего предосудительного, «чтоб избежать могущих произойти неприличных применений, признало за лучшее не дозволить оно»⁴.

Ноябрь, 15. Москва. Вяземский в письме к Пушкину в Петербург: «Я виноват перед тобою, то есть перед Цветами, как каналья. Вот всё, что мог я собрать. <...> Сделай одолжение, передай письмо барону Розену и дай ему, что хо-

¹ Вацуро В.Э. «Северные цветы»... С. 214.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 14. Переписка, 1828–1831.1941. С. 240.

³ Никитенко А.В. Дневник. С. 110.

⁴ Литературное наследство. Т. 4–6. М., 1932. С. 923; см. также: Вацуро В.Э. «Северные цветы»... С. 214.

чешь, из стихов моих»¹.

Ноябрь, 18. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (№ 92. С. 726–727): стихотворение «Святополк (Отрывок из повести)». В подписи: «Волжск. 1814» (очевидно, из-за неправильного прочтения рукописи издателем; предположительно: Вольск, 1824).

Ноябрь, 20. Петербург. Ц. р. В.Н. Семенова на издание альманаха Розена «Альциона» на 1832 г. В нем произведения издателя: стихотворения «26-е мая», «Зазыв», «Песня» («Ягодка ль спелая...»), «Залог свиданья», «Белый голубь», «Картина: La Toilette», «Октавы» («Облачена одеждой голубою...»), цикл из двух стихотворений под названием «Милой незнакомке», стихотворение «Старец и юноша», повесть «Очистительная жертва». В стихотворном отделе: произведения Пушкина («Пир во время чумы», «На перевод “Илиады”»), Вяземского, Жуковского, Гнедича, Подолинского, Шевырева, В.Н. Семенова, Щастного, Романовича и др. Произведений Ф.Н. Глинки в альманахе нет. В прозаическом отделе: повести Сомова (в т. ч. под псевдонимом Байский), Шевырева и др. В альманахе опубликованы два произведения А.А. Бестужева: рассказ «Военный антикварий» (под псевдонимом А. Марлинский) и отрывок «Световид» из второй песни поэмы «Андрей, князь Переяславский» (с подписью А. Б.)², — доставленные, по предположению В.Э. Вацура, Булгариным и Гречем³.

Декабрь, 23. Петербург. Выходит из печати альманах «Северные цветы» на 1832 год. В нем стихотворения Розена: «Пастуший рог в Петербурге» (С. 14–16), «Проклятие» (44–45), «Гречанке»(124–125)⁴

Декабрь, 23. Петербург. В № 51 газеты “Le Miroir”: «Только что появилась “Альциона” на 1832 год»⁵.

Декабрь (?). Петербург. Розен в письме к Погодину оценивает его трагедию «Марфа, посадница новгородская»: «Расположение пьесы меня не удовле-

¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 19 томах. Т. 14. С. 240.

² Альциона. СПб., 1832.

³ Вацура В.Э. «Северные цветы»... С. 183.

⁴ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 3. С. 427; Северные цветы. СПб., 1832

⁵ Сперанская Н.М. Петербургская газета "Le Furet" — "Le Miroir" и русская литература конца 1820-х — начала 1830-х годов. С. 338.

творяет, там вообще мало действия, но в частях она хороша, а местами превосходна. В особенности нравится мне рассказ о сражении; жаль, что Озеров не читал его, он узнал бы, каким языком русский должен рассказывать о сражениях»¹.

Декабрь, конец (?). Москва. Погодин с опозданием отправляет Розену в Петербург свою статью для «Альционы» на 1832 год (через Сомова). «Альциона» уже вышла, и Сомов оставляет материал у себя, ничего не сказав об этом издателю альманаха².

Декабрь, 31...1832. Январь, начало. Петербург. В «Северном Меркурии» (Т. 3. № 51. С. 206–207): стихотворение «Картина: La toilette».

1832

Январь, 4. Петербург. Сомов сообщает Погодину: «Назначенный вами для б<арона> Розена анекдот опоздал, ибо его Альциона была уже тогда в продаже. Анекдот же я оставил у себя до времени, прося Вас позволить мне напечатать оный в литературных сборниках, т. е. 6-ти альманахах, коими я заканчиваю прошлое полугодие Лит<ературной> газеты»³.

Январь, 22. Петербург. Письмо Розена к А.И. Подолинскому в Одессу. Отправляет экземпляр «Альционы», сообщает, что цензура не пропустила перевод из Гете «Баядера», «испугавшись содержания оной»⁴. Просит адресата написать свое мнение о повестях «Очистительная жертва» и «Замечательный гость» (последняя опубликована Розеном под псевдонимом Колыванов). Делится литературными новостями: «Я начал писать историческую трагедию — не знаю еще, как назвать: или “Россия и Баторий”, или “Сыноубийство Иоанна”. Желал бы я прочесть Вам написанное — ах, зачем вас нет между нами! <...> Савицкий наш перевел роман Мура “Эпикуреец”; он скоро поступит в печать»⁵.

Январь, после 22. Москва. Рецензия Н.А. Полевого в «Московском телеграфе» (№ 1. С. 112–117) на альманах Розена «Альциона» и «Северные цветы» на

¹ См.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891. С. 19.

² См.: Фризман Л.Г. А.С. Пушкин и «Северные цветы» // Северные цветы на 1832 год. М., 1980 (Литературные памятники). С. 229–230.

³ Цитируется по: Фризман Л.Г. А.С. Пушкин и «Северные цветы». С. 229.

⁴ Письма Розена Е.Ф. к Подолинскому А.И. // ОР РГБ. Ф. 232. К. 3. № 32. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 4 — Л. 4 об.

1832 год.

Февраль, 1. Петербург. Розен с письмом к И.В. Киреевскому отправляет перевод из Гете «Баядера» для печати его в журнале «Европеец», рассчитывая в этот раз получить разрешение цензуры. Он сопровождает посылку стихотворения следующими словами: «Желая, по мере сил своих, доказать свое почтение к “Европейцу”, посылаю Вам перевод Гетевой “Баядеры”, если годится он, напечатайте; если нет, бросьте, — а я вам доставлю что-нибудь другое»¹. Также Розен отправляет Киреевскому экземпляр «Альционы»².

Февраль, после 4. Петербург. В «Гирлянде» (Ч. 3. № 3–4. С. 69–70.): «Песня» Розена («Ягодка ль спелая...», перепечатка из «Альционы» на 1832 год).

Февраль, 6. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (№ 11. С. 87): «Песня» Розена («Очи, очи-незабудки // Милой девицы малютки!..»).

Февраль, 19. Петербург. Розен, вместе с Пушкиным, Вяземским, Крыловым, Гоголем и множеством известных литераторов, присутствует на праздничном обеде у А.Ф. Смирдина по случаю «новоселья» книжного магазина и библиотеки для чтения³.

Февраль, 27. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (№ 17. С. 129–131) в отделе «Пересмешник»: статья Розена «Нечто о литературном предприятии г. фон Кнорринга» (псевдоним: «Ксенократ Луговой»).

Март, вторая половина. Петербург. В журнале «Сын отечества» (№ 13. С. 365–372) опубликован отрывок из первого действия драмы Розена «Россия и Баторий» («Годунов и Ирина»).

Апрель, 7. Петербург. В «Северной пчеле» (№ 81): рецензия Розена на третью часть «Стихотворений Александра Пушкина».

Май, 24. Дербент. А.А. Бестужев в письме к К.А. Полевому делится критическими замечаниями о современной русской прозе, в том числе о повестях Розена: «Розен мямлит, мямлит, прости Господи, без складу по складам, без толку по

¹ Европеец, журнал И.В. Киреевского. М., 1989 (Литературные памятники). С. 531–532.

² Письма Розена Е.Ф. к Киреевскому И.В. // РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 1 об.

³ Северная пчела. 1832, № 45 (26 февраля).

толкам»¹.

Июль, 28. Петербург. Розен возмущен поступком Сомова, присвоившего статью Погодина, предназначавшуюся для его альманаха (*см.: 4 января 1832*). В письме он просит Погодина впредь присылать материалы для «Альционы» ему напрямую:

«Почтеннейший Михайло Петрович!

Вы — кажется — в прошлом году прислали мне статью для Альционы, но г-н Сомов не заблагорассудил отдать мне эту статью, потому что альманах мой уже был отпечатан. Покорнейше да убедительнейше прошу Вас призреть меня в нынешнем году, т. е. прислать мне для альманаха какую-нибудь повесть — хотя небольшую — да пораньше! Благоволите адресовать мне свое даяние в книжный магазин г-на Сленина, в С.-Петербурге, на имя издателя Альционы — это будет гораздо лучше и вернее, чем через чужое посредничество»².

Август, 31. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (№ 70. С. 559): стихотворение «Тени друга» («Ты достигнул светлой цели...») (вторая публикация).

Август...Октябрь (?). Петербург. Розен в письме к Погодину просит прислать материалы для «Альционы» на 1833 год, выражая удовлетворение тем, что «московские литераторы-аристократы» обратили внимание на его альманах. Он пишет: «Наконец белокаменная старушка воззрела на альманах мой оком милостивым и решается за трехлетнюю к нему несправедливость воздать ему дружеским в нем участием лучших и достойнейших бояр своих»³. Розен надеется, что Шевырев и Киреевский дадут по статье, а от Погодина ожидает повести «Новый Эдип».

Октябрь. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 10. С. 166–174) в отделе критики опубликована статья Розена «Нечто о “Московском телеграфе”» против Н.А. Полевого.

¹ Письма А.А. Бестужева к Н.А. и К.А. Полевым, писанные в 1831–1837 годах. // Русский вестник. 1861. Т. 32. № 3. С. 327.

² Цитируется по: Фризман Л.Г. А.С. Пушкин и «Северные цветы». С. 330.

³ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 4. С. 155.

Октябрь, 13...18. Петербург. Розен встречается с Пушкиным, вернувшимся в Петербург из Москвы¹.

Октябрь, 18. Петербург. Ц. р. В.Н. Семенова на печатание альманаха Розена «Альциона» на 1833 год.

Октябрь, 19. Петербург. Письмо Розена к Шевыреву в Москву. Приветствует Шевырева на «святой Руси» после возвращения его из-за границы. Упоминает о разговорах с Пушкиным: «Я о вас расспрашивал Пушкина и узнал только, что вы милы и любезны по-прежнему, и что намереваетесь писать трагедию: Ромул»².

Октябрь, 30. Петербург. Ц. р. на альманах «Комета Белы». В нем: стихотворение Розена «Звезды родины» (С. 41–43)³.

Ноябрь, 8. Петербург. Записка Розена к В.Ф. Одоевскому по поводу корректуры его повести «Импровизатор», отосланной в альманах «Альциона» на 1833 год⁴.

Декабрь, 16. Петербург. Розен в письме к Шевыреву в Москву сообщает, что «Булгарин домогается княжеского достоинства»: «Он утверждает, что он князь Скандербег-Булгарин!» Интересуется, «сказывал ли» ему об этом Пушкин во время пребывания в Москве. Зовет Шевырева в Петербург: «Мы бы затеяли какой-нибудь дельный журнал, что есть общее желание петербургской публики»⁵.

Декабрь, конец...Январь, до 7. Петербург. Выходит из печати альманах Розена «Альциона» на 1833 год. В нем произведения издателя: повесть «Зеркало старушки», баллады «Князя Горбатые-Шуйские (Быль времен Иоанна Грозного)», «Казнь отца в сыне (Эстонская быль 1221 года)», «Эсты под Беверинном (Быль 1207 года)», стихотворения «Москва», «Три символа», «Было время». В альманахе напечатаны стихотворения Вяземского («Графине Каролине Потоц-

¹ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 3. С. 513.

² Из бумаг Степана Петровича Шевырева. С. 47–48.

³ Комета Белы. СПб., 1833.

⁴ Письма Е.Ф. Розена к кн. Владимиру Федоровичу Одоевскому // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 942. Л. 10.

⁵ Из бумаг Степана Петровича Шевырева. С. 48. См. также: Письма Е.Ф. Розена к Степану Петровичу Шевыреву // ОР РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 474. Л. 6.

кой», «Дорожная дума», «Княжне Абамелек», «Поручение в Ревель Николаю Николаевичу Карамзину») и фрагмент из его книги о Д.И. Фонвизине «О нашей старой комедии» (переданные Розену Пушкиным). Публикуются стихи Гнедича, Шевырева, Трилунного, Л. Якубовича, Деларю и др. В отделе прозы также: «Импровизатор» В.Ф. Одоевского, «Матушка и сынок» Сомова и повесть «Хозяйская дочка» с подписью Колыванов (псевдоним Розена)¹.

1833

Январь, 7. Петербург. Розен посылает Шевыреву экземпляры альманаха «Альциона» на 1832 и 1833 годы. Пишет о себе и Пушкине: «Пушкину в особенности нравится моя пьеса: *Зеркало старушки*. Он меня встретил восторженным восклицанием: “Ваша Серафима — прелесть!” Но я с ним ссорился за *князей Горбатовых-Шуйских*: он отдает преимущество пред ними моим *Трем символам*, говоря, что я живо напоминаю Шиллера, не будучи подражателем, и что сия пьеса есть венец в этом роде». Розен замечает, что Пушкину нравятся у него те сочинения, которые написаны «не в его духе». О Пушкине сообщает, что он «решительно ничего не пишет, осведомляясь только о том, что пишут другие»².

Январь, 22 (или 10). Петербург. Датирована немецкая рецензия Розена на «Годунова» с переводом сцены «Ограда монастырская» для немецкоязычного журнала «Dorpaten Jahrbücher...»^{*}. Предположительно, Розен проставил дату окончания перевода своей рецензии (написанной в 1831 году по-русски) на немецкий язык³.

Январь. Москва. В «Московском телеграфе» (№ 1. С. 151–157): рецензия Н.А. Полевого на альманах «Альциона» на 1833 год.

Февраль, 7. Петербург. В «Северной пчеле» (№ 30): ответ Розена на критику Н.А. Полевым стихотворения Вяземского «Поручение в Ревель Николаю

¹ Альциона. СПб., 1833. См. также: Письма Розена Е.Ф. к Подолинскому А.И. // ОР РГБ. Ф. 232. К. 3. № 32. Л. 4.

² Из бумаг Степана Петровича Шевырева. С. 48.

^{*} Неизвестно, проставил Розен дату по юлианскому или григорианскому календарю (ориентируясь на европейского читателя). Первый вариант представляется нам более вероятным.

³ Rosen G. Boris Godunow. St. Petersburg, 1831... // Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands. Riga und Dorpat, 1833. Bd. I. № 1. S. 59.

Николаевичу Карамзину», опубликованного в «Альционе» на 1833 год. Розен пишет: «Из одного заглавия понятливые читатели могли догадаться, что стихотворение должно быть *шуточное*, и из первых строф убедиться несомненно, что оно написано частью в карикатурном тоне, частью с умыслом передразнить ультра-романтические замашки новейшей школы французских поэтов: Альфреда Мюссе и самого Виктора Гюго, во многих из его поэтических проказ. Автор помянутого стихотворения и те же понятливые читатели забавляются мыслию, что иные из остроумных критиков наших не догадаются видеть в этом умышленную карикатуру, род пародии, *pasticcio* — и станут налегать на пьесу всюю тяжестью суда своего»¹.

Февраль, 19. Петербург. Вышла из печати первая часть сборника «Новоселье» А.Ф. Смирдина. В ней стихотворение Розена: «Домовой (Старинная быль)» (С. 317–329)².

Март, 17. Петербург. Письмо Розена к Шевыреву в Москву. Пишет, что Пушкин к нему «слишком благосклонен», и замечает, что дорожит мнением только трех «записных рецензентов»: Пушкина, И.В. Киреевского и адресата. Розен огорчен тем, что Киреевский в разборе «Северных цветов» на 1832 год ничего не упомянул о его пьесах в альманахе, в особенности о «Пастушьем роге в Петербурге». Вспоминает, что это стихотворение высоко оценили «покойный Гнедич» и Пушкин. «Как бы то ни было, молчание Киреевского тронуло того, кто совершенно равнодушно слушает лай Полевого» — заключает Розен³.

Март, 26. Языково. Н.М. Языков сообщает в письме братьям о получении первого выпуска альманаха «Новоселье», в стихотворной части которого, по его мнению, «кроме сказки Жуковского, басен Крылова и “На смерть Гете”, — всё вздор, начиная от Пушкина до барона Розена»⁴.

Апрель, 21. Петербург. В «Северной пчеле» (№ 87): рецензия Розена на перевод романа Томаса Мура «Эпикурец».

¹ Северная пчела. 1833, № 3. С. 118–119.

² Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 4. С. 23; Новоселье. Ч. 1. СПб., 1833.

³ Из бумаг Степана Петровича Шевырева. С. 48.

⁴ Литературное наследство. Т. 58. С. 107.

Май, 12. Петербург. В «Северной пчеле» (№ 104): рецензия Розена на «Пестрые сказки» В.Ф. Одоевского.

Май, 29. Петербург. Письмо Розена к Пушкину (на фр. языке). Сообщает о том, что похороны Сомова (скончавшегося 27 мая) состоятся «завтра в десять часов». Просит Пушкина прийти на похороны: «Пригласительные билеты еще печатаются. Мне поручили просить Вас принять участие в похоронной процессии; прах его находится на *Знаменской улицы, в доме купчихи Балохоновой № 712.* Дайте мне знать, не помешает ли Вам что-нибудь отдать последний долг покойному? Если нет, то мы могли бы отправиться туда вместе. Очень жаль его семью»¹.

Май, 30. После 8 утра. Петербург. Вынос тела и похороны Сомова на Смоленском кладбище. Розен участвует в похоронной процессии до 9 утра. Пушкин, вероятно, или приехал на кладбище к 10 часам, не участвуя в процессии, или не смог прийти на похороны. См. позднее мемуарное свидетельство Розена: «Сомова давно уже нет на свете; но замолвлю о нем словечко по этому случаю. В час пополудни получил я приглашение на вынос его тела, в *восемь* часов того же утра, будучи в военной службе, в Главном штабе. К такому раннему времени не поспел никто из приглашенных, кроме меня. Я нашел вдову покойника в отчаянии, что никто нейдет на погребение мужа ее. В соседстве, у Преображенских казарм, жил граф Д.Н. Т* <Д.Н. Толстой-Знаменский>; я поднял его со сна — и мы *одни* провожали тело Сомова по Невскому проспекту. Когда дошли до кондитерской Амбиэля, граф мой, невзирая на мою убедительнейшую просьбу, оставил нас при этих словах: «Извини, любезный друг: я еще не пил кофе — а до *Смоленского* далеко!» Я остался один в погребальном шествии. Далее Главного штаба я не мог провожать покойника, не имея времени испросить на то дозволение своего начальства, и долженствовал быть на службе в 9 часов утра. Подоспел один из приглашенных на погребение. Расставаясь с погребальным шествием, я заклинал нового пришельца провожать тело почтенного Сомова до последнего жилища; он

¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 15. Переписка, 1832–1834. 1948. С. 63. Перевод: там же. С. 317.

дал мне честное слово — и я проронил слезу о смерти литератора, добросовестно трудившегося для пользы словесности»¹.

Июнь, 14. Петербург. Письмо Розена к И.В. Киреевскому: «Поддержите, гг. московские литераторы! Только на вас и надежда! Петербургские музы развратились; от них толку не добьешься. Три года я кое-как промаялся с “Альционой”: никто ничего не шлет; с горя я сам начал писать прозою. Я давно бы прекратил мое издание, но оно бесит Полевого — так надо же продолжать»². Сообщает, что написал трагедию «Россия и Баторий», которую надеется опубликовать осенью: «Перипетию пьесы, на самом конце, составляет появление казака Кольца с известием о завоевании Сибири, в то время, когда Грозный, убив сына, отказывается от державы»³.

Июнь, 19. Понедельник. Петербург. Письмо Розена к Пушкину (на фр. языке). Передает поклон от Олега Муравьева и приглашение «вместе со мною прийти к нему на чашку чая в среду, на <Крестовский> остров». Упоминает о том, что Муравьев, катаясь верхом, «упал и сломал себе кость». Отзывается о «Торквато Тассо» Кукольника: «Читали ли Вы “Тасса” Кукольника? Это не драматическое произведение, но сочинение весьма примечательное богатством и красотой мыслей». Сообщает, что на днях Кукольник прочтет ему свою новую драму «Джулио Мости». В заключение Розен пишет: «Мне бы очень хотелось зайти к Вам, но я боюсь, что визит мой Вам помешает. Будь у меня квартира в первом этаже, я осмелился бы пригласить Вас заглянуть ко мне. Из всех дней, проведенных мною на Крестовском, вчерашний был наиболее приятен; я не сомкнул глаз всю ночь: всё время писал!»⁴

Июнь, 26. Дерпт. Ц. р. на издание первого номера «Dorpater Jahrbücher...» за 1833 год. В нем опубликована немецкая рецензия Розена на «Годунова» (см.:

¹ Сын отечества. 1849. № 10. Отд. 6. С. 24 (из статьи Розена «Критические заметки»); ср. предположение о Пушкине на похоронах Сомова: Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 4. С. 54.

² Письма Розена Е.Ф. к Киреевскому И.В. // РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 3.

³ Там же. Л. 3 об.

⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 15. Переписка, 1832–1834. 1948. С. 64. Перевод: там же. С. 317–318.

22 января 1833), перевод сцены «Ограда монастырская» и текст пушкинской сцены на русском (в подстрочном примечании).

Июль, 15. Петербург. Ц. р. А.В. Никитенко на издание трагедии Розена «Россия и Баторий»¹.

Август, 12. Петербург. В «Северной пчеле» (№ 181): начало статьи Розена о «драматической фантазии» Кукольника «Торквато Тассо».

Август, 14. Петербург. В «Северной пчеле» (№ 182): окончание статьи о драме Кукольника.

Сентябрь, 20. Петербург. Письмо Розена к В.Ф. Одоевскому. Просит адресата назначить день и час, кроме будущей пятницы, когда можно будет зайти в гости и «повидаться» («Я надеялся видеть Вас в театре, когда давали “Фиделию”, – но не видал»²). Осведомляется, думал ли Одоевский в продолжение лета о своем вкладе в «Альциону».

Октябрь, 10. Петербург. В «Северной пчеле» (№ 229. С. 913–915) в отделе «Новые книги»: рецензия Розена на «Торквато Тассо» Кукольника.

Ноябрь, 23. Петербург. Письмо Розена к В.Ф. Одоевскому. Благодарит за доставленную ему статью для «Альционы», которую собирается прочесть, но сообщает, что отказался от издания альманаха («Я решил прекратить мой альманах, чтобы деликатностью отвечать на деликатность и бескорыстие моих любезных доброжелателей!»³).

Декабрь, 4. Петербург. Письмо Розена к В.Ф. Одоевскому с отзывом о прочитанной повести⁴.

Декабрь, после 10. Москва. В «Московском телеграфе» (Ч. 52. № 16. С. 564–578): рецензия Н.А. Полевого на «Торквато Тассо» Кукольника и трагедию Розена «Россия и Баторий».

Декабрь, 23. Петербург. П.А. Вяземский в письме к И.И. Дмитриеву: «Гос-

¹ Розен Е.Ф. Россия и Баторий. СПб., 1833.

² Письма Е.Ф. Розена к кн. Владимиру Федоровичу Одоевскому // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 2. Ед. хр. 942. Л. 1.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 5.

ударь был очень доволен трагедией барона Розена: “Россия и Баторий”. Желая видеть ее на сцене, требовал он некоторых перемен, и Розен уже перекроил свою трагедию на новый лад. Вот что значит немецкое трудолюбие! Впрочем в Розене точно замечательное дарование»¹.

Декабрь, 27. Петербург. В «Северной пчеле» (№ 297): заметка Розена «Литературная новость», в которой он сообщает о том, что «самое лестное внимание» (императора Николая I) побудило его переработать историческую драму «Россия и Баторий» для сцены под заглавием «Осада Пскова». Розен пишет: «<Автор> сохранил из драмы только то, что относится к Пскову, исключил Грозного, царевича Иоанна, Годунова, Ирину, словом, все, что происходило в Москве и в Александровской слободе, ввел новые лица, сосредоточил весь интерес пьесы на князе Курбском и на его сыне»².

1833. Декабрь (?)...1834. Январь, до 7. Петербург. Розен просит О.И. Сенковского написать рецензию на драму «Россия и Баторий», «рассчитывая, конечно, на похвалы». Сенковский, по свидетельству А.В. Никитенко, пишет, но выставляет в своей рецензии «Батория» «в такой параллели с Кукольниковым “Тассо”, что последний совершенно затмил первого». Это вызывает раздражение у Розена, он отправляет Сенковскому письмо, в котором убеждает его не публиковать этой рецензии. Издатель «Библиотеки для чтения» обещает, «не преминув, впрочем, сделать трагику не очень лестные замечания». «Оба были у меня, оба жаловались друг на друга» — запишет Никитенко 7 января в дневнике об окончании этой истории³.

1834

Январь, начало. Петербург. В журнале О.И. Сенковского «Библиотека для чтения» (Т. I. Отд. I. С. 23–29) напечатано стихотворение Розена «Беритское чудовище» («В земле финикийской, на берегу морском...», с подзаголовком «Легенда»). Здесь же (Отд. V) опубликована рецензия Сенковского (псевдоним: Тю-

¹ Письма к И.И. Дмитриеву // Русский архив. 1868. № 4–5. Стлб. 636.

² Северная пчела. 1833, № 297 (27 декабря). С. 1175.

³ Никитенко А.В. Дневник. С. 132.

тюдню-Оглу) на историческую драму Розена «Россия и Баторий» и «драматическую фантазию» Кукольника «Горквато Тассо».

Январь, 6 и 10. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (№ 2. С. 12–15; № 3. С. 19–23) напечатан выполненный А. Савицким перевод немецкой статьи Розена о «Борисе Годунове» под заглавием «Мнение барона Е.Ф. Розена о драме А.С. Пушкина “Борис Годунов”»¹.

Январь, 7. Петербург. Розен приносит цензору Никитенко трагедию «Россия и Баторий», которую он перерабатывает для сцены по повелению Николая I. Никитенко записывает в дневнике: «Жуковский помогает ему советами. От этой драмы хотят, чтобы она произвела хорошее впечатление на дух народный»².

Январь, 11 и 12. Петербург. В «Северной пчеле» (№ 8 и 9): статья Н.В. Кукольника о трагедии Розена «Россия и Баторий». Автор замечает «сродство сей драмы с “Борисом Годуновым” А.С. Пушкина»³.

Январь. Петербург. В «Сыне отечества» (Т. 41) напечатана повесть Розена «Майор Соболев» (№ 2. Отд. I. С. 93–114. Подпись: «Б–н Р–н»). Здесь же (№ 3. Отд. III. С. 172–192): выполненный Розеном перевод с французского статьи Г. Низара «О начале упадка легкой литературы».

Февраль, 4. Петербург. Розен посылает Жуковскому тетрадь с переработанной трагедией «Россия и Баторий» (новая редакция получила название «Осада Пскова»). В сопроводительном письме Розен оговаривает внесенные правки. Письмо свидетельствует о регулярных встречах автора с Жуковским, который выступил посредником между ним императором: «Я уже так долго вожусь с этою трагедиею, что не имею *свежего* к ней чувства критики! Если только одну последнюю сцену представить на высочайшее внимание, то попросил бы я вас представить ее в таком виде, какой вы ей дали в наше последнее свидание»⁴. Ср. также в конце письма: «Извините, я заболтался. Занятие по службе не позволяет мне ви-

¹ См. об этом: Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 4. С. 136; Пушкин в прижизненной критике: 1831–1833. СПб., 2003. С. 444–445.

² Никитенко А.В. Дневник. С. 132.

³ Северная пчела. 1834, № 8. С. 31.

⁴ Письма к В.А. Жуковскому разных лиц // Русская старина. 1903. Т. СХV. С. 455.

даться с вами сегодня»¹.

Февраль, 10, 14 и 17. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (№ 12. С. 91–95; № 13. С. 99–104; № 14. С. 107–112): статья о трагедии Розена «Россия и Баторий», которая сравнивается с «Борисом Годуновым» Пушкина. Статья предположительно принадлежит Воейкову.

Март, 12. Петербург. Ц. р. А.В. Никитенко на издание трагедии Розена «Осада Пскова»².

Апрель, 2. Петербург. Пушкин записывает в дневнике: «Кук<ольник> пишет Ляпунова. Хомяков тоже. Ни тот, ни другой не напишут хорошей трагедии. Барон Розен имеет более таланта»³.

Апрель, 21...22. Петербург. Вышла из печати вторая часть сборника «Новоселье» Смирдина. В ней стихотворение Розена «Русская добросовестность» (С. 403–406)⁴.

Лето. Петербург. Розен присутствует у Пушкина во время чтения сказки «Конек-Горбунок» вместе с П.П. Ершовым. По воспоминаниям А.К. Ярославцева: «Покойный А.С. Пушкин, прочитав эту сказку, отозвался, между прочим, Ершову, как рассказывал он сам: “Теперь этот род сочинений можно мне и оставить”. Слова эти впоследствии, чрез несколько лет уже, подтвердил мне лично и бывший при том случае у Пушкина покойный барон Е.Ф. Розен»⁵.

Сентябрь. Петербург. В «Сыне отечества» (Т. 45. № 40. Отд. I. С. 305–315): отрывки из трагедии Розена «Петр Басманов».

Октябрь, 1. Петербург. Первое представление трагедии «Осада Пскова» на сцене Александринского театра. Автор присутствует в зале. После окончания пьесы он вызван рукоплесканиями зрителей⁶.

Октябрь, 4. Петербург. Второе представление «Осады Пскова» на сцене

¹ Там же. С. 456.

² Розен Е.Ф. Осада Пскова. СПб., 1834.

³ Цитируется по: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 19 томах. Т. 12. С. 323.

⁴ Новоселье. Ч. 2. СПб., 1834.

⁵ Ярославцев А.К. Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-Горбунок». СПб., 1872. С. 2.

⁶ Северная пчела. 1834, № 221. С. 881; см.: Сын отечества. 1834. № 43. С. 535.

Александринского театра¹.

Октябрь, 10. Петербург. Третье представление «Осады Пскова». Розен посещает постановку, взяв билет на балкон².

Октябрь, 14. Петербург. В прибавлении к «Северной пчеле» № 1 (С. 3–4) напечатана критическая статья об «Осаде Пскова». В ней, в частности, упоминается подробность первой постановки драмы: «Почитатели барона Розена спешили полюбоваться новым его произведением, и вероятно остались довольны, потому что вызвали его. <...> Барон Розен был вызван, и этот вызов тем для него лестнее, что в нем приняли участие многие дамы»³.

Октябрь, 24. Петербург. В «Северной пчеле» (№ 241): «Письмо к Гречу» — ответ Розена на критику своей трагедии.

Ноябрь, 17. Петербург. В «Северной пчеле» (№ 262): рецензия В.М. Строева (подпись: «В. В. В.») на «Осаду Пскова».

Ноябрь, 22. Петербург. В «Северной пчеле» (№ 266): заметка Розена «Не-что о нынешней критике» — ответ на критику Строева.

Ноябрь...Декабрь (?). Петербург. Розен во второй раз выходит в отставку с военной службы.

1835

Январь, 8. Петербург. Ц. р. А.В. Никитенко на издание трагедии Розена «Петр Басманов»⁴.

Январь (?). Петербург. Композитор М.И. Глинка посещает В.Ф. Одоевского со «связкой отдельных нотных листков» — «зародышем» оперы «Иван Сусанин» (будущая «Жизнь за царя»). Вместе они едут к Жуковскому. Последний сам замыслил написать слова на музыку Глинки, но «занятия по службе не позволили ему исполнить своего намерения». Глинка начинает сотрудничать с В.А. Соллогубом, но из-за разногласий по поводу либретто и композиции оперы

¹ Северная пчела. 1834, № 224. С. 890.

² Там же. № 229. С. 913; см.: Там же. № 241. С. 964.

³ Там же. № 232. Прибавление № 1 (14 октября). С. 3–4.

⁴ Розен Е.Ф. Петр Басманов. СПб., 1835.

они вскоре расходятся¹.

Февраль. Петербург. Глинка знакомится с Кукольниковым, которого ему рекомендуют «как лучшего в тогдaшнее время нашего драматического писателя»². Кукольник изъявляет желание писать оперные сцены к написанной музыке, но уезжает в Москву. Из-за невозможности заочной работы над текстом Глинке приходится временно отказаться от этого сотрудничества³.

Февраль, 18. Петербург. В «Северной пчеле» (№ 38): рецензия Розена на «Историю пугачевского бунта» Пушкина.

Февраль...Март, начало. Петербург. Жуковский, вероятно, беседует с Николаем I о русской опере «в народном духе». Император указывает на Розена как на литератора, способного написать слова к такой опере: «Он хотя и немец, но хорошо владеет русским языком, ему довериться можно»⁴.

Жуковский, руководствуясь пожеланием государя, предлагает Розена Глинке в сотрудники, хотя «сам барон вовсе не хотел и не думал попасть в либреттисты»⁵.

Март, 12. Петербург. Глинка в письме к Одоевскому просит уведомить его, на какую дату «назначено свидание с Розеном» — «без него невозможно приступить к делу»⁶.

Март, 12...15 (?). Петербург. Записка Жуковского к Одоевскому: «Заеду к вам, чтобы ехать к Глинке. Оттуда к Розену»⁷.

Март, 15. Пятница. Петербург. Записка Жуковского к Пушкину с просьбой зайти к нему вечером, «часов в десять», «для некоторого совещания»: «У меня будут <...> Глинка, Одоевский и Розен <...>. Ты тут необходим. Приходи,

¹ Летопись жизни и творчества М.И. Глинки: В двух частях / Сост. А.А. Орлова. Часть I. 1804–1843. Л., 1978. С. 80–81. См.: Глинка М.И. Записки. М., 1988. С. 64; Соллогуб В.А. Пережитые дни // Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 575–577.

² Глинка М.И. Записки. С. 69.

³ Летопись жизни и творчества М.И. Глинки. С. 81.

⁴ Там же. С. 83.

⁵ Там же. См. также: Глинка М.И. Записки. С. 64, 69.

⁶ Летопись жизни и творчества М.И. Глинки. С. 82.

⁷ Цитируется по: Летопись жизни и творчества М.И. Глинки. С. 83.

прошу тебя. Приходи непременно»¹.

Вероятно, Пушкин приходит на встречу и обсуждает с ее участниками начало работы над либретто к опере Глинки².

Март, после 15. — Апрель, до 26. Петербург. Розен пишет слова на готовую музыку для первого и второго актов оперы, руководствуясь планом Глинки. Композитор регулярно посещает поэта и отправляет ему записки с указаниями по работе над либретто. Записки содержат требования к метру и содержанию стихов. У Розена их накопилась «порядочная пачка». По воспоминаниям Глинки, поэт в это время живет на Конной площади³.

Апрель. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 16. С. 469–483) опубликован отрывок из трагедии Розена «Дочь Иоанна III» (восьмое явление первого действия).

Май, 8. Петербург. Выходит из печати трагедия Розена «Петр Басманов»⁴.

Май, вторая половина. Петербург. Розен дарит Пушкину экземпляр только что вышедшей из печати трагедии «Петр Басманов» с дарственной надписью: «Любезнейшему Александру Сергеевичу Пушкину от автора»⁵.

Лето. Петербург. Розен пишет трагедию «Дочь Иоанна III»⁶.

Август, 20. Петербург. Розен получает должность секретаря е. и. в. государя-цесаревича Александра Николаевича по ходатайству Жуковского⁷.

¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 16. Переписка, 1835–1837. 1949. С. 100. Датировано неверно: январь–март 1836 (?). Как справедливо отмечает составительница летописи жизни и творчества Глинки А.А. Орлова, в 1836 г. подобное совещание уже не имело смысла.

² См.: Летопись жизни и творчества М.И. Глинки. С. 83; Летопись жизни и творчества Пушкина. Т. 4. С. 289–290.

³ Летопись жизни и творчества М.И. Глинки. С. 84–85; Арнольд Ю.К. Воспоминания Юрия Арнольда. Вып. II. М., 1892. С. 184. Свидетельство Глинки о характере совместной работы с Розеном см.: Глинка М.И. Записки. С. 65, 67, 69.

⁴ См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1835, № 102 (8 мая). С. 967.

⁵ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 4. С. 314.

⁶ Розен Е.Ф. Дочь Иоанна III. СПб., летом 1835 года // Пантеон русского и всех европейских театров. Ч. 2. 1840. <С. 1>; См. также: Киселева Л.Н. Барон Розен о себе // Статьи на случай: Сборник к 50-летию Р. Г. Лейбова. Объединенное гуманитарное издательство Ruthenia.ru, 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Kiseljova.pdf

⁷ Лашенко С.К. М.И. Глинка и Е.Ф. Розен // Искусство музыки: теория и история. № 22–23. 2020. С. 162; см. также: Остафьевский архив князей Вяземских. Т. III. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824–1836. (Примечания). СПб., 1908. С. 660.

1835. Осень. — 1836. Осень (?). Петербург. Розен регулярно посещает «субботы» у Жуковского.

Ноябрь, 6. Петербург. В «Северной пчеле» (№ 251): первая часть статьи о трагедии Розена «Петр Басманов». Подпись: Кси (псевдоним Ф.В. Булгарина).

Ноябрь, 7. Петербург. В «Северной пчеле» (№ 252): окончание статьи о «Басманове».

Ноябрь, 30. Петербург. Вяземский в письме к А.И. Тургеневу: «Глинка пишет новую оперу, то есть Глинка-музыкант, русскую национальную оперу: “Ивана Сусанина”. Поэму пишет барон Розен, но не кавказский и даже не наш неапольский товарищ, которого здесь почти не выдаем, а ревельско-русский поэт с талантом»¹.

Начало зимы. Петербург. Глинка работает над сценой Сусанина с поляками в лесу и дает Розену указания о характере сцены. По свидетельству композитора, развитие этой сцены по его замыслу «вполне принадлежит барону Розену»².

Декабрь, 29. Петербург. Вяземский в письме к А.И. Тургеневу: «Я читал твое письмо в субботу у Жуковского, который сзывает по субботам литераторскую братию на свой олимпийский чердак. Тут Крылов, Пушкин, Одоевский, Плетнев, барон Розен etc., etc.»³

1836

Январь, 18. Суббота. Петербург. Первое чтение «Ревизора» Гоголем на вечере у Жуковского. Розен среди слушателей (вместе с Пушкиным, Вяземским, В.Г. Бенедиктовым, В.Г. Тепляковым)⁴. Поэт вспоминал, что у Жуковского он слушал комедию, «по крайней мере, еще раз десять, как единственное чтение на тех литературных вечерах»⁵.

Январь, 27 или 28. Петербург. Розен вместе с Пушкиным у Карлгофов на

¹ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. III. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824–1836. СПб., 1899. С. 279.

² Глинка М.И. Записки. С. 67.

³ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. III. С. 281.

⁴ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 4. С. 381.

⁵ Розен Е.Ф. Из статьи «Ссылка на мертвых». С. 282. Личные впечатления Розена от чтений комедии см.: Там же. С. 282–284.

обеде в честь Д.В. Давыдова. Присутствуют также Вяземский, Жуковский, Крылов, Плетнев и др.¹

Февраль, 4. Петербург. Письмо Розена к Пушкину (на фр. языке). Посылает свое стихотворение, «написанное недели две тому назад», для напечатания в «Современнике». Просит Пушкина, если тот найдет эту пьесу достойной публикации в журнале, отметить в ней все, что не заслужит его одобрения: «Прошу Вас обойтись со мною без всякого снисхождения к дружбе, которую я к Вам питаю. Если пьеса плоха — Вам стоит лишь сказать это совершенно откровенно: я постараюсь написать что-нибудь получше»² (неизвестно, о каком стихотворении идет речь; в журнале оно опубликовано не было). Отвечает на просьбу Пушкина написать для журнала несколько прозаических статей. Розен серьезно о них «подумывает»: он планирует написать статью о Кукольнике (с целью «доказать вышеупомянутому автору, что все, им написанное, немногого стоит, и что он не овладел даже техникой драматического действия»³), а также «разбор критики наших современных критик», помещенной в «Сыне отечества». Розен упоминает о том, что его взгляд на творчество Кукольника почти совпадает с пушкинским (что свидетельствует о беседах Пушкина с Розеном на эту тему), и поэтому не видит препятствий для публикации первой статьи в журнале. В заключение письма он замечает, что слишком уважает журнальное предприятие Пушкина, чтобы делать из «Современника» «отдушину» для своего негодования, и просит поэта сообщить свое мнение об этих замыслах (Пушкин отказался от предложенных статей).

Розен сообщает свой новый адрес: Дом баронессы Розен, № 59, на Лиговском пруду, у Преображенских бань⁴.

Февраль...Апрель. Суббота. Петербург. После одного из вечеров у Жуковского, на котором вновь читался «Ревизор», Пушкин попросил Розена, собиравшегося уходить, задержаться: «Останьтесь еще: нам *одна* дорога! За мною

¹ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 4. С. 386–387.

² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 16. Переписка, 1835–1837. 1949. С. 82–83. Перевод: там же. С. 381–382.

³ Там же.

⁴ См.: Там же. С. 82–83, 381–382.

приедет экипаж: я вас отвезу!» Розен остался в обществе Жуковского, Пушкина и Одоевского: «Тогда начался настоящий литературный разговор, живой, разнообразный. Кн. Одоевский уехал. Мы ждали еще довольно долго: экипаж Пушкина все не приезжал — и вовсе не приехал!»¹ Розен с Пушкиным отправились по домам пешком (Пушкин — в дом Баташева на Дворцовой набережной, Розен — на Сергиевскую улицу), обсуждая комедию Гоголя. Розен признался, что «Ревизор» произвел на него тяжелое впечатление².

Март, 10. Петербург. В доме М.Ю. Виельгорского устраивается проба одного действия из оперы «Жизнь за царя» с солистами, хором и оркестром³.

Апрель, 3. Петербург. А.А. Краевский сообщает в письме к И.М. Снегиреву, что «с будущего 1837 года» вместе с Одоевским намеревается издавать «энциклопедический и эклектический» журнал «Северный зритель»: «У нас коновод — Жуковский. Кроме того, исключительно участвуют Крылов, Вяземский, Пушкин, барон Розен, два Карамзиных...»⁴. Издание «Северного зрителя» не состоялось.

Апрель, 11. Петербург. Вышел из печати первый том пушкинского «Современника». В нем опубликована статья Розена «О рифме»⁵.

Апрель, 19. Петербург. Письмо Розена к Пушкину (на фр. языке). Посылает трагедию «Дочь Иоанна III» вместе с фрагментом из нее, предназначенным для «Современника» («Иоанн III и Аристотель»). Присоединяет к этому стихотворение, отданное ранее в альманах В.И. Карлгофа, «потому что альманах этот, говорят, не выйдет в свет». Предугадывает мнение Пушкина о своей лирической пьесе: «Вы скажете, что она чересчур уж *немецкая!*» Сообщает, что замышляет «статью столь же странную, как и статья о рифме»: «Напишу ее, принесу к Вам — и мы вместе над ней посмеемся!»⁶

¹ Розен Е.Ф. Из статьи «Ссылка на мертвых». С. 285.

² См.: Там же. С. 284–285, 476.

³ Лобанкова Е. Глинка. Жизнь в эпохе. Эпоха в жизни. М., 2019. С. 230.

⁴ Литературное наследство. Т. 58. С. 121–122.

⁵ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 4. С. 424; Современник. 1836. Т. I. С. 131–154.

⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 16. Переписка, 1835–1837. 1949. С. 107. Перевод: там же. С. 388.

Май, 19. Петербург. Розен с письмом к В.Ф. Одоевскому отправляет обещанную Пушкину «статью для второй книжки “Современника”» («Если годится, напечатайте! если же нет, так бросьте!»¹). Вероятно, речь идет не об отрывке из трагедии «Дочь Иоанна III» (его Розен отправил непосредственно Пушкину еще 19 апреля), а о каком-то другом материале, оставшемся неопубликованным.

В письме Розен интересуется, скоро ли приедет Пушкин (он находится в это время Москве).

Весна — Лето (?). Петербург. В доме актера Я.Г. Брянского устраиваются частные репетиции «Жизни за царя» и спевки оперных исполнителей. По воспоминаниям А.Я. Панаевой, дочери Брянского, к отцу на репетиции приезжают «Петров, Воробьева, Леонов, Степанова, Панаев, младший сын Гедеонова (еще студент), камер-юнкер Хрущев, состоявший по особым поручениям у министра двора» и «автор либретто оперы барон Розен, не пропустивший ни разу этих собраний». Во время исполнения партий Розен «многозначительно посматривает» на Панаева, «как на литератора, который должен оценить его стихи»².

Весна — Ноябрь, 25. Петербург. В Александринском театре, а затем — со второй половины октября — на сцене Большого театра в Петербурге проходят репетиции оперы Глинки. Розен, вероятно, присутствует на них. 25 ноября, за два дня до премьеры, — генеральная репетиция³.

Июль, не позднее 7. Петербург. Выходит в свет второй том «Современника». В нем напечатан фрагмент из трагедии Розена «Дочь Иоанна III» «Иоанн III и Аристотель»⁴.

Октябрь, начало (?). Розен беседует с Пушкиным о повести Гоголя «Нос» (которую Пушкин опубликовал в третьем томе «Современника» с издательским примечанием), удивляясь, каким образом эта «отвратительная бессмыслица» мог-

¹ Литературное наследство. Т. 58. С. 128. Комментаторы письма предположили, что Розен послал Одоевскому отрывок из «Дочери Иоанна III», опубликованный во втором томе «Современника».

² Панаева (Головачева) А.Я. Воспоминания. М., 1986. С. 64–65.

³ Подробнее об этом: Летопись жизни и творчества М.И. Глинки. С. 98–103.

⁴ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 4. С. 471; Современник. 1836. Т. II. С. 194–228.

ла смешить Пушкина¹.

Октябрь, 8...20. Петербург. Розен и Глинка вносят исправления в либретто «Жизни за царя», переписывая места, отмеченные в III отделении².

Октябрь, 13. Петербург. Ц. р. П. Корсакова на печатное издание «Жизни за царя» (из печати книга вышла, предположительно, в ноябре или начале декабря)³.

Ноябрь, 27. Пятница. Петербург. Первое представление оперы «Жизнь за царя» по случаю открытия Большого театра. Присутствует император с семьей и почти весь петербургский свет. Оперу слушают Пушкин, Жуковский, Вяземский, В.Ф. Одоевский, А.И. Тургенев⁴.

***Декабрь, 13. Петербург.** Вероятно, Розен присутствует на завтраке у А.В. Всеволожского по случаю успеха «Жизни за царя», на котором особо чествовали Глинку. В числе присутствовавших, среди которых были Пушкин, Одоевский, Вяземский, Жуковский и др., автор либретто к опере не назван⁵. Возможно, на этом собрании Пушкин просит у Розена прислать ему напечатанное либретто.

Декабрь, 13. Петербург. Письмо Розена к Пушкину (на фр. языке). Отправляет напечатанное либретто «Жизни за царя» («Дорогой друг! Вот Вам либретто оперы»⁶). Пишет о двух своих стихотворениях (о которых, по-видимому, шла речь в одной из бесед с Пушкиным, изъявившим желание с ними ознакомиться), что не имел времени переписать их набело, поэтому пришлет их в следующий раз.

Рассуждая о своем либретто, Розен сетует на то, что успех оперы публика почти целиком приписала музыке Глинки и исполнению актеров, не заметив его труда («Характер Вани — целиком мое создание. <...> Никто не замечает огромных усилий, которых мне стоило это произведение»⁷).

Откликаясь на совет Пушкина взять псевдоним, Розен заявляет: «Это несо-

¹ См. об этом: Розен Е.Ф. Из статьи «Ссылка на мертвых». С. 285–288; см. также: Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 4. С. 506–507.

² См.: Летопись жизни и творчества М.И. Глинки. С. 100–101.

³ Розен Е.Ф. Жизнь за царя. Опера в 3 д. / Соч. барона Розена. Муз. М.И. Глинки. СПб., 1836.

⁴ См.: Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 4. С. 541. Отзывы о первом представлении см.: Летопись жизни и творчества М.И. Глинки. С. 103–108.

⁵ Там же. С. 111.

⁶ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 16. Переписка, 1835–1837. 1949. С. 197. Перевод: там же. С. 399–400.

⁷ Там же. С. 399–400.

гласно с моими убеждениями, с системой, которой я следовал до сего дня»¹. Он не хочет отступать «перед тупостью публики» и признается, что он «открыто порвал со светом» и «уверен в себе».

Декабрь, 19 и 21. Петербург. В «Северной пчеле» (№ 291 и 292) публикуется статья Булгарина об опере «Жизнь за царя». Помимо прочего, критике в ней подвергается розеновский текст (№ 292. С. 1168).

1837

Январь, 2. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» А.А. Краевского (№ 1. С. 1–4): статья Розена (без подписи) о постановке драмы «Отелло» на сцене Александринского театра².

Февраль, 1. Петербург. Розен на отпевании Пушкина в Конюшенной церкви. По свидетельству Никитенко: «Впускали в церковь только тех, которые были в мундирах или с билетом. На всех лицах лежала печаль — по крайней мере наружная. Возле меня стояли: барон Розен, <В. И.> Карлгоф, Кукольник и Плетнев»³.

Февраль, 6. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (№ 6. С. 49–52): повесть Розена «Мери» (начало).

Февраль, 13. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (№ 7. С. 59–64): повесть «Мери» (окончание).

Март, 13. Петербург. В «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (№ 11. С. 104): стихотворение «Небосвод» («Каков он был во дни земного рая...»).

Ноябрь, 6. Петербург. Розен, вместе с Н.А. Полевым, Кукольником, Панаевым, Никитенко и др. присутствует на обеде у А.Ф. Воейкова, данном по случаю открытия типографии. Здесь происходит временное примирение Розена с Кукольником. Никитенко опишет в дневнике, как после застолья у Воейкова «барон Ро-

¹ Там же. С. 400.

² См. свидетельство Ивана Панаева: Панаев И.И. Литературные воспоминания. М., 1986. С. 91–92.

³ Никитенко А.В. Дневник. С. 196; см. также упоминание о встрече с Розеном перед панихидой по Пушкину в апокрифических мемуарах Бурнашева: Бурнашев В.П. М.Ю. Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников // Русский архив. 1872. № 9. Стлб. 1813–1814.

зен каждому доказывал, что его драма “Иоанн III” <“Дочь Иоанна III”> лучшая из всех его произведений»¹.

Декабрь, 17. Петербург. Ц. р. А. Фрейганга на издание «Альманаха на 1838 год» В.А. Владиславлева. В нем стихотворение Розена «Элегия» («Она жила, дитя, под сенью мира...», с. 292)²

1838

Апрель, 11. Петербург. Розен, вместе с Краевским, Н. Полевым, Бенедиктовым, Кукольником и др. на вечере у И.И. Панаева³.

1838. Май (?). — 1839. Лето (?). Розен в свите цесаревича Александра Николаевича путешествует по Европе⁴.

Июль, 16. Карлсбад. Розен из Лейпцига приезжает в Карлсбад (Карловы Вары) к находящемуся там на лечении графу Иосифу Виельгорскому⁵. См. в очерке «Путевой роман» Розена: «В Гамбурге ждало меня поручение по службе, переменившее план моего путешествия: я должен был отыскать в Богемии заболевшего сослуживца, молодого графа В.»⁶ См. об этом также в очерке «Лейпциг. Из путевых записок»⁷.

Июль, 26. Карлсбад. Иосиф Виельгорский пишет Жуковскому: «Розен приехал ко мне тому десять дней; надобно признаться, что с ним поступили очень бесцеремонно. Он не получил еще форменной бумаги о том, что ему делать». Виельгорский просит Жуковского обратиться к А.А. Кавелину, чтобы тот в письме к Розену разъяснил его обязанности и пояснил, «считать ли это время отпуском или

¹ Никитенко А.В. Дневник. С. 202. О вечере у Воейкова см.: Никитенко А.В. Дневник. С. 201–202; Панаев И.И. Литературные воспоминания. С. 107–110. См. также: Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / Ред., вступ. статья и коммент. Вл. Орлова. Л., 1934. С. 501 (карикатура Н.А. Степанова на Полевого, Кукольника, Розена и Воейкова) и 539 (комментарий).

² Альманах на 1838 год. СПб., 1838.

³ См. об этом: Панаев И.И. Литературные воспоминания. С. 100–102, 378.

⁴ См. об эпизодах путешествия в путевых очерках Розена, опубликованных им впоследствии (начиная с 1839 года). См. также: Киселева Л.Н. «Русский путешественник» барон Розен — европеец и космополит. Италия как его идеальная отчизна // Киселева Л.Н. Эстонско-русское культурное пространство. М., 2018. С. 228–242.

⁵ Подробнее см.: Лямина Е.Э., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х гг. М., 1999. С. 346–347, 352.

⁶ Сын отечества. № 9. Отд. 3. С. 92.

⁷ Северная пчела. 1839, № 65.

нет»¹. Он сообщает, что Розен, желавший путешествовать вместе с Шевыревым, получив внезапное поручение отправиться в Карлсбад, немедленно поехал («из уважения к отцу и матери моей, и только для меня мог решиться на это»). Розен сильно издержался во время этой поездки «и теперь в затруднительном положении, получив на всю дорогу от Великого Князя 200 червонцев». О Розене Виельгорский пишет: «Я же с своей стороны очень рад с ним путешествовать. Он добрый малый, изучал недавно римские древности, знает отлично латинский язык, любит художества, поэзию — одним словом, лучше нельзя человека для Италии. В Эмсе он будет вместе со мной лечиться, и все доктора советуют ему эмские воды»².

Июль, 28. Карлсбад — Эмс. Розен вместе с И.М. Виельгорским и его отцом М.Ю. Виельгорским выезжает в Эмс³. В Эмсе он знакомится с немецким писателем Г.-И. Кенигом⁴.

Сентябрь, 7–10. Баден-Баден. Розен вместе с Виельгорскими в Баден-Бадене⁵.

1839

1839. (?). Петербург. В «Прибавлениях к “Журналу Министерства народного просвещения”» печатаются «Отрывки из путевых записок барона Розена» (Литературные прибавления. № 2. С. 32–56; № 5. С. 114–132; № 6. С. 137–153).

Март, 21 и 22. Петербург. В «Северной пчеле» (№ 64 и 65): очерк «Лейпциг. Из путевых записок барона Розена».

Лето. Петербург. Розен просится в отпуск⁶.

1839. Ноябрь...1840. Январь (?). Петербург. Розен получает отставку в

¹ Лямина Е.Э., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. С. 355–356.

² Там же. С. 356.

³ Там же.

⁴ Киселева Л. Барон Розен о себе. См.: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Kiseljova.pdf

⁵ Там же. С. 365–367.

⁶ См.: Киселева Л.Н. «Русский путешественник» барон Розен — европеец и космополит. Италия как его идеальная отчизна. С. 230.

чине надворного советника¹.

1840

1840. Январь (?). Петербург. Жуковский в письме к цесаревичу Александру Николаевичу выражает просьбу об увеличении пенсии Розена: «Барон Розен получил свою отставку; всего на все у него теперь только 400 рублей годового пенсиона. Этого достаточно только для того, чтобы в первую треть года не умереть с голоду. Прошу Вас не оставить Розена. Если Вы сохраните ему то, что было ему от Вас определено сверх того жалованья, которое он получал на своем месте, то для Вас большой траты не будет; а у него будет верный, хотя впрочем весьма скудный, кусок хлеба»². Просьба удовлетворена. Вскоре Жуковский пишет наследнику престола: «За Розена целую Вашу благодетельную руку; Вы меня очень этим порадовали, и Вам самим хорошо быть благотворителем своих приближенных»³.

1840. Январь, около 1. Петербург. Розен присутствует на торжественном обеде, организованном Ф.А. Кони и В.П. Поляковым по случаю выхода в свет первого номера «Пантеона русского и всех европейских театров». Среди гостей Кукольник, Булгарин, братья Каратыгины, Белинский и др.⁴

Май, после 12. Петербург. В журнале «Пантеон русского и всех европейских театров» (Ч. 2) напечатана трагедия Розена «Дочь Иоанна III»⁵, а также очерк «Колизей, древний театр римлян» и стихотворение «Чувства на море».

Сентябрь, 20. Письмо Розена к П.А. Вяземскому. Отсылает экземпляр «Альционы». Жалуется на нервическую головную боль, из-за которой не смог выполнить вторую просьбу: перевести на немецкий язык стихотворение «Петер-

¹ См: Остафьевский архив князей Вяземских. Т. III. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824–1836. (Примечания). СПб., 1908. С. 660; Киселева Л.Н. «Русский путешественник» барон Розен — европеец и космополит. Италия как его идеальная отчизна. С. 230.

² Письма В.А. Жуковского к государю императору Александру Николаевичу // Русский архив. 1883. № 3. С. 39–40.

³ Там же. С. 40.

⁴ Оксман Ю.Г. Летопись жизни и творчества В.Г. Белинского. М., 1958. С. 225.

⁵ См.: Розен Е.Ф. Дочь Иоанна III // Пантеон русского и всех европейских театров. Ч. 2. 1840. С. 1–64. По наблюдению Л.Н. Киселевой, отдельные экземпляры трагедии являются оттисками из журнала.

бургская ночь» для композитора Дж. Мейербера: «Полагаю, однако, что и перевод должен быть с рифмами, ибо белые стихи не дадут Мейерберу никакого понятия об игривости и звучности Вашей милой пьесы»¹. Сообщает также о себе: «Я перевел на немецкий язык свою последнюю трагедию — и вышло хорошо»². Просит Вяземского выслать ему брошюру Г.-И. Кенига, написанную в ответ Н.И. Гречу.

Сентябрь, 25. Письмо Розена к П.А. Вяземскому: «Желая показать свою готовность к Вашим услугам, я с чрезмерным насилием перевел первый и два куплета Вашей “Ночи”, и при сем прилагаю. Перевод, вероятно, не хорош, ибо голова мутна от пронзительной боли»³. Сообщает, что получил ответ Г.-И. Кенига.

Декабрь, 20. Петербург. Ц. р. Е.И. Ольдекопа на издание выполненного Розеном перевода своей трагедии «Дочь Иоанна III» на немецкий язык⁴.

1841

1841 (?). Петербург. Розен женится на своей экономке, женщине простого звания, «с которой он уже прижил двух сыновей»⁵.

1841. (?). Петербург. Розен в письме к Погодину в Москву сообщает, что из драматических героев его больше всего «теперь занимает Петр Великий». Он делится замыслом написать трагедию о Петре и царевиче Алексее на немецком языке: «Лучше всех для драматического поэта наш царевич Алексей Петрович! Если немножко его облагородить, очистить его патриотизм от луку, квасу и староверчества; вселить в него мысль, что отец губит дух народности, тогда борьба Петра с сыном — такой сюжет, на который можно бы положить всю жизнь свою!»⁶ Розену интересно узнать, как Погодин представил царевича в своей трагедии «Петр Великий». Он просит прислать ему рукопись трагедии.

1841. (?). Петербург. Розен через К.И. Арсеньева получает рукопись погодинского «Петра» и в письме к автору восторженно отзываясь о его трагедии:

¹ Письма Розена Е.Ф. к Вяземскому П.А. // РГАЛИ. Ф. 295. Оп.1. Ед. хр. 2670. Л. 1.

² Там же.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Киселева Л. Барон Розен о себе. См.: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Kiseljova.pdf

⁵ Арнольд Ю.К. Воспоминания Юрия Арнольда. С. 184. Предположительную датировку см.: Киселева Л.Н. Роман об остзейце и его автор // Киселева Л.Н. Эстонско-русское культурное пространство. М., 2018. С. 230, 256

⁶ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 4. С. 15.

«Обращусь к мысли, опечалившей меня по прочтении пьесы. Боже мой! Сколько у нас в последнее десятилетие вышло *Кукольных* драм, в которых нет ни поэзии, ни истории, ни толку, ни смысла, а ваш Петр доньше остался — и, вероятно, навсегда останется — в вашем портфеле!»¹

Февраль (?). Петербург. В «Литературных прибавлениях» к «Журналу министерства народного просвещения» (№ 2. С. 32–48) напечатан путевой очерк Розена «Поездка в Милан».

Апрель, 4. Петербург. Письмо Розена к С.П. Шевыреву. Сообщает, что перевел на немецкий язык свою трагедию «Дочь Иоанна III»: «Я перевел на немецкий язык свою трагедию “Дочь Иоанна III”: это апелляция в Ареопаг германской критики! При сем посылаю два экземпляра этого перевода: один для Вас, другой для Погодина, которому прошу и кланяться от меня»². Пишет: «Радуюсь Вашему “Москвитянину”! В те дни, когда могу гулять, захожу в кондитерскую и ведаюсь с Вашим журналом. Дай Бог ему много подписчиков!»³

Март, 4. Петербург. Розен завершает автобиографию, которую он публикует в качестве предисловия к немецкому изданию трагедии «Дочь Иоанна III»⁴.

Май, 4. Петербург. Розен сообщает в письме к Сербиновичу, что «переменил свою квартиру»⁵.

Июнь, 5. Петербург. Розен получает письмо от К.А. Фарнхагена фон Энзе, которому он через графиню Виельгорскую некоторое время назад передал книгу с переводом своей трагедии на немецкий язык. В письме, «исполненном похвал и вежливостей», немецкий писатель, по наблюдению Розена, «порядочный знаток русского языка», просит прислать ему русский оригинал «Дочери Иоанна III»⁶.

Июнь, 6. Петербург. Письмо Розена к издателю «Пантеона русского и всех европейских театров» и «Литературной газеты» Ф.А. Кони. Розен посылает Кони

¹ Там же.

² Письма Е.Ф. Розена к Степану Петровичу Шевыреву // ОР РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 474. Л. 16.

³ Там же.

⁴ Киселева Л.<Н.> Барон Розен о себе. См.: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Kiseljova.pdf

⁵ Киселева Л.Н. Роман об остзейце и его автор // Киселева Л.Н. Эстонско-русское культурное пространство. М., 2018. С. 230.

⁶ Из портфеля старого журналиста. Письма к Ф.А. Кони // Русский архив. 1911. № 11. С. 381–382.

экземпляр изданного перевода трагедии «Дочь Иоанна III» и обращается к нему с просьбой передать ему, если возможно, номер «Пантеона», в котором напечатана трагедия на русском языке: «Желание Фарнгагена заставляет меня прибегнуть к вам. У меня растаскали особо отпечатанные экземпляры моей *Дочери Иоанна*, даже второй № Пантеона за прошедший год, где была помещена пьеса. Не имеется ли у вас, или у Полякова, лишнего экземпляра упомянутого второго номера Пантеона?»¹ В конце письма Розен сообщает, что он «опять переменял квартиру, но переехал недалеко от прежней <находившейся на Знаменской (или Офицерской) улице>», и пишет новый адрес: Госпитальный переулок, дом Нелидова, № 21².

1842

Март, после 2. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 3. Отд. 3. С. 6–8): баллада Розена «Марциан».

Март, 29. Петербург. В «Литературной газете»: путевой очерк Розена «Окрестности Женевского озера».

Апрель, начало. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 4. Отд. 3. С. 6–8): стихотворение Розена «Встреча в Эгерском замке» (с подписью: «Эгер. 29 июня / 11 июля 1838»³).

Май, 30. Петербург. Фельетонист «Северной пчелы» (возможно, Розен) возмущается, что «Отечественные записки» не хвалят дарование Загоскина, но поднимают на щит Гоголя, которого «называют первым нынешним прозаиком, образцовым писателем, классиком»⁴.

Май, 31. Петербург. Цензурное разрешение журналу «Сын отечества», в котором напечатано стихотворение Розена «Вечный огонь» (№ 6. Отд. 3. С. 1–2) и анонимная большая статья о первом томе «Мертвых душ» Гоголя (Отд. 6. С. 1–30;

¹ Там же.

² Там же.

³ Историю стихотворения см. в очерке «Лейпциг. Из путевых записок»: Северная пчела. 1839, № 65 (22 марта).

⁴ Северная пчела. 1842, № 119 (30 мая). С. 475.

вероятно, написана Розеном)¹.

Июль, после 28. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 7. Отд. 5. С. 1–22): очерк Розена «Первая прогулка по Риму».

1843

Март, после 23. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 3. Отд. 3. С. 2–13): русская идиллия Розена «Родник» («В день межений, в самый полдень знойный...»). Здесь же (Отд. 6. С. 1–18): статья Розена о «Стихотворениях М. Лермонтова».

1844

Март, после 8. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 2. С. 59–66): рецензия Розена на «индейскую повесть» «Наль и Дамаянти» Жуковского².

Апрель, после 7. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 6. С. 175–182): очерк «Ватиканский собор».

1845

Лето...Осень (?). Полюстрово. Розен покупает небольшой дачный домик под Петербургом, в Полюстрове. Он почти безвыездно живет там с семьей. См. в стихотворении «Загородье на Полюстрове» (написано в ноябре 1848 года): «Четвертый год по воле Демиурга // Я зимний житель загородных мест, // Я загородный житель Петербурга»³. По воспоминаниям Ю.К. Арнольда, несколько раз посещавшего Розена в Полюстрове, с этого времени он ведет «затворническую жизнь, вполне посвятивши себя каким-то лингвистическим исследованиям»⁴.

1846

Январь, начало. Петербург. В «Литературной газете» под редакцией Н.А. Полевого (№ 1): стихотворение Розена «Эврипид».

Август, 13. Петербург. Н.И. Греч в письме к Ф.В. Булгарину: «Завтра будет

¹ См.: Оксман Ю.Г. Летопись жизни и творчества В.Г. Белинского. М., 1958. С. 330.

² См. также: Журнал министерства народного просвещения. 1844. Ч. XLIII. С. 185.

³ Сын отечества. 1849. № 1. Отд. 3. С. 12.

⁴ Арнольд Ю.К. Воспоминания Юрия Арнольда. С. 184.

в “Пчеле” пушечный выстрел в Гоголя из орудия — барона Розена!»¹

Август, 14. Петербург. В № 181 «Северной пчелы»: статья Розена «Поэма Н.В. Гоголя об “Одиссее”» с язвительной критикой опубликованного в июле письма Гоголя к Н.М. Языкову «Об “Одиссее”, переводимой Жуковским», впоследствии вошедшего в «Выбранные места из переписки с друзьями».

Октябрь, 29. Москва. Шевырев в письме к Гоголю в Неаполь: «Письмо твое <«Об “Одиссее”, переводимой Жуковским»> вызвало многие толки. Розен восстал на него в “Северной Пчеле” такими словами: если “Илиаду” и “Одиссею” язычник мог сочинить, что гораздо труднее, то, спрашивается, зачем же нужно быть христианином, чтобы их перевести, что гораздо легче. Многие находили это замечание чрезвычайно верным, глубокомысленным и остроумным. Более снисходительные судьи о тебе сожалеют о том, что ты впал в мистицизм»².

1847

Январь, начало. Петербург. В «Сыне отечества» — возобновленном К.П. Масальским в начале 1847 года после почти трехлетнего перерыва — напечатана баллада Розена «Царь Сой» (№ 1. Отд. 3. С. 6–7), путевой очерк «Поездка на дачу Горация» (Отд. 5. С. 1–46) и его же (без подписи) вступление к отделу критики и библиографии (Отд. 6. С. 1–11) о задачах «истинной критики»³. Здесь же напечатана критика неизвестным рецензентом лекций по истории русской словесности С.П. Шевырева (изданы в книге «История русской словесности, преимущественно древней» в 1846 году), авторство которой Шевырев приписывает Надеждину, а Погодин — Розену⁴.

Февраль, начало. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 2. Отд. 3. С. 1–48): начало исторической трагедии Розена «Гелимер, последний царь вандалов» и его рецензия (без подписи) на «Римские письма» А.Н. Муравьева (Отд. 6. С. 1–19).

¹ Переписка Н.И. Греча и Ф.В. Булгарина // Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: Статьи и материалы. М., 2016. С. 438.

² Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 13: Переписка. 1845–184. М., 2009. С. 429.

³ См. личное указание Розена на то, что вступление принадлежит ему: Северная пчела. 1848, № 57.

⁴ См.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 9. СПб., 1895. С. 422–423.

Здесь же (Отд. 6. С. 41–48): «Журнальные заметки» Розена (без подписи) по поводу перехода части сотрудников «Отечественных записок» (в том числе Белинского) в «Современник» («Из главной квартиры *толстого* журнала потянулась процессия молодых — обреченных на переселение — сотрудников»¹, «С участием публика смотрит на вереницу благообразных юношей: А, В, С и проч., стройно, по алфавитному порядку, идущих в лагерь одного *тоненького* журнала»²).

Март, начало. Петербург. В «Сыне отечества»: стихотворение Розена «Могила Пушкина» (№ 3. Отд. 3. С. 1–2), продолжение трагедии «Гелимер, последний царь вандалов» (С. 5–18) и первая статья о «Воспоминаниях Фаддея Булгарина» (Отд. 6. С. 22–41).

Апрель, начало. Петербург. В «Сыне отечества»: продолжение трагедии «Гелимер, последний царь вандалов» (№ 4. Отд. 3. С. 1–32) и вторая статья о «Воспоминаниях Фаддея Булгарина» (Отд. 6. С. 1–28).

Май, начало. Петербург. В «Сыне отечества»: окончание трагедии «Гелимер, последний царь вандалов» (№ 5. Отд. 3. С. 1–50).

Июнь, начало. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 6. Отд. 3. С. 3–40): мемуарная статья Розена «Ссылка на мертвых».

Июль, начало. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 7. Отд. 6. С. 13–25): статья Розена (без подписи) поэмы Байрона «Дон-Жуан» В.И. Любич-Романовича.

Август, начало. Петербург. В «Сыне отечества»: очерк Розена «Морская поездка» (№ 8. Отд. 3. С. 3–24) и вторая статья о переводе «Дон-Жуана» Романовича (Без подписи. Отд. 6. С. 1–18). Здесь же: «Журнальные заметки» Розена (Без подписи. Отд. 6. С. 38–48) по поводу опечаток, критики в «Отечественных записках» его статьи о воспоминаниях Булгарина, замечаний «Отечественных записок» о Пушкине и Гоголе; здесь же Розен дает пояснения к своей мемуарной статье «Ссылка на мертвых», отвечая на критику Л.В. Брантом (Я. Я. Я.) статьи в № 127 «Северной пчелы». Он пишет также об оценке в «Современнике» его ре-

¹ Сын отечества. 1847. № 2. Отд. 6. С. 42.

² Там же. С.45.

цензии на письмо Гоголя «Об “Одиссее”»: «Литера Б. <В.Г. Белинский> признала своего прежнего любимца Гомера <т. е. Гоголя> до того упавшим, что и “бездарный писатель” нашел себя в состоянии написать о нем статью, грубую и неприличную по тону, но *дельную* и *справедливую* (это намек на мою прошлогоднюю статью в “Северной пчеле”»)¹.

Сентябрь, начало. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 9. Отд. 3. С. 85–104): «Путевой роман» Розена (см. упоминание о встрече с С.П. Шевыревым в Любеке и отъезде к Иосифу Виельгорскому). Здесь же (Отд. 6. С. 1–16): первая статья Розена о «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год» (без подписи)².

Октябрь, начало. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 10. Отд. 6. С. 1–22): вторая статья о «Московском сборнике».

Ноябрь, 20 (Декабрь, 2). Неаполь. Гоголь в письме к Шевыреву в Москву о втором томе «Мертвых душ»: «Тут ведь я буду посильнее, чем в “Переписке”. Там можно было разбить меня впух и Павлову, и барону Розену, а здесь вряд ли и Павловым, и всяким прочим литературным рыцарям и наездникам будет под силу со мной потягаться»³.

1848

Январь, начало. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 1. Отд. 3): стихотворение Розена «Очарованная слеза» (С. 2–3) и очерк «Странствие по Германии» (С. 7–29). Здесь же: рецензия Розена (без подписи) на «Римские письма» А.Н. Муравьева (Отд. 6. С. 1–22).

Январь. Москва. В журнале «Москвитянин» (№ 1. Отд. критики. С. 1–29) напечатана статья С.П. Шевырева о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя. В ней Шевырев, в частности, отвечает на статью Розена «Поэма Н.В. Гоголя об “Одиссее”» (см. *14 августа 1846*).

¹ Там же. № 8. Отд. 6. С. 48.

² Свидетельство Розена об авторстве статей о «Московском сборнике» см.: Северная пчела. 1848, № 57.

³ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 13: Переписка. 1847. М., 2009. С. 465.

Февраль, начало. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 2. Отд. 3. С. 3–40): очерк Розена «Прогулка по Рейну».

Февраль, 5. Полюстрово (?). Письмо Розена к Булгарину. Благодарит адресата и Греча за предложение участвовать в «Северной пчеле» и заявляет, что «во всех отношениях доволен условиями» редакции. Просит месяц на то, чтобы испытать себя в роли газетного рецензента: «Я писал рецензии для журнала <имеется в виду «Сын отечества»>, но поэтому я еще не вправе воображать, что я способен и к статьям критическим для “Газеты”. Попробую. <...> Если же окажусь неспособным, то за этот месяц искуса не потребую и не возьму никакого гонорария и останусь в моих нынешних отношениях к “Северной пчеле”, и всегда готовым, по требованию и назначению редакции ее, помещать в ней, от времени до времени, критические статьи, безвозмездно за мой даровой экземпляр»¹. Розен предполагает, что получил предложение стать рецензентом по причине известной ему размолвки Булгарина с Л.В. Брантом, одним из сотрудников газеты. Просит Булгарина прислать 5 и 6 тома «Воспоминаний», чтобы написать третью статью о них в «Сыне отечества».

Февраль, 6. Петербург. Розен приходит к сыну Греча Алексею Николаевичу и у него «пятью минутами» не застаёт Булгарина².

Февраль, 7. Полюстрово (?). Ответ Розена на несохранившееся письмо Булгарина. Поясняет свою оговорку по поводу Бранта. Просит назначить ему несколько книг для рецензирования. Обещает: «Завтра, в начале третьего часа пополудни (лишь бы не помешала сильная зубная боль) явлюсь в редакцию “Северной пчелы” (а если нельзя будет, так послезавтра в тот же час): увидимся и кончим дело»³.

Февраль, 10. Полюстрово (?). Фельетонное письмо Розена к Булгарину «в роде шутки». Оговаривает опечатки в очерке «Прогулка по Рейну», которые «вводят в заблуждение добрых людей, редактирующих прогрессивно-гуманный

¹ Из архива Ф.В. Булгарина (письма к нему разных лиц) // Русская старина. 1901. Т. CV. С. 387–388.

² Там же. С. 388.

³ Там же. С. 388–389.

журнал <имеются в виду «Отечественные записки»>». Под письмом приписка К.П. Масальского: «По желанию почтенного барона, я прочитал статью его и присоединяю мою просьбу о напечатании этой статьи в “Северной пчеле”»¹.

Февраль, 14. Петербург. В «Северной пчеле» (№ 36) напечатан фельетон Булгарина «Журнальная всякая всячина» с критикой первых двух книжек «Москвитянина» на 1848 год и представления в журнале Гоголя «каким-то гениальным существом, выше всего, что когда-либо производила Россия»². Отвечая на упоминание в № 1 «Москвитянина» «мнения полунемецкого критика» по поводу письма Гоголя «об “Одиссее”...», Булгарин, угадав в нем намек на Розена, выступает в защиту барона: «Ужели мы должны судить о достоинстве русских литераторов по их племенному происхождению, и что значит *полунемецкий* критик! Всем и самому Москвитянину известно, что г. Гоголь не может читать ни по-гречески, ни по-латыни <...>, и как же г. Гоголь мог инстинктом проникнуть дух бессмертных творений Гомера? Критика известного и отличного русского литератора, барона Розена (которого талант ценил Пушкин и ценят все образованные литераторы) <...> доказывает, напротив того, что барон Розен прилежно изучил Гомера, и если Москвитянин не согласен в мнении с критиком, надлежало опровергнуть критику категорически, как пристойно ученому журналу, без полунемецких эпитетов»³. Булгарин освещает полемику вокруг «Истории русской словесности» и ответ Шевырева на критику своей книги в «Сыне отечества».

Февраль, 27. Петербург. В «Северной пчеле» (№ 45. С. 179) напечатана рецензия Розена на «второе полное собрание сочинений А. Марлинского». Подпись: Б. Р.

Март, начало. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 3. Отд. 6): рецензия Розена на сочинения Е.П. Гребенки (тома I–III издания «Романы, повести и рассказы Е. Гребенки»)

Март, 12. Петербург. В «Северной пчеле» (№ 57) напечатан ответ Розена Шевыреву по поводу развернувшейся полемики вокруг «Истории русской сло-

¹ Там же. С. 389–391.

² Северная пчела. 1848, № 36 (14 февраля). С. 143.

³ Там же.

весности». Розен отмечает подозрения в том, что он был безымянным рецензентом, написавшим статью о его лекциях в «Сыне отечества» (см.: январь 1847), называя автором неизвестного «Выш-ского».

Апрель, начало. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 4. Отд. 6): рецензия Розена на «Русский песенник», изданный К. Авдеевой (С. 1–10), и статья о собрании сочинений А.А. Бестужева-Марлинского (С. 10–29). В последней Розен, в частности, полемизирует со славянофилами и развивает свою концепцию постепенного «народного просвещения».

Апрель. Москва. В «Москвитяине» Шевырев отвечает критикам своих лекций по истории русской словесности, в том числе Розену. В отдельном обращении к барону Шевырев вновь полемизирует с его оценкой письма Гоголя «Об “Одиссее”, переводимой Жуковским»¹.

Май, начало. Петербург. В «Сыне отечества»: роман Розена «Сидонский» (№ 5. Отд. 3. С. 5–98) и рецензия на повесть «Двойная жизнь» К.К. Павловой (Отд. 6. С. 1–19). В последней — критика «схоластического» направления «московской школы».

Июнь, начало. Петербург. В «Сыне отечества»: окончание романа «Сидонский» (№ 6. Отд. 3. С. 7–134) и рецензия Розена на книгу П.А. Вяземского о Д.И. Фонвизине (Отд. 6. С. 1–23).

Июль, после 1. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 7. Отд. 6. С. 1–19): начало рецензии Розена на книгу «Систематическое описание Помпеи, с монографией Везувия и очерком Геркуланума...» В. Классовского. Здесь же опубликована заметка «Письмо к “Москвитянину” от барона Розена» (С. 19–31. Написана 17 июня 1848), продолжающая полемику с Шевыревым по поводу письма Гоголя «Об “Одиссее”...».

Август, начало. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 8. Отд. 6. С. 32–53): окончание рецензии Розена на книгу В. Классовского «Систематическое описание Помпеи...».

¹ См.: Шевырев С.П. Ответы [Булгарину — Барону Розену — «Отечественным запискам» — Белинскому — Несколько слов «Северному обозрению»] // Москвитянин. 1848. № 4. Отд. критики. С. 105–125.

Сентябрь, начало. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 9. Отд. 6. С. 1–12): рецензия Розена на книгу «Альциона. Учено-литературный сборник, изданный Константином Зеленецким».

Октябрь, после 3. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 10): идиллия Розена «Сороковая невеста» (Отд. 3. С. 3–6), вторая рецензия на собрание сочинений Е.П. Гребенки (Отд. 6. С. 1–9) и статья «Опыт оправдания пьесы “Память Бородинской битвы”, соч. И. Великопольского» (С. 9–12).

Ноябрь, начало. Петербург. В «Сыне отечества»: окончание очерка «Прогулка по Рейну» (Отд. 3. С. 39–80) и третья статья о «Воспоминаниях Фаддея Булгарина» (Отд. 6. С. 1–31).

Ноябрь, 17. Полюстрово. Розен оканчивает автобиографическую «идиллию в октавах» «Загородье на Полюстрове» («Наскучил мне столичных улиц шум...»), обзирающую его жизненный путь и описывающую его уединение с семьей в деревне графа А.Г. Кушелева-Безбородко под Петербургом¹.

Декабрь, начало. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 12. Отд. 3. С. 71–81): эпилог к роману Розена «Сидонский» под названием «Письмо Сидонского к Скифу». Здесь же (Отд. 6. С. 1–13): рецензия Розена на русский перевод романа Фенимора Купера «Два адмирала».

1849

Январь, после 1. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 1. Отд. 3. С. 7–18) напечатана «идиллия в октавах» «Загородье на Полюстрове» Розена. Здесь же (Отд. 6. С. 1–19): рецензия Розена на «Новые стихотворения В. Жуковского».

Август...Октябрь (?). Петербург. Розен принимает от К.П. Масальского редакцию «Сына отечества», но, по свидетельству В.Р. Зотова, в это время мало занимается журналом и не дает в него статей².

Октябрь, после 24. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 9. Отд. 3. С. 1–74)

¹ См.: Сын отечества. 1849. № 1. С. 7–18.

² Зотов В.Р. Петербург в сороковых годах // Исторический вестник. 1890. Т. XL. С. 558. См. свидетельство об активном участии Розена в «Сыне отечества» в его идиллии «Загородье на Полюстрове»: Сын отечества. 1849. № 1. Отд. 3. С. 12–13. См. также: Рогачевский А.Б. Масальский Константин Петрович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 540.

напечатан очерк «Путешествие по Швейцарии». В отделе критики и библиографии (С. 1–20): продолжение рецензии Розена на книгу В.И. Классовского «Помпея, с монографией Везувия и очерком Геркуланума» (содержащая, в частности, выпады против «Современника»).

Декабрь, начало. Петербург. В «Сыне отечества» (№ 10. Отд. 3): стихотворение Розена «Мечтательнице» 1828 года (С. 1–2) и путевой очерк «Римский пилигрим» (С. 3–54). Отдел критики (Отд. 6. С. 1–25) состоит из двух статей Розена: здесь его рецензия на «Стихотворения Ф. Миллера» и «Критические заметки (Журнальный вопрос. Классическая замашка “Современника” относительно эллинизма и истинный эллинизм. Горсть земли с могилы Сомова)».

1850 — 1852

Об этих годах в жизни Розена почти ничего не известно. Он периодически публикует статьи в «Северной пчеле».

1853

Январь, 18. Полуостров. Письмо Розена к Булгарину. Благодарит за новые экземпляры «Северной пчелы», которые он «уже несколько лет сряду» получает бесплатно («gratis»). Посылает новую статью для газеты. Пишет о себе: «Делать нечего, я должен приняться опять за критику, снять с некоторых лиц незаслуженные венки; я один, в нашем журнальном мире, муж прямой правды, все прочие виляют. Гоголя и Андрея Муравьева я уже судил, теперь у меня на очереди Кукольник, Ростопчина, Брамбеус». Высказывается о Кукольнике: «Интересна для меня античная двусмысленность ваших оракулов. Вы сказали когда-то, что все, к чему ни прикоснется Кукольник, превращается в золото! Сушая правда! Наилучший предмет в руках Кукольника становится тем золотом, которое ведают золотари les mattres des basses oeuvres <материи низких произведений (фр.)>»¹.

Февраль, 26. Полуостров. Письмо Розена к В.П. Гаевскому. Пишет, что проблемы со здоровьем не позволили ему «взаимным визитом засвидетельство-

¹ Из архива Ф.В. Булгарина (письма к нему разных лиц). С. 391–392.

вать свою благодарность тем, кто побывал у меня в моем дальнем уединении»¹. Просит вернуть выдержку из «Сына отечества» со статьей «Ссылка на мертвых» через «подателя сего», «действительного студента Сергея Петровича Городецкого»².

1853. Полюстрово (?). Скончалась жена Розена, оставив его с шестью детьми на руках³.

1854

Август, 13. В «Северной пчеле» (№ 180) публикуется начало статьи Ростислава (Ф.М. Толстого) «Музыкальные беседы. О художественной деятельности М.И. Глинки. Подробный разбор оперы “Жизнь за царя”».

Август, 19. В «Северной пчеле» (№ 185) публикуется продолжение статьи Ф.М. Толстого.

Август, 25. В «Северной пчеле» (№ 190) публикуется продолжение статьи Ф.М. Толстого.

Сентябрь, 3. В «Северной пчеле» (№ 197. С. 935–936) печатается «Письмо в редакцию “Северной пчелы” о странном похищении авторства» Розена (по поводу статьи Ф.М. Толстого и авторства либретто «Жизни за царя»).

Сентябрь, 6. В «Северной пчеле» (№ 199) публикуется продолжение статьи Ф.М. Толстого.

Сентябрь, 9. В «Северной пчеле» (№ 201. С. 955–958) печатается «Письмо в редакцию “Северной пчелы”» Ростислава (Ф.М. Толстого) в ответ на возражения Розена.

Сентябрь, 13. В «Северной пчеле» (№ 204) публикуется продолжение статьи Ф.М. Толстого.

Сентябрь, 15. В «Северной пчеле» (№ 206. С. 979) печатается продолжение «Письма в редакцию “Северной пчелы”» Ф.М. Толстого.

¹ Письмо Е.Ф. Розена к Виктору Павловичу Гаевскому // ОР РНБ. Ф. 171. Оп. 1. Ед. хр. 239. Л. 1.

² Там же. Л. 1 об.

³ См.: Киселева Л.Н. Роман об остзейце и его автор // Киселева Л.Н. Эстонско-русское культурное пространство. М., 2018. С. 256.

Сентябрь, 21. В «Северной пчеле» (№ 211) публикуется продолжение статьи Ф.М. Толстого.

Сентябрь, 27. В «Северной пчеле» (№ 216) публикуется окончание статьи Ф.М. Толстого.

1855

Октябрь, 25. Письмо Розена к П.А. Вяземскому. Пишет о том, что только недавно узнал о возвращении адресата в Россию и его назначении товарищем министра просвещения: «Несказанно обрадовался я этой вести, менее за себя — я писатель уже отставной, — нежели за литературу русскую, в особенности за будущность ее»¹. Отправляет на просмотр неизвестное сочинение: «Позвольте мне обратиться к Вашему сиятельству с литературною просьбою. В самом горьком и болезненном состоянии, так сказать, под сенью ежедневно ожидаемой смерти, написал я пьесу, которую желал бы представить на суд Ваш и поручить Вашему ходатайству, для появления в печать <...> Дорог для меня критик-поэт, который, как Вы, любит русскую старину и наистрожайше держится узаконенных приличий света»².

1856

Июль, 5. В «Северной пчеле» (№ 149. С. 767): статья Розена «Мысли при известии о конкурсе для драматических сочинений, по случаю столетнего юбилея русского театра 30-го августа сего года» (датирована 24 июня).

1857

1857. (?). Петербург. Издана трагедия Розена «Князья Курбские» (поздняя редакция трагедии «Осада Пскова»).

Апрель, 26. Петербург. Цензурный рапорт И.А. Гончарова о трагедиях Розена «Князья Курбские» и «Царевич» (об Иване Грозном и царевиче Иване, пере-

¹ Письма Розена Е.Ф. к Вяземскому П.А. // РГАЛИ. Ф. 295. Оп.1. Ед. хр. 2670. Л. 3.

² Там же. Л. 3 об.

работка трагедии «Россия и Баторий»¹.

Май, 12. Петербург. Ц. р. В. Бекетова на публицистическую книгу Розена «Отъезжие поля»².

Август, 9. Москва (?). А.С. Хомяков отправляет в Комиссию Академии наук по присуждению Уваровской литературной премии трагедию Розена «Царевич» и сопроводительное письмо к ней: «Драму барона Розана <sic>, присланную мне для разбора, имел я честь получить в начале прошлого месяца...»³. Хомяков объясняет, что не смог написать рецензию на трагедию по личным обстоятельствам: в это время тяжело заболела его мать.

Вместе с трагедией Розена в 1857 году на конкурс были представлены два драматических сочинения: комедия И.Е. Великопольского «Мир слепых» и драма неизвестного автора «Человек судьбы»⁴.

Декабрь, 11. После 6 часов 30 минут вечера. Петербург. На сцене Александринского театра в бенефис актера Леонидова представлена трагедия Розена «Князя Курбские»⁵.

Декабрь, 26. Полуостров. Розен пишет статью «Драматические судьбы князей Курбских» — ответ на критику постановки трагедии в № 280 «Северной пчелы» (С. 1525–1526). Помимо прочего, Розен сообщает предысторию бенефиса Леонидова: «Никакой провозвестнице муз не поверил бы я, чтобы в самую скучную осень ноябрьскую, когда давно следовало быть зиме, в пустынном загороде отыщет меня просьба г. Леонидова дать ему эту пьесу в бенефис! Я долго и всячески отговаривался, но ничем не мог отговориться: довелось сделать угодное отличному артисту! <...> По болезни я не видал ни одного из трех представлений; с трудом мог я быть только на второй репетиции»⁶.

¹ Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Т. 10: Материалы цензорской деятельности. СПб., 2014. С. 28–30.

² Розен Е.Ф. Отъезжие поля. СПб., 1857.

³ Рукописный отдел Пушкинского Дома. Ф. 166. Оп. 6. Ед. хр. 45. Л. 2.

⁴ Рукописи, представленные на Уваровский конкурс [Опись архивного материала] // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 56. С. 1. Копия трагедии Розена, оставшейся неизданной, хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

⁵ Северная пчела. 1857, № 272 (11 декабря). С. 1288.

⁶ См.: Северная пчела. 1859, № 12 (16 января). С. 56–57.

Январь, 16. Петербург. В «Северной пчеле» (№ 12. С. 55–57) опубликована заметка Розена «Драматические судьбы князей Курбских».

Октябрь, 23. Полюстрово. Розен завершает статью «Вторая неудача Уваровских наград» с критикой комиссии по присуждению Уваровской премии. Комиссия уже второй год не присуждает награды ни одной из представленных на конкурс драм (см.: «Отчет о втором присуждении наград графа Уварова». Санкт-Петербургские ведомости, № 215), что возмущает Розена. Он пишет: «Наша драматическая комиссия забраковала сподволь, в два приема, тринадцать драматических сочинений, не называя ни единого по заглавию и безо всякого между ними различия, ни на каких критических доводах не основывая своего бесцеремонного приговора; не подозревая, что в числе отвергаемых ими пьес могли быть и такие, каких она пятьдесят лет не дождется»¹. Розен также осуждает в статье «натуральную школу» считая ее «родоначалием» «поэму» «Мертвые души» Гоголя: «“Мертвые души” — подлинно мертвечина, породившая названную школу процессом, называемым *generatio aequivoca* <самозарождение (лат.)>! Романы же Загоскина, Лажечникова, Булгарина и других занимают у нас свое узаконенное место, и таких, по-видимому, мы не скоро дождемся»². Здесь же Розен не удерживается от очередного выпада в сторону «московской схоластики», повторяя основную идею своих статей о «Московском сборнике» на 1847 год: «А славянофилы? Того и гляди, что они сотрут все русское новейших времен, не происшедшее от заграничной славянщины!»³

Январь, 10. Петербург. В «Северной пчеле» (№ 7. С. 25–27) напечатана статья Розена «Вторая неудача Уваровских наград» со следующим примечанием: «Редакция получила эту статью из Цензурного комитета с оговоркою, что Академия Наук, рассмотрев эту статью, признала ее произведением весьма слабым и не

¹ Там же. 1859, № 7 (10 января). С. 26.

² Там же. С. 25.

³ Там же.

заслуживающим никакого внимания, и поэтому именно не считает нужным ни отвечать на странные суждения автора и его выходки против Академии, ни препятствовать напечатанию его статьи»¹.

Май, 29. Петербург. Министр Двора граф В.Ф. Адлерберг по повелению императора Александра II ходатайствует за Розена, желающего получить должность цензора в Петербургском цензурном комитете. Адлерберг пишет Н.А. Муханову, товарищу министра народного просвещения, что при отсутствии вакантных должностей Розен «изъявляет готовность нести обязанности сего звания, до открытия вакансии, без содержания»².

Июнь, 5. Петербург. Муханов отвечает на запрос Адлерберга, что министр просвещения Е.П. Ковалевский «не признает за собою право назначать внештатных цензоров»³, но разрешает Розену в ожидании вакансии подать прошение о причислении его к министерству.

Август, 5. Петербург. Розен подает прошение в Министерство народного просвещения о причислении его к министерству⁴.

Сентябрь, 3. Петербург. Приказом Ковалевского к Министерству народного просвещения причислен «из отставных» надворный советник барон Е.Ф. Розен⁵.

Сентябрь — Ноябрь. Петербург. Розен, надеясь получить должность с жалованьем (его материальное положение бедственно), делает визиты и адресует письма «разным примыкающим к цензуре лицам»⁶, в том числе И.А. Гончарову.

Октябрь, 29. Полюстрово (?). Датирован первый цензурный рапорт «причисленного к министерству» Розена на имя министра народного просвещения Ковалевского о просмотренных им номерах «Театрального и музыкального вестни-

¹ Северная пчела. 1859, № 7 (10 января). С. 25.

² Мазон А. Гончаров как цензор // Русская старина. 1911. Вып. 3. С. 474.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 474–475.

⁶ Там же. С. 475.

ка», «Русского инвалида» и газеты «Развлечения»¹.

Ноябрь, 7. Полюстрово (?). Второй цензурный рапорт Розена («Русский инвалид», «Театральный и музыкальный вестник», «Развлечения» и десятая книжка «Драматического сборника»)².

Ноябрь, 14. Полюстрово (?). Третий рапорт Розена («Русский инвалид», «Театральный и музыкальный вестник»)³.

Ноябрь, 19. Петербург. Гончаров в ответ на письмо Розена с просьбой найти для него цензорское место сообщает, что тот «не первый стоит в списке кандидатов»⁴.

Ноябрь, 21. Полюстрово (?). Четвертый рапорт Розена («Русский инвалид», «Театральный и музыкальный вестник», «Развлечения»)⁵.

Ноябрь, 28. Полюстрово (?). Письмо Розена к Гончарову. Ссылаясь на повеление Александра II Адлербергу, Розен удивлен, почему он не поставлен «первым кандидатом в цензорскую вакансию»: «По чувствам моим и всякого верно-подданного, ходатайство государево должно быть свято — ибо оно есть эвфемизм, вместо повеления»⁶. Он предполагает, что высочайшее ходатайство «не принимается в уважение»: «Господи! Это что-то похоже на республику! Вероятно, вы скоро запоете: Allons, enfants de la patrie! Я приведен этим в ужас»⁷. Розен заключает, что он оказался «жертвою обмана», но выражает Гончарову признательность за откровенное «объявление печальной истины» и подчеркивает, что «негодование сего письма» относится не к нему.

Ноябрь, 29. Полюстрово (?). Розен пишет министру народного просвещения: «Вследствие простуды, при продолжительном кашле с удушьем, я приведен в столь болезненное состояние, что лишен всякой возможности, впредь до неко-

¹ Полностью опубликованный текст рапорта см.: Мазон А. Страничка из истории русской цензуры в конце 50-х годов // Сборник статей в честь проф. В.П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 250–251.

² Там же. С. 252.

³ Там же.

⁴ Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Т. 10: Материалы цензорской деятельности. СПб., 2014. С. 490.

⁵ Мазон А. Страничка из истории русской цензуры в конце 50-х годов. С. 253.

⁶ Мазон А. Гончаров как цензор. С. 475.

⁷ Там же.

торого облегчения, исполнять службу»¹.

Ноябрь, конец. Полюстрово (?). Пятый цензурный рапорт Розена («Русский инвалид», «Театральный и музыкальный вестник»)².

Ноябрь, конец...Декабрь, первая половина. Петербург. Розен — вероятно, через знакомых в придворных кругах — повторно обращается к императору с просьбой о предоставлении ему должности цензора³.

Декабрь, 19. Петербург. Адлерберг пишет министру народного просвещения Ковалевскому: «Ныне, вследствие повторного ходатайства барона Розена, государь император, принимая во внимание его литературные заслуги и недостаточное состояние, изволил отозваться, чтобы он определен был в означенную должность»⁴.

Декабрь, после 19. Петербург. Подготовлена официальная бумага о назначении Розена цензором от имени министра народного просвещения⁵.

1860

Январь, 6. Петербург. Гончаров адресует на имя товарища министра народного просвещения Н.А. Муханова письмо, проясняющее историю с назначением Розена. Прикладывая к своему объяснению письмо Розена (*см. 28 ноября 1859*), Гончаров аттестует его автора как «человека совершенно полоумного, каким, впрочем, он давно слывет между всеми сколько-нибудь знающими его людьми»⁶.

Январь, 7. Петербург. На извещении о назначении Розена, ожидающем подписи министра, помечено карандашом: «Обождать! 7-го января 1860 г.»⁷

Февраль, начало (?). Петербург. Розен назначен старшим чиновником по особым поручениям при Главном управлении цензуры⁸.

¹ Мазон А. Страничка из истории русской цензуры в конце 50-х годов. С. 253.

² Там же. С. 251–252.

³ Мазон А. Гончаров как цензор. С. 475.

⁴ Там же. С. 476.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 477; см. также: Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Т. 10: Материалы цензурской деятельности. С. 490.

⁷ Мазон А. Гончаров как цензор. С. 477.

⁸ Там же.

Февраль, 23. 6 часов вечера. Петербург. Егор Федорович Розен умер¹.

Февраль, 27. Петербург. В № 45 «Северной пчелы» (ц. р. 26 февраля) напечатан посвященный Розену некролог: «23-го сего февраля, в шесть часов пополудни, скончался здесь, в С.-Петербурге, известный литератор, надворный советник барон Егор Федорович Розен. Погребение будет завтра, 27-го февраля»².

¹ Rosen, Karl Georg Woldemar (Egor Fedorovič) Frh. v. (1800–1860) // Baltisches biografisches Lexikon digital [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bbld.de/0000000073288480>. См. также: Северная пчела. 1860, № 45 (27 февраля).

² Северная пчела. 1860, № 45 (27 февраля). С. 182.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

ПИСЬМА Е.Ф. РОЗЕНА

Данная выборка писем дает сведения о литературных контактах Розена, прежде всего с поэтами из пушкинского окружения. По-видимому, особое значение в этом сегменте литературных отношений принадлежит князю П.А. Вяземскому, с которым Розен поддерживал знакомство на протяжении более чем трех десятилетий. Письма раскрывают отношение Розена к литературной критике, цензуре и вместе с этим поясняют «автоцензурный» «метод» его творчества. До некоторой степени свидетельствуют они и об изменении литературной репутации барона в течение 1820-х — 1850-х гг.

Письма Розена печатались мало и отрывочно. По-видимому, реконструкция всего круга его адресатов остается делом будущего.

Письмо к Ф.Н. Глинке цитируется: Поэты 1820–1830-х годов / Биограф. справки, сост., подг. текста и примеч. В.Э. Вацуру. Общ. ред. Л.Я. Гинзбург. Т. 1. Л., 1972. (Библиотека поэта. Большая серия). С. 551. Фрагменты писем к А.И. Подолинскому и В.Ф. Одоевскому впервые опубликованы: Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837) // Литературное наследство. Т. 58 [Пушкин. Лермонтов. Гоголь]. М., 1952. С. 100, 128. Выдержку из письма к Подолинскому см. также: Вацуру В.Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина // Вацуру В.Э. Избранные труды. М., 2004. С. 156. Фрагмент письма к И.В. Киреевскому впервые опубликован: «Европеец», журнал И.В. Киреевского. М., 1989 (Литературные памятники). С. 531–532. Письма к А.Ф. Воейкову опубликованы нами: Куц Н.В. Барон Е.Ф. Розен и “Литературные прибавления к Русскому инвалиду” (1831–1832) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80, № 3. С. 64–65.

Орфография и пунктуация публикуемых ниже писем приведены в соответствии с современным нормам. В квадратные скобки заключено слово, вписанное Розеном над строкой со знаком вставки. В угловых скобках помещена наша расшифровка сокращений, а также переводы иноязычных выражений и предположительные прочтения. Наименования журналов и названия произведений заключены

в кавычки. Подчеркиванием и курсивом обозначены слова, подчеркнутые и выделенные курсивом в оригинале рукою Розена.

2.1. Ф.Н. Глинке¹

1. 21 августа 1829 г. Из Царского Села в Петрозаводск.

Милостивый государь
Федор Николаевич!

Теперь только, по возвращении своем из Ревеля, я имел радость получить Ваше почтенное письмо; я его читаю и перечитываю с особенным удовольствием. Если б я с первых лет учил по-русски, и тогда уже полюбил бы Вас! Но я начал заниматься Вашим языком, будучи гусарским корнетом, и ревностное изучение труднейшего языка для меня услаждалось таинственною красотою Ваших произведений; я сроднился с поэтом, который пленительно высказывал то, к чему лежало сердце мое: вот почему я позволил себе удовольствие доставить Вам экземпляр «Девы ангелов и Тайны»; вот почему столь восхитительно для меня внимание Ваше.

До приезда моего в Петербург я не знал ни одного русского литератора, т. е. лично; но в короткое время я имел честь познакомиться с Пушкиным, Дельвигом, Сомовым, и недавно с Жуковским. Одобрение сих достойнейших людей, совокупно с Вашим благосклонным отзывом о трудах моих, сторицею воздает музе моей за равнодушие к ней публики. Благонамеренной, умной и строгой критики у нас, кажется, не дождешься! Кто-то в Галатее с особенным и для меня непонятным ожесточением нападает на Деву ангелов и, между прочим, обвиняет меня и за то, что ангелы допустили заключить деву в тюрьму; он думает, что я, хлопочась о народности, этим нерадением семи ангелов хочу напомнить русскую поговорку: «У семи нянек дитя бывает без глазу!» Я на эту насмешку мог бы ответить насмешкой; я мог бы превратить оружие моего зоила в волшебный меч Тирфинг, пагубный для того, кто владеет им; я мог бы сказать, что такое обвинение поместили в журнале о семи буквах («Галатее») который еженедельно собою доказывает справедливость оной поговорки; но это завлекло бы меня в пустую полемику, до которой я не охотник — итак лучше не отвечать!

Намереваясь издать альманах на будущий год, прибегаю к Вам с покорнейшею просьбою: не оставьте меня своими пьесами в стихах и прозе! Постараюсь, чтобы им не стыдно было украшать страницы моего альманаха; надеюсь, что в нем будут блистать и почтенные имена Жуковского, Пушкина, Дельвига, Сомова и пр.

Адрес мой: в Царское Село, отдать в канцелярию генерала Захаржевского.

В живейшее удовольствие вменяя себе письменное знакомство с Вами, честь имея пребыть,

милостивый государь,

Царское Село
Сего 21-го августа
1829-го года

Вашим усердным почитателем
и покорнейшим слугою

¹ РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 382. Л. 1–8.

барон Г. Розен

2. 21 ноября 1829 г. Из Царского Села в Петрозаводск.

Милостивый государь,
почтеннейший Федор Николаевич!

Примите искреннюю благодарность нашу, т. е. издателей альманаха «Царское Село», Коншина и Розена, за присылку Ваших прекрасных произведений, доставленных к нам О.М. Сомовым. Они все будут печатаны, кроме одной пьесы: «Горе и упование», присланной, вероятно, ошибкою, ибо Аладьин ее печатает уже, говоря, что он ее прежде получил от Вас. Коншин писал к Вам до получения письма Вашего; он принимает Ваш дружеский упрек как лишнее доказательство Вашего к нему расположения; мы часто вспоминаем о нашем любезнейшем поэте «в лесной, глухой Карелии». О если б крылья поэзии примчали Вас к нам! Меня несказанно радует то, что поэт, коего гений обвеваает меня какой-то чудесной жизнью, полюбил и меня в моих произведениях — дай Бог, чтоб я сделался более достойным сей любви! Я не хотел было печатать моей прозы, но барон Дельвиг, Сомов и другие отзываются о ней с такой неумеренной похвалою, что сам начинаю думать, не понравится ли она и другим читателям. Наш альманах печатается и выйдет к новому году. Мы оба надеемся, что Вы, по прочтении оногo, и впредь не будете отказываться украшать его своими произведениями. Если б Вы, за похищение у нас прекрасного «Горе и упование», прислали нам еще пьесу, мы приняли б ее с живейшим удовольствием и искреннейшей благодарностью, но мы просить не смеем, получив уже от Вас богатое даяние. Еще раз благодаря Вас за ваше благосклонное внимание к нашей просьбе, прошу у Вас позволения, от времени до времени писать к Вам.

Ваша проза весьма занимательна! Из поэтических пьес мне в особенности понравились «Нива» и «Бедное дитя».

Любя Вас с поэтическим восторгом, поручаю себя Вашей приязни, Вашему гению и прекрасному сердцу Вашему.

С глубочайшим почтением имею честь пребыть,

милостивый государь,

Сего 21-го ноября
1829.
Царское Село.

Вашим покорнейшим слугою
Барон Г. Розен

3. 16 сентября 1830 г. Из Царского Села в Тверь.

Милостивый государь,
почтеннейший Федор Николаевич!

С истинным удовольствием я в письме к Коншину прочел Ваш лестный отзыв о нашем альманахе. Поздравляя Вас с новосельем на берегах Волги, незабвенной для моего сердца, этой поэтической Волги, которая мечтательным шумом своих величественных волн вероятно и Вам уже внушала прекраснейшие стихи — обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою, с нами благосклонно поделиться богатством Ваших произведений, т. е. не оставить нас своею прозой и поэзией для нашего альманаха, издаваемого на будущий год. На этот раз книжка выйдет в начале декабря и будет немного лучше прежней, ибо мы ранее начали думать об издании. Коншин уже написал две повести в прозе, я оканчиваю большую повесть, в прозе же, перевел кое-что с шведского, и надеюсь, что наши литераторы не оставят нас. Я недавно приехал из Ревеля, прилежно занимаюсь здесь в Ц^{арском} Селе и еще не был в Петербурге. Надеюсь, что Вы не откажетесь помочь нам, прошу Вас в скором времени прислать свое почтенное даяние на мое имя в магазин Слёнина, дабы Вашим любезным именем мы могли украсить первые листочки альманаха. Извините меня: пишу второпях!

Желаю Вам здоровья и творческого вдохновения, пребываю с особенным почтением и с непритворной любовью — ох, надо было сказать: честь имею пребыть и пр.

Милостивый государь!

Вашим покорнейшим слугою
Барон Розен

Царское Село
Сего 16-го сентября
1830 года

4. 21 августа 1831 г. Из Петербурга в Тверь.

Милостивый государь,
почтеннейший Федор Николаевич!

Поэты часто грешат против светских приличий! Так и я провинился в том, что долго не извещал Вас о причине неявления к Вам «Альционы», как следовало бы не только по долгу приличия, но и моей истинной Вам благодарности. Постараюсь оправдаться, сколько будет можно! При выходе альманаха — и долго еще после — не принимались посылки на почте; потом я был болен несколько времени; после того вторично вступил в военную службу — и наконец у нас в Питере появилась холера! И теперь не принимают посылок на почте; но я постараюсь доставить к Вам «Альциону» через Смирдина и попрошу Вас дать ей местечко подле Северных Цветов в Вашей библиотеке. Остается мне отдать Вам отчет о Ваших стихотворениях, присланных мне в прошлом году: цензор мой, покойный Щеглов, не пропустил пьесы: «К деве, подательнице сновидений» и еще другой, под каким названием, не упомяну. Вы знаете, это было в темное время, при получении здесь

известия о польском мятеже. Я должен был перепечатать целый лист моего Левена, и заставить моего Леонида говорить иным языком. В Ваших пьесах конечно ничего не было предосудительного; но беспокойное чувство поэта и какое-то — помнится — предсказание должны были подвергнуться рассмотрению под ложным аспектом. Смею надеяться, что Вы, почтеннейший поэт, не накажете меня молчанием за это позднее объяснение; обрадуйте же меня опять скорою присылкою Ваших стихов и прозы, ибо «Альциона» на будущий год уже собирается; многое уже готово к тиснению. Ваша пьеса в прозе «Сон» дала вес прозаическому отделению «Альционы», и Ваше «Милое дитя» я поставил в корифеи стихотворного отделения. Душевно благодарю Вас за прошлогодние пьесы — и готовлю такую же благодарность за нынешние, мною ожидаемые с величайшим нетерпением. Через две недели приступлю к печатанию альманаха. Спасибо Пушкину: он крепко меня поддерживает; и Сомов дает мне повесть; сверх того, писал я к Шевыреву в Рим; к Баратынскому, с просьбою, и к Вяземскому и Языкову; писал еще Подолинскому, и кое-кому. Сам начертал я повесть в прозе; несколько стихотворных пьес; перевел «Тэклу» Шиллера и «Баядеру» Гёте; — надеюсь, что «Альциона» будет недурна. — Мой адрес: в С.-Петербурге, в Канцелярию дежурного генерала Главного штаба Его Императорского Величества штаб-ротмистру Егору Федоровичу Розену.

С искренним желанием Вам всякого добра, честь имею пребыть с глубочайшим почтением

Вашим покорнейшим слугою

Барон Розен

С.-Петербург

Сего 21-го августа

1831-го года

2.2. А.И. Подолинскому¹

1. 24 ноября 1830 г. В Петербурге.

С<анкт>-П<етербург> сего 24 ноября
1830 года

Любезнейший

Андрей Иванович!

Ото всей души благодарю Вас — и за милое, дружеское письмо и за прекраснейшие пьесы! Скажу без лести: они не только поддержат стихотворное отделение моего альманаха, но и послужат украшением оно! Вы прекрасно вознаградили мое беспокойное ожидание! Благодарю и за откровенность вашу! Избегая излишней между поэтами светскости, скажу прямо: я чувствую, что мы сольемся сердцами! Судьба скоро сведет нас: поэт заглянет в откровенную душу поэта — более не нужно, при одинакой страсти к изящному, при истинном благородстве чувств, чтобы заключить поэтический союз — и так буду ждать Вас!.. И я в разладе с нашими литературными аристократами — что делать! «Лит<ературная> газета» на время запрещена: Дельвиг был непростительно неосторожен! Говорят, она опять будет выходить — но уже не Дельвигом издаваться; бог знает, чем кончится дело. Я расстался с Коншиным; один издаю альманах, которому еще не придумал имени; надеюсь, что он будет не последний! Мой Иоанн уже вышел; я послал бы Вам экземпляр, но посылок не принимают на почте! Впрочем, хочу об этом говорить с приятелем Вашим, Грузиным: если можно будет, он не откажется помочь мне в сем деле. Альманах мой выйдет прежде Рождества, и тотчас будет отправлен к Вам. Вышел роман Греча: «Поездка в Германию». Аладьин с нового года будет издавать С<анкт>-Петербургский вестник. А Вы что делаете, любезный поэт? Вы сочиняете новую поэму, как я слышал, — «Русалка»! Да благословит Вас Аполлон! В Москве все еще свирепствует холера; руки опустились у тамошних поэтов. Пушкин живет в своей нижегородской деревне — а невеста его в Москве! Его женитьба, как говорят, расстраивается; невеста его любит, но будущая теща не жалуется — *notre aimable poete a contre soi toutes les erreu res de sa premiere jeunesse* <нашего любезного поэта, против него все заблуждения его ранней юности (фр.)>! Он теперь пишет в роде Петрарки: «Ты, моя Мадонна! Чистейшей прелести чистейший образец!» Уж он вправду огончарован!

Я всю зиму пробуду в Петербурге, а, может быть, летом, на короткое время, поеду в Ревель, к морским водам. Если Бог продлит мои дни, то ежегодно буду издавать альманах с помощью любезного певца «Пери», «Борского», «Нищего» и «Русалки». Жаль, что Вы не прислали отрывка из последней поэмы. Я несколько пьес перевел с шведского (из Бескова), написал «Миролог», «Постоялый двор», «Песнь слепца», «Два ангела», «Идалийскую рошу» etc., и еще большую статью в прозе. Греч и Булгарин также дают по статье.

Простите, милый и любезный поэт! Будьте веселы, здоровы — но не забы-

¹ ОР РГБ. Ф. 232. К. 3. № 32. Л. 1–4 об.

вайте Петербурга. Я завален этими корректурными листками; извините: пишу второпях! Дружески сжимаю вашу руку и пребываю с истинным почтением и поэтической привязанностью Вашим покорнейшим слугою <барон> Розен.

2. 22 января 1832 г. Из Петербурга в Одессу.

Занятия разного рода и чрезвычайно рассеянная жизнь суть причины позднего Вам доставления «Альционы»; желаю, чтобы она Вам понравилась, любезнейший Андрей Иванович! Я не получил ответа на мое последнее к Вам письмо, в котором я просил у Вас еще стихов; либо Вы его не получили, либо Вам некогда было отвечать. В первом случае повторяю Вам мою искреннюю благодарность за милые стихи; во втором же желаю, чтобы причины Ваших недосугов были — литературные занятия! Цензура не пропустила моей Баядеры, испугавшись содержания оной; а я, с своей стороны, полагаю, что только <полуобразованные?> — или, скажу прямо: дураки — могут пугаться подобного содержания. Мне весьма будет приятно узнать что-либо о Вас и занятиях Ваших; дописали ли вы своего «Глинского»? С особенным вниманием наблюдаю за направлением Вашего прекрасного дарования, успехи коего, без сомнения, оправдают мои ожидания. Ради Бога, не предавайтесь неге, этому *dolce far niente* <сладкое ничегонеделанье — ит.>, — а пишите, пишите! Мне очень жаль, что Вас уже нет в Петербурге; здесь вы находились бы кругу образованных и опытных литераторов, а в Одессе вы без сомнения — одни! Хотя верность вашего вкуса ручается в том, что вы не дадите своему гению ложного направления; однако сообщество с равночувствующими людьми ускорило бы полное развитие сего гения: так цветок развивается на солнце скорее, нежели в тени. Для себя я еще особенно жалею о Вашем отсутствии: я уверен, что мы, узнавши друг друга покороче, свели бы истинную дружбу. Пишите мне свое мнение об «Очистительной жертве» и о «Замечательном госте», находящихся в нынешней «Альционе»; эти повести обе мои, хотя последняя из них означена псевдонимом: тому была особенная причина. Я начал писать историческую трагедию — не знаю еще, как назвать: или «Россия и Баторий», или «Сыноубийство Иоанна». Желал бы я прочесть Вам написанное — ах, зачем вас нет между нами!..

Я, может быть, удивлю вас моею просьбою: некоторые обстоятельства *меня* побуждают теперь уже собирать материал для будущей «Альционы», ибо легко может статься, что служба меня на время удалит от здешних мест, и именно тогда, когда *обыкновенно* собирается состав альманашный — и так прошу Вас покорнейше прислать мне предварительно, что готово, а в последствие времени то, что будет написано с помощью Аполлона — не отвергайте моего челобитья, ради бога! Нет ли у вас еще такой баллады, как «*Девич<ья> Гора*»?

Савицкий наш перевел роман Мура «Эпикурец»; он скоро поступит в печать и, кажется, я Вам уже писал об этом.

Желаю Вам вожделенного здоровья и непрерывного вдохновения, поручаю себя Вашей памяти.

Ваш доброжелатель и богомолец по Аполлону

С<анкт->Петербург
сего 22-го января 1832 года

Егор Розен

2.3. А.Ф. Воейкову¹

1. 14 февраля 1831 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Александр Федорович!

Возвращаю Вам книги ваши. Касательно того, что вы мне пишете о Карлгофе, скажу вам, что тут есть недоразумение — вероятно, неумышленное, — но пояснять оное теперь уже не нужно! В ответ на вопрос ваш о моем разборе «Б<ориса> Годунова», прошу вас вспомнить, что вы получили от меня десять стихотворных пьес и четыре статьи в прозе; и так мне кажется, что я еще имею полное право на благодарность вашу и количеством, и качеством моих пьес. Впрочем, это только мое мнение; вы вправе иметь другое, — и если вы думаете, что я в долгу перед вами, то можно [будет] пояснить это недоразумение — каким-нибудь образом! Я очень уступчив!

С совершенным почтением честь имею пребыть,

милостивый государь,
Вашим покорнейшим слугою
барон Г. Розен

Сего 14го февраля 1831.
С.-Петербург.

2. 24 февраля 1831 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Александр Федорович!

Вы окажете мне большую услугу доставлением четырёхсот рублей через подателя сего: я у отъезжающего знакомого купил разные, мне необходимые вещи — и от этого совершенно обеднел. Разбор «Бориса» окончен и переписан: его достанет на три большие отделения; вы его получите завтра, ибо я хочу прочесть его одному приятелю. В прошедшее воскресенье был я у Греча: он весьма доволен разбором «Поездки в Германию».

Думая, что из нашей обоюдной излишней деликатности может выйти недоразумение, быть может и неприятность, считаю нужным с вами говорить откровенно. Если вы хотите, чтоб я участвовал в «Лит<ературных> приб<авлениях> к “Инвалиду”», то редакция оной газеты должна мне дать две тысячи рублей в год, менее и взять не могу, ибо жизнь в Питере дорога, квартира одна стоит мне 45 руб<лей> в месяц, — и к вам я переехать уже не могу. Если мои требования вам покажутся слишком большими, то откажите мне напрямки (и не посылайте уже 400 рублей) и будьте уверены, что это не прервет, по крайней мере с моей стороны, приятельскую между нами связь. Я либо пристану к другому изданию, либо приму должность, мне предлагаемую ныне, — а вам изредка все буду давать несколько стихков и проч<его>.

Сделайте, как Вам угодно будет, но прошу Вас в изуственном со мною разго-

¹ РГАЛИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 1–7.

воре никогда не упоминать о содержании сего письма.

Честь имею пребыть с истинным почтением

Вашим покорнейшим слугою
б<арон> Розен

Сего 24^{-го} февраля.

Сделайте одолжение, отвечайте мне письменно.

3. 27 февраля 1831 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Александр Федорович!

Получив двойным числом 14 № «Лит<ературных> прибавлений», считаю долгом с благодарностью возвратить Вам лишний экземпляр. Доставка в сегодняшнее утро 15^{-го} и 16^{-го} №№ меня приятно разуверило в том, что наш литературный разрыв, причиняемый недоумением с обоюдной стороны, не повредил нашему знакомству. Разные обстоятельства помешали мне побывать у Вас, чтоб кончить наше лит<ературное> дело, к полному удовлетворению Вашему.

Благодарю Вас за доставку письма от Сиянова; он пишет, что я о нем подробно узнаю от Вас; мне это будет приятно! С графом Толстым буду писать к нему.

Честь имею пребыть с истинным почтением,

милостивый государь,
Вашим покорнейшим слугою
б<арон> Розен

Сего 27^{-го} февраля
1831.

4. Без даты.

Милостивый государь Александр Федорович!

Сделайте одолжение, примите на себя труд отправить посылку к Сиянову; вы это легко можете, имея много связей и знакомств; я же здесь никого не знаю. Исполните просьбу

Вашего покорного слуги
б<арона> Розена.

2.4. И.В. Киреевскому¹

1. 1 февраля 1832 г. Из Петербурга в Москву.

Милостивый государь
Иван Васильевич!

Ваше литературное предприятие обратило на Вас внимание благомыслящих людей, желающих добра нашей бедной словесности; но в особенности мы — пишущая братия — радуемся Вашему «Европейцу»! Дотоле не было ни одного журнала, мнением коего могли мы дорожить: всегда — либо глупая хвала, либо глупая личность! Теперь мы ждем от Вас дельных рецензий, или — если наши творения еще не стоят того, — по крайней мере, доброжелательных замечаний. Нам не надо хвалы, нужна только истина. Желая, по мере сил своих, доказать свое почтение к «Европейцу», посылаю Вам перевод Гетевой «Баядеры»; если годится он, напечатайте; если нет, бросьте — и я Вам доставлю что-нибудь другое. Если цензура найдет предосудительным иное выражение, например, «Всеведец», то замените его «духовидцем»; вообще предоставляю Вам право хозяйничать в пьесе как угодно. Перевод довольно близок, но хорош ли? Это другое дело! В начале 6-й строфы я умышленно отступил от подлинника: *Findet sie an ihrem Herzen — Todt den vielgeliebten Gast* <На груди своей находит // Мертвым юношу она (нем., пер. К.С. Аксакова)>; сие спокойствие выражения мне кажется неуместным: пламенная Баядера, нашед мертвым своего друга, не могла прочувствовать так спокойно. Может быть, я не прав; может быть, я увлекся собственным опытом в том, как пробуждается любовница.

Позвольте мне представить Вам экземпляр «Альционы». Имею честь знать Вас лично; но Вы, вероятно, не упомяните нашей встречи у Н.А. Полевого. <К Вам я> благоговел как к сочинителю прекрасной статьи о Пушкине. Если Ваши занятия позволят Вам написать мне словечко в ответ, то прилагаю свой адрес: в С<анкт>-Петербург, в канцелярию деж<урного> генерала Главного штаба Его Величества, ротмистру Егору Федоровичу Розену.

С истинным уважением и чистосердечным желанием Вам добра имею честь пребыть,

милостивый государь,
Вашим покорнейшим слугою
барон Розен

С<анкт>-Петербург
сего 1-го февраля
1832 года

¹ РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 1–Л. 3 об.

2. 14 июня 1833 г. Из Петербурга в Москву.

Милостивый государь
Иван Васильевич!

Мне весьма приятно было узнать от Шевырева, что вы иногда поминаете меня, да еще, кроме того, готовите статью в «Альциону»! От всей души благодарю Вас и за память, и за благоволение к моему альманаху; с нетерпением буду ждать Вашего даяния. Поддержите, гг. московские литераторы! Только на вас и надежда! Петербургские музы развратились; от них толку не добьешься. Три года я кое-как промаялся с «Альционной»: никто ничего не шлет; с горя я сам начал писать прозою. Я давно бы прекратил мое издание, но оно бесит Полевого — так надо же продолжать. Но еще забавнее для меня г-н Надеждин, который и в чистейшем чувстве видит туман и германский мистицизм. Он, право, бредит этим мистицизмом и находит его даже в моем «Домовом»... и вот наши судьи! Я написал историческую драму «Россия и Баторий», перипетию пьесы, на самом конце, составляет появление казака Кольца с известием о завоевании Сибири, в то время, когда Грозный, убив сына, отказывается от державы.

Думаю приступить к печатанию в октябре. Я желал бы знать, чем Вы теперь занимаетесь; верно, каким-нибудь важным трудом. Москва изрядно чествует Греча! Он мне часто говорил, что в стихах не знает никакого толку, и теперь доказал это, поместив в «Пчеле» стишки, в честь ему сочиненные.

Поручаю себя и «Альциону» Вашей памяти.

С истинным уважением,
Ваш покорный слуга
Егор Розен

С<анкт>-П<етербург>
Сего 14 июня
1833

2.5. В.Ф. Одоевскому¹

(письма на русском языке)

1. 8 ноября <1832?> г.² В Петербурге <?>.

Любезнейший князь! Посылаю Вам другой листок; в прежнем я – кажется – все исправил, но некоторых Вами означенных ошибок не нашел хотя читал и перечитывал все странички; например: ученный, Медик etc., но был в двух местах Доктор.

Весь Ваш
Розен

8-го ноября

2. 20 сентября 1833 г. В Петербурге.

Любезнейший князь!

Я весьма желал бы с Вами повидаться; надеюсь, что Вы теперь переехали с дачи. Благоволите назначить мне день и час (кроме будущей пятницы), когда я мог бы иметь удовольствие побывать у Вас, не мешая Вам. Я надеялся видеть Вас в театре, когда давали «Фиделио», – но не видал.

Я был очень болен целую неделю.

Через несколько дней будет у Вас экземпляр моей трагедии.

Время «Альционы» наступило – думали ли Вы о ней в продолжение лета?

Поручаю себя Вашей приязни, имею честь пребыть с совершенным почтением,

Вашим покорным слугою
Розен

Сего 20-го сентября
1833

3. 23 ноября 1833 г. В Петербурге <?>.

Любезнейший князь!

Душевно благодарю Вас за доставленную мне статью – но не могу ею воспользоваться: «Альционы» не будет! Я решил прекратить мой альманах, чтобы деликатностью отвечать на деликатность и бескорыстие моих любезных доброжелателей! Статью Вашу оставляю у себя на несколько дней, чтобы ее прочесть; все произведения Ваши столь заманчивы своей оригинальностью, своей роскош-

¹ ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 942. Л. 1–10.

² Записка, по-видимому, относится к 1832 г., поскольку касается корректурных листов для «Альционы» на 1833 г., в которую В.Ф. Одоевский отправил повесть «Импровизатор» (одним из персонажей повести является доктор Сегелиель). Прежде Одоевский в «Альционе» не публиковался.

ною поэзией и таинственной глубиной мыслей.

Поручаю себя Вашей благосклонной памяти!

С живейшими чувствами преданности

Ваш покорнейший слуга

Б<арон> Розен

23 ноября 1833

4. 4 декабря 1833 г. В Петербурге <?>.

Почтеннейший князь!

Я читал и перечитывал Вашу статью с живейшим удовольствием – и волосы становились дыбом. Она навевала на меня чрезвычайным унынием. Мне жаль, что княгиня не умерла – зачем живут такие существа, или лучше сказать, зачем женщина, способная чувствовать (что доказывает ее болезнь и страшное сновидение), привыкает к бездушному быту так называемого большого общества? Это замечание не вкуса, не эстетики – но сердца моего! Простите!

Весь Ваш Розен

4 декабря 1833

5. 19 мая 1836 г. В Петербурге.

Любезнейший князь

Владимир Федорович!

Я обещал Пушкину статью для второй книжки «Современника».

Вот Вам статья! Если годится, напечатайте! Если же нет, так бросьте! Само собою разумеется, что, в случае помещения, редакция имеет право переменить все то, что не соответствовало бы ее духу.

Скоро ли приедет Пушкин? Я хотел сам занести к Вам мою статью, – но очень нездоров, – и, невзирая на что, должен отправиться в Царское, где Двор все еще имеет пребывание.

Прощайте.

Ваш покорнейший слуга

Б<арон> Розен

Сего 19-го мая

1836

2.6. П.А. Вяземскому¹

1. 20 сентября 1840 г. В Петербурге.

Милостивый государь
князь Петр Андреевич!

Посылая при сем «Альциону», покорнейше прошу Вас извинить меня в том, что не могу тотчас исполнить и Вашу другую просьбу: вот уже третий день, как страдаю сильною нервическою головою болью и не могу заняться ничем! В первую светлую минуту примусь за Вашу «Петербургскую ночь»; полагаю, однако, что и перевод должен быть с рифмами, ибо белые стихи не дадут Мейерберу никакого понятия об игривости и звучности Вашей милой пьесы.

Я перевел на немецкий язык свою последнюю трагедию — и вышло хорошо. Нет ли у Вас последней брошюры Кенига, писанной в ответ Гречу? Не могу достать ее, а она мне очень нужна.

Сам привезу Вам «Петерб<ургскую> ночь».

С совершеннейшим почтением имею честь быть
Вашим преданным слугою
Розен

Сего 20-го сентября 1840

2. 25 сентября 1840 г. В Петербурге.

Почтеннейший князь Петр Андреевич!

Нервическая головная боль моя не только не унимается, но с каждым днем становится все хуже да хуже, и по вечерам доходит даже до беспамятства: я сущий мученик! Желая показать свою готовность к Вашим услугам, я с чрезмерным насилием перевел первый и два куплета Вашей «Ночи», и при сем прилагаю. Перевод, вероятно, не хорош, ибо голова мутна от пронзительной боли. Если время терпит, то еще не отсылайте Мейерберу этот перевод. Я сделаю лучше, когда выздоровею, и переведу всю пьесу, буде нужно, но полагаю, что Мейербер сочинит музыку на Ваши русские слова. Получил я возражение Кенига на выходку Греча, оно написано с большим умом! Теперь я замолвлю слово — лишь бы выздорветь!

С совершенным почтением и душевной преданностью имею честь быть
Вашим покорнейшим слугою
Розен

25-го сентября 1840

3. 25 октября 1855 г. В Петербурге.

Князь Петр Андреевич!

Живя совершенным уединенником, несколько лет уже, без малейшего соотношения с обществом, так сказать, вне мира, я недавно узнал, что Вы не только возвратились в Россию (помню две-три отрядные патриотические пьесы Ваши из

¹ РГАЛИ. Ф. 295. Оп.1. Ед. хр. 2670. Л. 1–Л. 4.

Дрездена), но и состоите товарищем министра нар<одного> просвещения. Несказанно обрадовался я этой вести, менее за себя — я писатель уже отставной, — нежели за литературу русскую, в особенности за будущность ее. При таком исключительном пиетисте, каким был покойный кн<язь> Шихматов, нынешний министр не мог иметь большого на литературу влияния; но теперь, во главе ее и в товариществе с Вами, вы оба уподобляетесь двоице так называемых двойных звезд (Doppelsterne), которые, будучи каждая солнцем самосиянным, обращаются вблизи друг около друга, при самых благих отношениях взаимных. У нашей звездной двоицы народн<ого> просвещения есть подведомственная ей планетная система, конечно, оскудевшая — лучшие светила закатились! Но появятся новые светила, кои будут возрастать светом от благотворного на них влияния нынешнего двойного центра; даже из немногих старых, отошедших в неведомую даль и вращающихся, подобно мне, таинственным путем Урана, иной может приблизиться к новому средоточию.

Позвольте мне обратиться к Вашему сиятельству с литературною просьбою. В самом горьком и болезненном состоянии, так сказать, под сенью ежедневно ожидаемой смерти, написал я пьесу, которую желал бы представить на суд Ваш и поручить Вашему ходатайству, для появления в печать. Из предисловия узнаете Вы, в чем дело. В особенности желал бы я обратить *внимание Ваше* на смелость мою в употреблении старинных, конечно, неизвестных нашей публике, слов. Не находившись ни под чьим влиянием, в свое литературное пожитье; развившись совершенно свободно из самого себя; всегда ограничиваясь лишь автокритикою, за неимением посторонней, я — может статься, — слишком мало соображался с притязаниями публики и стал самоправен и горд до излишней степени: поэтому дорог для меня критик-поэт, который, как Вы, любит русскую старину и наистрожайше держится узаконенных приличий света.

Относительно второй половины просьбы моей, я должен сказать, что испытал нечто весьма необыкновенное. Печатав лет двадцать в царствование Николая I, я не знал, что у нас цензура! Цензора, какими были покойный Щеглов, Сербинович и другие, ставили карандашом в моих рукописях лишь вопросительный знак, предоставляя мне увидеть этот знак, или нет, — и никогда ни на себя, ни на цензоров своих не навлек я малейшего замечания — оттого, что я всегда цензую мысль свою — до излагания ее. Ныне же должен я горько жаловаться — не на цензуру, а на цензоров, столь ненавистных к моим произведениям, что в них не оставляют и здравого смысла — по жалкому неведению и со страха за 3000 руб<лей> сер<ебром> годового жалования!

Ожидая уведомления Вашего, угодно ли Вам будет взглянуть на мою пьесу, имею честь пребыть с совершенным почтением,

Вашего сиятельства
всепокорнейший слуга
барон Е. Розен

С<анкт>-Петербург,
сего 25-го октября

1855

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- 1) Альманах на 1838 год. СПб., 1838. — 356 с.
- 2) Альциона. СПб., 1831 — 323 с.; 1832 — 360 с.; 1833 — 341 с.
- 3) <Арнольд Ю.К.> Воспоминания Юрия Арнольда. Вып. II. М., 1892. — 261 с.
- 4) Барсуков Н.П. Письма М.П. Погодина к С.П. Шевыреву // Русский архив. 1882. № 5. С. 67–126.
- 5) Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 10. Статьи и рецензии. 1846–1848 / <тексты подгот. и коммент. к ним сост. Е.И. Кийко и др.; ред. Е.Г. Дементьев>. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. — 474 с.
- 6) Б-н Р-н <Розен Е.Ф.> Майор Соболев // Сын отечества и Северный архив. 1834. Т. 41, № 3. С. 93–114.
- 7) Б. Р. <Розен Е.Ф.> «Эпикурец», сочинение Томаса Мура. Перевел А. Савицкий // Северная пчела. 1833, № 87 (21 апреля). С. 1–3.
- 8) Булгарин Ф.В. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1848, № 36 (14 февраля). С. 141–143.
- 9) Булгарин Ф.В. Мнение о новой русской опере «Жизнь за царя» (окончание) // Северная пчела. 1836, № 292 (21 декабря). С. 1167–1168.
- 10) Булгарин Ф.В. Письма о русской литературе. Письмо II. О характере и достоинстве поэзии А.С. Пушкина // Сын отечества. Т. 33. 1835. № 6. С. 309–318.
- 11) Булгарин Ф.В. Письма о русской литературе. Письмо III. О мелких стихотворениях Пушкина. // Сын отечества. Т. 33. 1835. № 6. С. 319–326.
- 12) <Бурнашев В.П.> Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Русский вестник. 1871. Т. 95. С. 250–283; Т. 96. С. 133–203.
- 13) Бурнашев В.П. М.Ю. Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников // Русский архив. 1872. № 9. Стлб. 1770–1850.
- 14) Глинка М.И. Записки. М.: Музыка, 1988. — 222 с.
- 15) Глинка Ф.Н. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1957. (Биб-

лиотека поэта. Большая серия). — 501 с.

16) Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. Т. 6: Выбранные места из переписки с друзьями. М.: Изд-во Московской патриархии, 2009. — 744 с.; Т. 13: Переписка. 1845–1846. М., 2009. — 592 с.; Т. 14: Переписка. 1847. М., 2009. — 608 с.

17) Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Т. 10: Материалы цензорской деятельности / [текст подгот. и примеч. сост. К.Ю. Зубков, Т.А. Лапицкая]. СПб.: Наука, 2014. — 702 с.

18) Д-в <Дьяконов А.Н.> К другу // Царское село. СПб., 1829. С. 306.

19) <Дельвиг А.А.> «Безумная», русская повесть в стихах, сочинение Ивана Козлова. «Рождение Иоанна Грозного», поэма в трех частях, сочинение барона Розена // Литературная газета. 1830, № 68 (2 декабря). С. 261–262.

20) Дельвиг А.А. Сочинения / Сост., вступ. статья и комм. В.Э. Вацуру. Л.: Худож. лит., 1986. — 472 с.

21) Дельвиг А.И. Из «Моих воспоминаний» // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М.: Худож. лит., 1974. С. 111–130.

22) <Дудышкин С.С.> Русская литература в 1847 г. // Отечественные записки. 1848. Т. 56. № 1. Отд. 5. С. 1–30.

23) Европеец, журнал И.В. Киреевского / изд. подготовил Л.Г. Фризман. М.: Наука, 1989 (Литературные памятники). — 536 с.

24) Зотов В.Р. Петербург в сороковых годах // Исторический вестник. 1890. Т. XL. С. 535–559.

25) Из архива Ф.В. Булгарина (письма к нему разных лиц) // Русская старина. 1901. Т. CV. С. 383–408.

26) Из бумаг Степана Петровича Шевырева // Русский архив. 1878. № 5. С. 47–87.

27) Из писем Е.А. Боратынского // Русская старина. Т. 136. 1908. Вып. 12. С. 755–764.

28) Из портфеля старого журналиста. Письма к Ф.А. Кони // Русский ар-

хив. 1911. № 11. С. 367–384.

29) Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 7. СПб.: В типографии Н. Греча, 1819. — 345 с.

30) Карамзин Н.И. История государства Российского. Т. 9. СПб.: В типографии Н. Греча, 1821. — 770 с.

31) Керн А.П. Воспоминания. Дневники. Письма. М.: Правда, 1989. — 480 с.

32) Луговой Ксенократ <Розен Е.Ф.>. Нечто о литературном предприятии г. фон Кнорринга // Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”. 1831. № 17 (27 февраля). С. 129–131.

33) Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1832 год. Ч. 1. СПб., 1832. — 776 с.

34) <Надеждин Н. И.> Рождение Иоанна Грозного. Поэма в трех частях. Сочинение барона Розена // Телескоп. 1831. Т. 1. Ч. 1. С. 120–121.

35) Низар Д. О начале упадка легкой литературы / Пер. Е.Ф. Розена // Сын отечества. 1834. Т. 41, № 3. С. 172–192.

36) Никитенко А.В. Дневник. Т. 1. 1826–1857. Л.: Гослитиздат, 1955. — 542 с.

37) Одоевский В.Ф. Приложение к биографии М.И. Глинки (письмо к В.В. Стасову) // М.И. Глинка в воспоминаниях современников. М.: Гос. муз. изд-во, 1955. С. 166–169.

38) Остафьевский архив князей Вяземских / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. Т. III. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824–1836. СПб.: Шереметев, 1899. С. 1–364; Т. III. (Примечания). СПб.: Шереметев, 1908. С. 365–830.

39) Панаева (Головачева) А.Я. Воспоминания. М.: Правда, 1986. — 512 с.

40) Панаев И.И. Литературные воспоминания. М.: Правда, 1988. — 448 с.

41) Переписка Н.И. Греча и Ф.В. Булгарина // Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 327–484.

- 42) Письма А.А. Бестужева к Н.А. и К.А. Полевым, писанные в 1831–1837 годах // Русский вестник. 1861. Т. 32. № 3. С. 285–335.
- 43) Письма барона Розена Егора Федоровича к Глинке Федору Николаевичу // РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 382. — 8 л.
- 44) Письма бар<она> Розена к А.Ф. Воейкову // РГАЛИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 41. — 8 л.
- 45) Письма В.А. Жуковского к государю императору Александру Николаевичу // Русский архив. 1883. № 3. С. 33–56.
- 46) Письма к В.А. Жуковскому разных лиц // Русская старина. 1903. Т. СХV. С. 439–456.
- 47) Письма к И.И. Дмитриеву // Русский архив. 1868. № 4–5. Стлб. 583–658.
- 48) Письма О.М. Сомова к М.А. Максимовичу // Русский архив. 1908. № 10. С. 257–268.
- 49) Письма Розена Е.Ф. к Вяземскому П.А. // РГАЛИ. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 2670. Л. 1–Л. 4.
- 50) Письма Розена Е.Ф. к Киреевскому И.В. // РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 1–Л. 3 об.
- 51) Письма Розена Е.Ф. к Подолинскому А.И. // ОР РГБ. Ф. 232. К. 3. № 32. Л. 1–4 об.
- 52) Письма Е.Ф. Розена к кн. Владимиру Федоровичу Одоевскому // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 2. Ед. хр. 942. Л. 1–10.
- 53) Письма Е.Ф. Розена к Степану Петровичу Шевыреву // ОР РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 474. Л. 1–16 об.
- 54) Письмо Е.Ф. Розена к Виктору Павловичу Гаевскому // ОР РНБ. Ф. 171. Оп. 1. Ед. хр. 239. Л. 1–1 об.
- 55) Подолинский А.И. По поводу статьи г. В. Б.<урнашева> «Мое знакомство с Воейковым в 1830 году» // Русский архив. 1872. № 3–4. Стлб. 855–865.
- 56) Подснежник. СПб.: В типографии департамента внешней торговли, 1829. — 251 с.

57) Поэты 1820–1830-х годов / Биогр. справки, сост., подг. текста и примеч. В.С. Киселева-Сергенина. Общ. ред. Л.Я. Гинзбург. Т. 1. Л.: Сов. писатель, 1972. (Библиотека поэта. Большая серия). — 792 с.

58) Поэты 1820–1830-х годов / Биогр. справки, сост., подг. текста и примеч. В.С. Киселева-Сергенина. Общ. ред. Л.Я. Гинзбург. Т. 2. Л.: Сов. писатель, 1972. (Библиотека поэта. Большая серия). — 766 с.

59) Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1826–1836. Сказки. 1948. — 635 с.

60) Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 4. Поэмы, 1817–1824 / Ред. С.М. Бонди, Г.О. Винокур, Гудзий Н.К., Н.В. Измайлов, Б.В. Томашевский; Общ. ред. С.М. Бонди. 1937. — 484 с.

61) Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 5. Поэмы, 1825–1833. 1948. — 544 с.

62) Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 7. Драматические произведения / Ред. Д.П. Якубович. [Л.], [1935]. — 732 с.

63) Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. 1949. — 588 с.

64) Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 12. Критика. Автобиография. 1949. — 576 с.

65) Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 14. Переписка, 1828–1831. 1941. — 548 с.

66) Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 15. Переписка, 1832–1834. 1948. — 392 с.

67) Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 16. Переписка, 1835–1837. 1949. — 504 с.

68) Пушкин А.С. Сочинения. Т. 4 / Под ред. П.О. Морозова. Пг.: Просвещение, 1916. — 743 с.

69) Пушкин в прижизненной критике: 1831–1833. СПб.: Государственный

Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2003. — 544 с.

70) Пушкин в прижизненной критике. 1834–1837. СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2008. — 632 с.

71) Роза граций. М., 1830 (обл. 1831). — 72 с.

72) Р. <Розен Е.Ф.> Литературная новость // Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”. 1831. № 8 (28 января). С. 59–60.

73) Р. <Розен Е.Ф.> Поправка ошибки // Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”. 1831. № 32 (22 апреля). С. 255.

74) Р. <Розен Е.Ф.> “Историческою дрянью...” // Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”. 1831. № 9 (31 января). С. 70.

75) Розен Е.Ф. Баронессе Елизавете Антоновне Дельвиг // Литературная газета. № 28 (16 мая). С. 227.

76) Розен Е.Ф. Борьба // Царское село. СПб., 1829. С. 237–240.

77) Розен Е.Ф. Видение Тасса // Московский телеграф. 1828. № 16. С. 507–513.

78) Розен Е.Ф. Вторая неудача Уваровских наград // Северная пчела. 1859, № 7 (10 января). С. 25–27.

79) Розен Е.Ф. Второе полное собрание сочинений А. Марлинского // Сын отечества. 1848. № 4. Отд. 6. С. 10–29.

80) Розен Е.Ф. Греческая героиня // Московский телеграф. 1826. № 13. С. 56–59.

81) Розен Е.Ф. Двойная жизнь. Очерк. Соч. К. Павловой // Сын отечества. 1848. № 5. Отд. 6. С. 1–19.

82) Розен Е.Ф. Дева гор // Московский телеграф. 1826. № 5. С. 3–4.

83) Розен Е.Ф. «Дева семи ангелов» и «Тайна». СПб., 1829. — 67 с.

84) Розен Е.Ф. Дочь Иоанна III // Пантеон русского и всех европейских театров. Ч. 2. 1840. — 64 с.

85) Розен Е.Ф. Жизнь за царя. Опера в 3 д. / Соч. барона Розена. Муз. М.И. Глинки. СПб., 1836. — 75 с.

86) <Розен Е.Ф.> Журнальные заметки // Сын отечества. 1847. № 8.

Отд. 6. С. 47.

87) Розен Е.Ф. Загородье на Полуострове // Сын отечества. 1849. № 1. Отд. 3. С. 7–18.

88) <Розен Е.Ф.> Журнальные заметки. Письмо к «Москвитянину» от барона Розена // Сын отечества. 1848. № 7. Отд. 6. С. 19–31.

89) Розен Е.Ф. Из статьи «Ссылка на мертвых» // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М.: Худ. лит-ра, 1974. С. 271–278.

90) Розен Е.Ф. Иоанн III и Аристотель (Из трагедии «Дочь Иоанна III») // Современник. 1836. Т. II. С. 194–205.

91) Розен Е.Ф. История пугачевского бунта, соч. А. Пушкина // Северная пчела. 1835. № 38 (18 февраля). С. 1–3.

92) Розен Е.Ф. Картина жизни // Московский телеграф. 1826. № 6. С. 42–45.

93) Розен Е.Ф. Картина: La toilette // Северный Меркурий. № 51 (ц. р. 31 декабря). С. 206–207.

94) Розен Е.Ф. Князя Горбатые-Шуйские // Альциона. СПб., 1833. С. 57–62.

95) Розен Е.Ф. К певцу Эды // Московский телеграф. 1826. № 16. С. 134–135.

96) Розен Е.Ф. К N* при посылке «Альционы» // Северный Меркурий. 1831. Т. 3. № 30–31. С. 123.

97) Розен Е.Ф. Лето жизни // Гирлянда. 1831. Ч. 1. № 2. С. 46–47.

98) Розен Е.Ф. Лето жизни // Московский вестник. 1827. № 24. С. 385.

99) Розен Е.Ф. Марциан // Сын отечества. 1842. № 3. Отд. 3. С. 6–8.

100) Розен Е.Ф. Могила Пушкина // Сын отечества. 1847. № 3. Отд. 3. С. 1–2.

101) Розен Е.Ф. Мой идеал // Московский телеграф. 1826. № 21. С. 4–6.

102) <Розен Е.Ф.> Мнение барона Е.Ф. Розена о драме А.С. Пушкина «Борис Годунов» // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1834. № 2 (6 января). С. 12–15; № 3 (10 января). С. 19–23.

- 103) <Розен Е.Ф.> Московский литературный и ученый сборник. Статья I // Сын отечества. 1847. № 9. Отд. 6. С. 1–16.
- 104) <Розен Е.Ф.> Московский литературный и ученый сборник. Статья II // Сын отечества. 1847. № 10. Отд. 6. С. 1–22.
- 105) Розен Е.Ф. Наль и Дамаянти, индейская повесть, соч. В. Жуковского // Сын отечества 1844. № 2. С. 59–66.
- 106) Розен Е.Ф. Нечто о «Московском телеграфе» // Сын отечества. 1832. № 10. С. 166–174.
- 107) Розен Е.Ф. Новые стихотворения В. Жуковского // Сын отечества. 1849. № 1. С. 1–19.
- 108) Розен Е.Ф. О рифме // Современник. 1836. Т. I. С. 131–154.
- 109) Розен Е.Ф. Осада Пскова. СПб., 1834. — 136 с.
- 110) Розен Е.Ф. Ответ С.П. Шевыреву // Северная пчела. 1848, № 57 (12 марта). С. 227–228.
- 111) Розен Е.Ф. Отъезжие поля. СПб., 1857. — 171 с.
- 112) Розен Е.Ф. Очистительная жертва // Альциона. СПб., 1832. С. 31–112.
- 113) Розен Е.Ф. Песня // Гирлянда. 1831. Ч. 3. № 3–4. С. 69–70.
- 114) Розен Е.Ф. Петр Басманов. СПб., 1835. — 197 с.
- 115) Розен Е.Ф. Письмо к «Москвитянину от барона Розена // Сын отечества. 1848. № 7. Отд. 6. С. 19–31.
- 116) Розен Е.Ф. Поэма Н.В. Гоголя об «Одиссее» // Северная пчела. 1846, № 181 (14 августа). С. 722–733.
- 117) Розен Е.Ф. Прелестной москвитянке // Царское село. СПб., 1829. С. 136–138.
- 118) Розен Е.Ф. Развалины Десятинной церкви // Московский телеграф. 1828. № 9. С. 71–74.
- 119) Розен Е.Ф. Родник // Сын отечества. 1843. № 3. Отд. 3. С. 2–13.
- 120) Розен Е.Ф. Рождение Иоанна Грозного. СПб., 1830. — 108 с.
- 121) Розен Е.Ф. Россия и Баторий. СПб., 1834. — 208 с.
- 122) Розен Е.Ф. Святополк // Литературные прибавления к «Русскому ин-

валиду”. 1831. № 92 (18 ноября). С. 726–727.

123) Розен Е.Ф. Сон минутного счастья // Русский зритель. 1828. Ч. 3. С. 61–62.

124) Розен Е.Ф. Спящая Передслава (Отрывок) // Московский телеграф. 1826. № 11. С. 112–113.

125) Розен Е.Ф. Ссылка на мертвых // Сын отечества. 1847. № 6. Отд. 3. С. 3–40.

126) Розен Е.Ф. Стихотворения Александра Пушкина, 3-я часть // Северная пчела. 1832, № 81 (7 апреля). 1–3.

127) Розен Е.Ф. Стихотворения М. Лермонтова // Сын отечества. 1843. № 3. Отд. 6. С. 1–18.

128) Розен Е.Ф. Тени друга // Литературная газета. 1831, № 25 (1 мая). С. 201.

129) Розен Е.Ф. Тоска по юности // Московский телеграф. 1826. № 15. С. 100–101.

130) Розен Е.Ф. Три стихотворения. М., 1828. — 80 с.

131) Розен Е.Ф. Царь Сой // Сын отечества. 1847. № 1. Отд. 3. С. 6–7.

132) Розен Е.Ф. Черкешенка Пушкина // Дамский журнал. 1825. № 17. С. 175–176.

133) Рукописи, представленные на Уваровский конкурс [Опись архивного материала] // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 5б. — 10 с.

134) Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975. (Библиотека поэта). — 968 с.

135) Рылеев К.Ф. Думы / изд. подготовил Л.Г. Фризман. М.: Наука, 1975. (Литературные памятники). — 254 с.

136) Санкт-Петербургский вестник. СПб., 1831.

137) Северная пчела. СПб., 1829, 1831–1836, 1839, 1846–1848, 1858–1860.

138) Северный Меркурий. СПб., 1831.

139) Соллогуб В.А. Пережитые дни // Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. Л.: Худож. лит., 1988. С. 559–627.

- 140) С. <Сомов О.М.> «Три стихотворения» барона Г. Розена // Северная пчела. 1829. № 36 (23 марта 1829). С. 1.
- 141) <Сомов О.М.> «Альциона», альманах на 1831 год, издан бароном Розеном // Литературная газета. 1831, № 3 (11 января). С. 25.
- 142) <Стасов В.В.> Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1901, № 9. С. 646–647.
- 143) Хомяков А.С. Сопроводительное письмо в Комиссию Академии наук по присуждению Уваровской премии при представлении рецензии на драму Е.Ф. Розена «Царевич» // Рукописный отдел Пушкинского Дома. Ф. 166. Оп. 6. Ед. хр. 45. — 2 л.
- 144) Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. Л.: Сов. писатель, 1969. (Библиотека поэта. Большая серия). — 595 с.
- 145) Шевырев С.П. Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя // Москвитянин. 1848. № 1. Отд. критики. С. 1–29.
- 146) Шевырев С. П. Ответы // Москвитянин. 1848. № 4. Отд. критики. С. 105–125.
- 147) Эвтерпа. М., 1830. — 192 с.
- 148) Matthisson F. Gedichte. Zürich, 1808. 332 s.
- 149) Rosen G. Boris Godunow. St. Petersburg, 1831... // Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands. Riga und Dorpat, 1833. Bd. I. № 1. S. 43–59.
- 150) Rosen, Karl Georg Woldemar (Egor Fedorovič) Frh. v. (1800–1860) // Baltisches biografisches Lexikon digital [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bbld.de/0000000073288480>

Исследования

- 151) Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография. М.: Наука, 1973. — 278 с.
- 152) Азадовский М.<К.> Автор «Конька-Горбунка» // Литература и фольклор: очерки и этюды. М.: Учпедгиз, 1938. С. 106–132.
- 153) Азадовский М.<К.> Фольклоризм Лермонтова // Лит. наследство. Т. 43/44 <М.Ю. Лермонтов>. Кн. I. М.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 227–262.
- 154) Архангельский А.Н. В тоске по контексту (От Гаврилы Державина до Тимура Кибирова) // Архангельский А.Н. У парадного подъезда: Литературные и культурные ситуации периода гласности (1987–1990). М.: Сов. писатель, 1991. С. 158–214.
- 155) Арш Г.Л. Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М.: Индрик, 2013. — 280 с.
- 156) Арш Г.Л. Тайное общество «Филики Этерия». Из истории борьбы Греции за свержение османского ига. М.: Наука, 1965. — 128 с.
- 157) Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 4. СПб.: А.Д. и П.Д. Погодины, 1891 — 458 с.; Кн. 9. СПб., 1895. — 511 с.
- 158) Берков П.Н. Библиографическая эвристика. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960. — 177 с.
- 159) Берков П.Н. Введение в технику литературоведческого исследования. Л.: гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1955. — 154 с.
- 160) Благой Д.<Д.> Проблемы построения научной биографии А.С. Пушкина // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 247–270.
- 161) Блинова Е.М. «Литературная газета» А.А. Дельвига и А.С. Пушкина, 1830–1831: Указатель содержания. М.: Книга, 1966. — 208 с.
- 162) Бознак О.Н. Перевод «Одиссеи» В.А. Жуковского в восприятии Н.В. Гоголя и С.П. Шевырева // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2016. № 5. С. 3–8.
- 163) Бродский Н.Л. М.Ю. Лермонтов: Биография. Т. I. 1814–1832. М.: ОГИЗ, 1945. — 348 с.

- 164) Вайскопф М.<Я.> Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 696 с.
- 165) Валевский А.Л. Основания биографики. Киев: Наукова думка, 1993. — 109 с.
- 166) Вацуρο В.Э. Антон Дельвиг — литератор // Избранные труды. М., 2004. С. 655–671.
- 167) Вацуρο В.Э. Бестужев-Рюмин Михаил Алексеевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1992. С. 261–262.
- 168) Вацуρο В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь «умственные плотины». М.: Книга, 1986. — 382 с.
- 169) Вацуρο В.Э. Из разысканий о Пушкине // Вацуρο В.Э. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 513–523.
- 170) Вацуρο В.Э. Историческая трагедия и романтическая драма 1830-х годов // Вацуρο В.Э. Пушкинская пора. СПб.: Академический проект, 2000. С. 559–603.
- 171) Вацуρο В.Э. Мицкевич и русская литературная среда 1820-х гг. (Разыскания) // Вацуρο В.Э. Избранные труды: Языки славянской культуры. М., 2004. С. 672–614.
- 172) Вацуρο В.Э. Розен Егор (Георгий) Федорович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М.: Сов. энциклопедия, 2007. С. 341–344.
- 173) Вацуρο В.Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина // Вацуρο В.Э. Избранные труды: Языки славянской культуры. М., 2004. С. 3–222.
- 174) Велижев М.<Б.>, Лавринович М.<Б.> «Сусанинский миф»: становление канона // Новое литературное обозрение. 2003. № 63. С. 186–204.
- 175) <Веревкин М.И.> Жизнь покойного Михайла Васильевича Ломоносова // Полное собрание сочинений М.В. Ломоносова: С прибавлением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений. Т. 1.

СПб., 1784. С. III–XVIII.

176) Винокур Г.О. Биография и культура. М.: <б. и.>, 1927. — 86 с.

177) Гаспаров М.Л. Как писать историю литературы // Русский филологический портал Philology.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.ru/literature1/gasparov-03.htm>

178) Гессен А.И. «Все волновало нежный ум...»: Пушкин среди книг и друзей. М.: Наука, 1965. — 509 с.

179) Гиллельсон М.И. Пушкинский «Современник» // «Современник», литературный журнал, издаваемый А.С. Пушкиным. Приложение к факсимильному изданию. М.: Книга, 1987. С. 3–42.

180) Гришунин А.<Л.> Культурно-историческая школа // Академические школы в русском литературоведении. М., 1975. С. 10–201.

181) Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: ОГИЗ, 1948. — 436 с.

182) Демченко А.А. Научная биография писателя как тип литературоведческого исследования // Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 52–61.

183) Дроздов Н.А. Французская «неистовая словесность» в русской рецепции 1830-х гг. Диссертация ... кандидата филологических наук. СПб., 2013. — 230 с.

184) Евгеньев-Максимов В.<Е.> Творческий путь Н.А. Некрасова. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1953. — 289 с.

185) Егоркин А.И., Шляпкин И.А. Литературные дела архива Цензурного комитета // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 29–30. Пг., 1918. С. 98–130.

186) Ермоленко С.И. Литература «второго ряда» и становление русского психологического романа // Уральский филологический вестник. 2014. № 1. С. 5–23.

187) Ефимовская Е. «Варварские стихи» или «одушевленное слово»: еще раз о либретто «Жизни за царя» // Музыкальная Академия. 2004. № 2. С. 6–10.

188) Жбанкова М.С. Иван Грозный в оценке Н.М. Карамзина и русских писателей 30-х гг. XIX века // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 1 (78). С. 117–120.

189) Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин; Пушкин и западные литературы: Избранные труды. Л., 1978. — 423 с.

190) Жуйков Д.А. Основные методологические проблемы биографического исследования в современной историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 25 (279). История. Вып. 52. С. 133–136.

191) Ивинский Д.П. История русской литературы. Введение. М.: Р. Валент, 2019. — 207 с.

192) Ивинский Д.П. Сцена «Ограда монастырская»: Пушкин, Мицкевич, Дельвиг, Розен // Пушкин: Москва: 1826: Альбом по материалам выставки в Государственном музее А.С. Пушкина: Август — декабрь 2006. С. 248–253.

193) Ивинский Д.П. «Я уверен, что Сумбурнашев никогда не вел дневника...»: Из полемических заметок князя П.А. Вяземского // Ивинский Д.П. О Пушкине. М.: Intrada, 2005. С. 213–236.

194) Ильин-Томич А.А. Карлгоф Вильгельм Иванович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1992. С. 485–486.

195) Исаков С.Г. Журналы «Esthona» (1828–1830) и «Der Refraktor» (1836–1837) как пропагандисты русской литературы // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 266. Тарту: <б. и.>, 1971. С. 16–52.

196) Исаков С.Г. О ливонской теме в русской литературе 1820–1830-х гг. // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 98. Тарту: <б. и.>, 1960. С. 143–193.

197) Кацис Л.Ф., Одесский М.П. «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки. М.: Издательский дом «Регнум», 2011. — 314 с.

198) Киселева Л.<Н.> Барон Розен о себе // Статьи на случай: Сборник к 50-летию Р.Г. Лейбова. Объединенное гуманитарное издательство Ruthenia.ru, 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Kiseljova.pdf

199) Киселева Л.<Н.> На подступах к николаевской идеологии. «Национальное представление» в русском театре начала 1820-х гг. // Сб. статей; под ред. Г. Обатнина, Б. Хеллмана и Т. Хуттунена. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 7–17.

200) Киселева Л.Н. Роман об остзейце и его автор // Киселева Л.Н. Эстонско-русское культурное пространство. М.: Викмо-М, 2018. С. 242–256.

201) Киселева Л.Н. «Русский путешественник» барон Розен — европеец и космополит. Италия как его идеальная отчизна // Киселева Л.Н. Эстонско-русское культурное пространство. М.: Викмо-М, 2018. С. 228–242.

202) Киселева Л.Н. Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // Лотмановский сборник. Вып. 2. М., 1997. С. 279–302.

203) Киселева Л.Н. Эстляндец барон Е.Ф. Розен — борец за русскую народность // Киселева Л.Н. Эстонско-русское культурное пространство. М., 2018. С. 213–228.

204) Киселева Л.Н. Язык сцены и язык драмы в имперском идеологическом строительстве 1830-х гг. // Лотмановский сборник, 4. М.: ОГИ, 2014. С. 279–297.

205) Койре А. Философия и национальная проблема в России начала XIX века. М.: Модест Колеров, 2003. — 304 с.

206) Кормилов С.<И.> Зачем изучать забытых и второстепенных критиков и филологов? // Забытые и «второстепенные» критики и филологи XIX–XX веков: Материалы научной конференции «Пятые Майминские чтения», 14–17 ноября 2004 г. Псков, 2005. С. 8–13.

207) Куц Н.<В.> К вопросу о литературных отношениях А.С. Пушкина и барона Е.Ф. Розена: контекст «Бориса Годунова» // «И в просвещении статья с веком наравне». Сборник статей / под общ. ред. Н.И. Михайловой. М.: ИКАР, 2018. С. 125–138.

208) Лакшин В.<Я.> А.Н. Островский. Проблемы научной биографии: автореферат диссертации ... доктора филологических наук. М., 1981. — 44 с.

- 209) Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М.: Гос. публичная историческая б-ка России, 2004. — 305 с.
- 210) Лащенко С.К. М.И. Глинка и Е.Ф. Розен // Искусство музыки: теория и история. № 22–23. 2020. С. 156–213.
- 211) Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой / Пер. с фр. В.И. Матузовой; коммент. Д.Э. Харитоновича. М., 2001. — 800 с.
- 212) Лепехин М.П. «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н.И. Новикова (Некоторые проблемы изучения) // XVIII век. Вып. 16. С. 234–250
- 213) Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: В 4 т. М.: Слово/Slovo, 1999. Т. 2. — 544 с.;
- 214) Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: В 4 т. М.: Слово/Slovo, 1999. Т. 3. — 624 с.;
- 215) Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: В 4 т. М.: Слово/Slovo, 1999. Т. 4. — 752 с.
- 216) Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского / Сост. А.М. Песков. 1800–1844. М.: Новое литературное обозрение, 1998. — 496 с.
- 217) Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808) / И.А. Виноградов. Научное издание. В 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018.
- 218) Летопись жизни и творчества М.И. Глинки: В двух частях / Сост. А.А. Орлова. Часть I. 1804–1843. Л.: Музыка, 1978. — 288 с.
- 219) Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова, 1821–1877: в 3 т. СПб.: Наука, 2006–2009.
- 220) Литературное наследство. Т. 4–6 [И.В. Гете]. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1932. — 1062 с.
- 221) Литературное наследство. Т. 16/18 [А.С. Пушкин]. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1934. — 1183 с.
- 222) Литературное наследство. Т. 58 [Пушкин. Лермонтов. Гоголь]. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. — 1059 с.
- 223) Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д.С. Из-

бренные работы в трех томах. Т. III. М.: Худож. лит., 1987.

224) Лотман Ю.М. Биография — живое лицо // Новый мир. 1985. № 2. С. 228–236.

225) Лобанкова Е.<В.> Глинка. Жизнь в эпохе. Эпоха в жизни. М.: Молодая гвардия, 2019. — 590 с.

226) Лобанкова Е.В. Танцующие «чужие» как архетип русской оперы // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. № 5 (52) 2017. С. 54–64.

227) Лямина Е.Э., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х гг. М.: Языки русской культуры, 1999. — 559 с.

228) Мазон А. Гончаров как цензор // Русская старина. 1911. Вып. 3. С. 473–484.

229) Мазон А. Страничка из истории русской цензуры в конце 50-х годов // Сборник статей в честь проф. В.П. Бузескула. Харьков: Тип. «Печатное дело», 1914. С. 247–253.

230) Мануйлов В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М.–Л.: Наука, 1964. — 198 с.

231) Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 3. М., 1958. — 415 с.

232) Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 4. М., 1960. — 558 с.

233) Медведева Е.А. Жанр научной биографии в русском литературоведении кон. XIX — нач. XX в. (на материале работ, посвященных Н.С. Тихонравову). Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Казань, 2011. — 24 с.

234) Мещеркина Е.Ю. Памяти П. Бурдые. Биографическая иллюзия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. Том. 1. № 1. С. 75–83.

235) Мещеряков В.П., Рейтблат А.И., Булгарин Фаддей (Тадеуш) Венедиктович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 347–351.

236) Мильчина В.<А.> XXII Лотмановские чтения «Семиотика поведения и литературные стратегии» (ИВГИ РГГУ, 23–24 декабря 2014 г.) // Новое литературное обозрение. 2015. № 2 (132). С. 416–431.

237) М.Ю. Лермонтов: pro et contra / Сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова, вступ. статья В.М. Марковича, коммент. Г.Е. Потаповой и Н.Ю. Заварзиной. СПб.: Изд-во РХГА, 2002. — 1080 с.

238) Нешумова Т.Ф. (с использованием картотеки В.Э. Вацура). Сиянов Петр Гаврилович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М.: Сов. энциклопедия, 2007. С. 618–620.

239) Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / Ред., вступ. статья и коммент. Вл. Орлова. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. — 545 с.

240) Никола М.И. Греческая революция 1821 года в поэзии А.С. Пушкина и его современников // Наука и школа. 2021. № 6. С. 11–19.

241) Новонайденный автограф Пушкина. Заметки на полях рукописи книги П.А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине» / подгот. текста, статья и примеч. В.Э. Вацура и М.И. Гиллельсона. М.; Л., 1968. — 128 с.

242) Опыт исторического словаря о российских писателях / Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков. СПб., 1772. — 128 с.

243) Оксман Ю.Г. Летопись жизни и творчества В.Г. Белинского. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. — 641 с.

244) Охотин Н.Г., Ранчин А.М. Кукольник Нестор Васильевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 212–215.

245) Песков А.М. Воейков Александр Федорович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1992. С. 456–458.

246) Песков А.М. Павел I. М.: Молодая гвардия, 2005. — 420 с.

247) Петровская И.Ф. Биографика: Введение в науку и обозрение источни-

ков биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. СПб.: Петрополис, 2010. — 381 с.

248) Пиксанов Н.К. Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831–1832) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. СПб., 1907. Вып. 5. С. 30–74.

249) Плешаков И.Н. Гусарская быль // Рать саратовская: очерки военной истории Саратовского края. Саратов: Приволжское издательство, 2009. С. 64–101.

250) Попкова Н.А. Московский вестник. Журнал, издаваемый М.П. Погодиным. 1827–1830. Указатель содержания. Саратов: Зон. НБ Саратовского гос. ун-та, 1991. — 112 с.

251) Попкова Н.А. Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым. Указатель содержания. Вып. 1: 1825–1828. Саратов: Зон. НБ Саратовского гос. ун-та, 1990. — 188 с.;

252) Попкова Н.А. Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым. Указатель содержания. Вып. 2: 1829–1834. Саратов: Зон. НБ Саратовского гос. ун-та, 1990. — 192 с.

253) Прозорова И.В. «Великие» и «второстепенные» писатели в литературном процессе // Русская словесность. 2006. № 6. С. 13–20.

254) Раку М.<Г.> Музыкальная классика в мифотворчестве советской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 720 с.

255) Ранчин А.М. Святополк Окаянный: установление отцовства // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2015, № 1. С. 19–36.

256) Ранчин А.М. Борис и Глеб. М.: Молодая гвардия, 2013. — 295 с.

257) Рейтблат А.М. Биография и литературоведение (Размышления по поводу состоявшейся полемики) // Новое литературное обозрение. 2009. № 1(95). С. 437–441.

258) Рогачевский А.Б. Масальский Константин Петрович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3. М.: Сов. энциклопедия, 1994. С. 539–540.

259) Розен А.Е., барон. Очерк фамильной истории баронов фон Розен из родовых домов Рооп, Гохрозен, Шенангерн или Розенгоф, Райскум, Моян и пр. 992 — 1876. СПб., 1876. — 86 с.

260) Рыбников Н.А. Биографии и их изучение. М.: <б. и.>, 1920. — 48 с.

261) <Саитов В.И.> Розен, барон Егор (Георгий) Федорович // Русский биографический словарь. Т. XVI. Рейтерн–Рольцберг. СПб.: Имп. рус. ист. общество, 1913. С. 399–403.

262) Салупере М.Г. Об одном раннем переводе “Бориса Годунова” на немецкий язык // Пушкинские чтения: Сборник статей / Сост. С.Г. Исаков. Таллин: Ээсти Раамат, 1990. С. 144–155.

263) Синельникова Г.А. Преодоление «биографической иллюзии»: о методологических основаниях «новой биографической истории» // Гуманитарные исследования. 2020. № 2 (27). С. 48–51.

264) Скафтымов А.П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения истории литературы // Скафтымов А.П. Поэтика художественного произведения. М., 2007. С. 21–40.

265) Сочинения Н.С. Тихонравова: в 4 т. М.: М. и С. Сабашниковы, 1898. Т. 1. — 711 с.

266) Серман И.З. Пушкин и русская историческая драма 1830-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Изд-во АН СССР, 1969. Т. IV. С. 118–149.

267) Сперанская Н.М. Петербургская газета "Le Furet" — "Le Miroir" и русская литература конца 1820-х — начала 1830-х годов: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. Тверь, 2005. — 353 с.

268) Томашевский Б.В. Пушкин. Книга первая (1813–1824). М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1956. — 744 с.

269) Томашевский Б.В. Пушкин. Книга вторая. Материалы к монографии (1824–1837). М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — 576 с.

270) Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 255–270.

- 271) Тынянов Ю.Н. О литературной эволюции // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 270–281.
- 272) Угрюмов Н.П. Вариации на глинкинскую тему // Советская музыка. 1986. №12. С. 86–96.
- 273) Фадеев А.В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. М.: изд-во Академии наук СССР, 1958. — 396 с.
- 274) Фризман Л.Г. А.С. Пушкин и «Северные цветы» // Северные цветы на 1832 год / изд. подготовил Л.Г. Фризман. М.: Наука, 1980 (Литературные памятники). С. 295–337.
- 275) Фризман Л.Г. Иван Киреевский и его журнал «Европеец» // «Европеец», журнал И.В. Киреевского. 1832 / изд. подг. Л.Г. Фризман. М.: Наука, 1969 (Литературные памятники). С. 385–479.
- 276) Фролова Е.В. Берлинский архив М.И. Глинки. М.: Издательский дом «Композитор», 2006.
- 277) Фролов С.В. Глинка. М.И. Глинка в XXI веке. Новый взгляд на личность и творчество. Часть 1. Детство в Новоспасском (1804–1817). СПб.: Нестор-История, 2016.
- 278) Соболевская О.В. Биография // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. Стлб. 90–92.
- 279) <Стасов В.В.> Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1901, № 9. С. 643–668.
- 280) Черейский Л.А. Розен Егор (Георгий) Федорович // Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1988. С. 374–376.
- 281) Шенрок В. Материалы для биографии Гоголя. Т. III. М.: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1895. — 557 с.;
- 282) Шенрок В. Материалы для биографии Гоголя. Т. IV. М.: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1897. — 986 с.
- 283) Эйхенбаум Б.М. Мой современник // Эйхенбаум Б.М. Мой современник. Маршрут в бессмертие. М.: Сов. литература, 2001. С. 13–134.
- 284) Ярославцев А.К. Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-

Горбунок». СПб.: Тип. В. Демакова, 1872. — 220 с.

285) Batchelor J., ed. *The art of literary biography*. Oxford: Clarendon press, 1995. 300 p.

286) Clifford J.L., ed., *Biography as an Art. Selected criticism 1560 –1960*. NY: Oxford Univ., 1962. 256 p.

287) Cockshut A. *Truth to Life: The Art of Biography in the Nineteenth Century*. L., 1974. 220 p.

288) Garzonio S. A 19th century poetical antecedent of Block's «Neznakomka»: (The lyrical cycle «Miloj neznakomke» by Baron Georgii Rozen) // *Elementa: Journal of slavic studies and comparative cultural semiotics*. 2000. Vol. 4. № 4. P. 303–309.

289) Nadel I.B. *Biography: Fiction, Facts and Form*. NY: St. Martin's Press, 1984. 248 p,

290) Hodge T.P. *Susanin, Two Glinkas, and Ryleev: History-making in A Life for the Tsar // Intersections and transpositions: Russian music, literature, and society / edited and with an introduction by Andrew Baruch Wachtel*. Northwestern University Press, 1998, pp. 3–19.

291) Pachter M., ed., *Telling Lives. The biographer's Art*. Washington D. C.: New Republic Books, 1979. 160 p.